

МОЙ
РЕБЕНОК
ОТ
ПРЕДАТЕЛЯ

МАИС
Алиса

ИЗМЕНА.

(Не) ФРИГИДНАЯ ЖЕНА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Алиса Маис

Измена. (Не) фригидная жена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70510726

SelfPub; 2024

Аннотация

Не уходи, пожалуйста, я должна кое-что тебе сказать... – Боже, Виталина, ты серьезно? – он ухмыляется. Я почти не узнаю своего мужа. Своего заботливого, любящего... Мужчину. – Это важно! – Ты видела ее. Ты знаешь правду. – он кивает своим словам. – Мне надоело прятать ее. – Пожалуйста, выслушай меня... – И что ты скажешь? – я вздрагиваю от его голоса. – Что любишь меня? Я знаю. Скажешь, что родишь мне ребенка? Да ладно, Виталина, сколько денег мы на это потратили? Толку нет. Что мы имеем в итоге? Ребенка ты мне родить не можешь, ласки от тебя не дожدهшься... – Нет, нет, ты же знаешь, что лечение... – Короче. Документы на развод подпишешь? – Дамир поднимает руки, вынуждая умолкнуть.

Содержание

Раздел 1. Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6	65
Глава 7	74
Глава 8	83
Глава 9	98
Глава 10	107
Глава 11	125
Глава 12	133
Глава 13	141
Глава 14	155
Глава 15	160
Глава 16	165
Глава 17	177
Раздел 2. Глава 18	190
Глава 19	197
Глава 20	210
Глава 21	226
Глава 22	235
Глава 23	244

Глава 24	249
Глава 25	265
Глава 26	278
Глава 27	284
Глава 28	296
Глава 29	311
Глава 30	321
Эпилог	330

Алиса Маис

Измена. (Не)

фригидная жена

Раздел 1. Глава 1

Я думала, так в жизни не бывает.

В кино, сериалах, книгах – пожалуйста, но только не в жизни.

Права оказалась моя мама, которая с юности предупреждала: жизненные повороты дадут фору любой истории на экране...

Неделю назад я застала любимого мужа в объятиях другой женщины.

Я постоянно плачу. Заедаю горе калорийной пищей. Почти не выхожу на улицу. Не общаюсь с друзьями. Маме сказала, что заболела гриппом и пропал голос, так что пишу ей сообщения и бросаю селфи с наигранными улыбками, тонируя красные пятна на лице от слез.

Чувство нереальности происходящего не покидает меня...

Я хочу верить, что этот кошмар – сон, а я никак не проснусь.

Ведь это не могло случиться со мной!

Только не со мной!

Не с нами.

Дамир любит меня. Любил...

Это был обычный рабочий день. Я должна была вернуться в семь, закончив обновлять список недвижимости для нашей риэлтерской компании. Но под самое закрытие мне позвонили из клиники, в которой я сдавала кровь... Дальше все как в тумане. Я попросила коллегу прикрыть меня, чтобы поскорее добраться домой, поделиться с мужем новостью, обрадовать его. Мы так долго ждали и так старались...

Я не бежала по улице, а парила над землей. У нас случилось! После стольких разочарований у нас будет ребенок. Не помню, как добралась до дома. По дороге я представляла, что скажет Дамир, его реакцию. Представляла, как он рассмеется, поднимет, закружит на руках. Я строила планы, краткосрочные и масштабные. С рассеянной улыбкой планировала заказать пиццу и гамбургеры на вечер, а завтра заехать за детские магазины, сделать себе с десяток важных закладок и записаться к гинекологу.

Открыв двери первого этажа, я проигнорировала все тревожные звоночки, и помчалась наверх. Когда я сейчас вспоминаю об этом, мне хочется сказать себе: *«Нет, Виталина, пожалуйста, не надо!»* Но горькое воспоминание проигрывается до конца, я нажимаю на ручку двери и вхожу в нашу спальню.

Я сразу вижу их в зеркале, которое мы с Дамиром установили над туалетным столиком. Когда это было? Кажется, в прошлом декабре. Перед самым Новым годом мы спонтанно купили зеркало и Дамир предложил повесить его здесь, чтобы я смотрела в него по утрам, а он – на меня, «самую красивую и любимую жену».

Сейчас я вижу в зеркале девушку с огненно-рыжими волосами. Мужские руки обнимают ее, прижимают к себе, ласкают, скользят по ее коже. Я замираю на пороге и сдуваюсь, как воздушный шарик.

Может быть, это ошибка?!

Не тот дом?

Не тот район?

«Не тот город?» – тихий грустный смех оседает на губах.

Как в «Иронии судьбы». И будем потом с Дамиром рассказывать ребенку, когда подрастет, о смешном случае, когда мама...

До меня доходит, что женщину обнимает мой муж и никакая это не ошибка. Я узнаю кольцо. Боже, он даже не снял обручальное кольцо с пальца, которым сжимает ее тело. Я приваливаюсь к стене, едва не потеряв равновесие. Шок и отчаяние бродят по коже. Я не хочу на них смотреть, но глаз оторвать не могу... Кто она? Кто эта женщина, которую Дамир бессовестно привел в нашу постель?!

Время замирает, их движения замедляются, я впадаю в ступор.

Нечем дышать.

Я теряю способность анализировать, принимать решения.

Мне больно.

Лезвие предательства проворачивается в груди, оставляя физическую рану.

Я могла бы крикнуть: «Дамир!»

Позвать мужа, все еще любимого...

Могла бы эффектно появиться, запрятав в дальний уголок души обиду и отчаяние. Но я не сильная женщина. По крайней мере, не сейчас. Я предстаю перед мужем и его любовницей эмоционально голой в горе, надломленной, ошарашенной и преданной.

Из горла вырывается истошный крик.

Он пронесется по комнате, отбивается от стен, вынуждает застыть людей на кровати. Теперь я в центре их внимания.

– О боже, Дамир... – восклицает девушка. – *Это она?*

Рыжая смотрит прямо на меня. Она прикрывает грудь одеялом, слезает с коленей моего мужа и моргает, как загнанный зверь. Но Дамир... Мне кажется, что я до смерти не забуду этот взгляд. Его черные глаза впиваются в меня, в них ни капли страха, сожаления или вины.

Он выглядит разочарованным, не больше.

Разочарованным, что жена узнала о любовнице или...
Прерванным актом соития?

– Виталина, – вздыхает он. – Только не устраивай сцен, ладно?

Его слова бьют по лицу.

Будто брошенный в меня камень.

Я все еще опираюсь о стену. Руки на груди, комкают маленькую серую сумку. Ноги слабые, колени дрожат. Едва ли смогу сделать шаг, не упав, а сделать шаг необходимо. Я увидела и услышала достаточно, сейчас хочу убежать из дома.

«Не устраивать сцен».

Это все, что его волнует?

А перед кем устраивать сцены? Перед его любовницей?

Может быть, стоит подумать о моем комфорте?!

Мне надо уйти. Убежать.

На край света.

На край Вселенной.

Хочу убежать и стереть себе память. Стереть из головы два с половиной года семейной жизни. Его «Я люблю тебя», мои «ты моя жизнь», вечера и утра. Теперь все это видится мне под другим углом, наполненное фальшью, обманом, изменами.

– Вит, – он поднимается. – То, что ты увидела...

Прикрывается подушкой.

Муж голый. Я вижу, как по его виску стекает капелька пота. Начинаю дышать быстрее. Он подходит ко мне, но я отстраняюсь и врезаюсь в стену, будто ко мне хотел прикоснуться сам дьявол.

– Не касайся меня! Больше никогда не касайся меня! Пре-

датель!

– Виталина...

– Что?! Что «Виталина»? – голос срывается. – Как ты это объяснишь?!

– А нужно? – он дергает плечом. – Вроде бы все предельно ясно.

Невозмутимый.

Рыжая дамочка, надо отдать ей должное, подбирает одежду и спускается по лестнице на первый этаж. Я успеваю заметить в ее руках кружевные черные трусики. Она стучит пятками по ступенькам, останавливается внизу, наверное, начинает спешно одеваться.

Сколько раз Дамир делал это здесь?

Она была единственной?

Есть и другие?

В нашей кровати.

– Как давно? – шепчу я, не поднимая взгляда от пола.

– Виталина, мне жаль, что ты узнала об этом так... Честно. Ты, наверное, сейчас, думаешь, что я вселенское зло, но...

– Если ты действительно не хотел, чтобы я узнала об этом так, мог бы не приводить ее в дом, в спальню, в нашу с тобой постель! – из меня потоком вырывается смертельная обида. – Мог бы не изменять мне. Я не верю, что ты не хотел... Ты наплевал мне в душу!

– Виталина, ты не видела очевидного... Не замечала.

– Чего конкретно?

– Наш брак был неполноценным... Ты просто закрывала глаза на проблему!

– Что? Каким? – Я не удерживаюсь и распахиваю глаза. Смотрю на своего мужа, пока перед глазами не начинает расплываться. – Ты считаешь, что наш брак был неполноценным? – ужасаюсь я.

Он приподнимает руку, как бы подтверждая свои слова. Второй сжимает горе-подушку.

– Ты понимаешь, о чем я говорю. Ты не могла забеременеть.

– Я... Но мы... Я думала, что ты веришь в лечение и в... Голова начинает кружиться.

– Верил сначала. Но у тебя не получалось. И ты стала такой холодной.

– И как... Когда... – я делаю все больше пауз между словами.

И в глубине моей души рождается понимание, что я больше не хочу ничего знать. Я дала Дамиру шанс, так работает чертова любовь. На что я надеялась? Думала, что он упадет передо мной на колени и поклянется, что такого никогда не будет? Какая я дура! Он старается обвинить меня в своей измене! Как будто я была плохой женой. Я поднимаю руку и надавливаю на переносицу, чтобы сдержать слезы. Не собираюсь плакать перед ним.

Дамир вздыхает.

– Несколько месяцев, – говорит он.

Его слова эхом звучат в моей голове.

Я киваю.

Но не могу найти дня, часа или конкретной минуты, когда это случилось. Не могу принять, что Дамир взял и спланировал затащить в постель какую-то девушку. Когда он сделал это? После того как поцеловал меня? Между делом на работе? Во время завтрака за столом?

Ложь Дамира накладывается на его образ и искажает его.

Тыльной стороной ладони смахиваю одинокую слезу, скатившуюся по щеке.

Он отходит, чтобы надеть штаны.

Буднично поднимает с пола одежду, скинутую в порыве страсти с другой девушкой. Не могу на это смотреть. И на него. Собрав всю волю в кулак, я отстраняюсь от стены и шагаю к дверям.

Переступаю порог, хватаюсь за поручень, и шаг за шагом, спускаюсь.

Вспоминаю, с каким вдохновением поднималась.

Вспоминаю, что...

Боже.

Понимание, что я ношу под сердцем ребенка Дамира, отнимает у меня вдох. Желанный ребенок, без которого наш брак развалился, уже растет во мне.

Поздно.

«Несколько месяцев назад», – сказал Дамир.

Почему мы не смогли зачать раньше? Этого кошмара мог-

ло бы и не произойти.

– Вита, постой, ну ты куда? – он догоняет меня у дверей.

Уже одетый. Внешне тот же самый человек, но чужой.

– Поживу... у родителей, – бросаю я.

По правде говоря, я не собираюсь к ним идти. Только не к маме с папой, которые обожают Дамира, как сына, и даже не поверят, вероятно, в его предательство.

Мое будущее кажется расплывчатым и неопределенным.

И мне не хочется с ним разбираться.

– Виталина! – зовет.

– Ты достаточно сказал, Дамир.

– Вит, я не выгоняю тебя. Можешь остаться, пока мы...

Я останавливаюсь, но не за тем, чтобы рассмотреть предложение.

– И спать на постели, на которой ты развлекался с другой?

Он поджимает губы.

Но в нем по-прежнему нет вины.

Открыв дверь, я быстрее и увереннее спускаюсь с крыльца.

Прохладный воздух освежает разгоряченное от эмоций тело. Возле ворот я разворачиваюсь и бросаю взгляд на наш особняк. Нашу первую совместную инвестицию. Он навсегда останется местом, где мы начали нашу общую историю с Дамиром. Я всхлипываю, но сдерживаюсь и не позволяю себе разрыдаться.

Забрасываю сумку, опускаю руку на живот и ухожу из сво-

его дома.

Мы с Дамиром живем в спальном районе возле реки, который отличается красивыми плиточными дорожками, большим количеством детских площадок в парках... И не в меру любопытными соседями.

– Виталина, – окликают меня. – Виталина, солнышко...

Кстати, о «любопытных соседях»...

Ко мне семенит Валентина Степановна из дома сорок семь. На плечах у нее бледно-розовая шаль, а в руках рожок мороженого. Она подходит ко мне и шутливо грозитя пальчиком, мол, иду вечером «не в ту сторону, что обычно».

Я смотрю в ее светло-голубые глаза, неприлично долго молчу, борясь с желанием упасть ей на грудь, разрыдавшись. Она вдвое меня старше, успела всякого повидать в жизни, но поймет ли она чувства преданной женщины?

Если в ее браке и были измены, о них она не рассказывала...

Слезы душат меня несколько минут. Раз за разом накатывает волна обиды. Я знаю, что однажды она смоем попытки «удержать лицо». Нет. Валентина Степановна не тот человек, которому я хочу довериться.

– Подругу вызвали на работу, я посижу немного с ее малышкой, дождусь ее возвращения, – говорю, умудряясь улыбнуться в первый раз за последние полчаса. – Вы не переживайте за меня.

– Когда уже у тебя будет свой ангелок, Виталина? – наклоняется ко мне Валентина Степановна. – Вы с Дамиром будете прелестными родителями. А ваши гены...

Без ножа ранит.

– Если родится девочка, будет разбивать все мальчишечьи сердца.

– Ох, Валентина Степановна, я бы с вами поговорила, но...

– Я понимаю. Беги, беги, солнышко.

Я коротко обнимаю ее и отхожу.

– Заходи на выходных, выпьем чаю, поговорим! – предлагает она мне в спину.

Я не планирую возвращаться, но соглашаюсь с фальшивым энтузиазмом.

Из-за неудобных туфель безумно болят ноги. Но я шагаю дальше, прохожу однообразные дома и магазины, стараясь ни на что не смотреть. Район, по которому я иду, мы с Дамиром выбирали для ребенка. Он предложил купить недвижимость в безопасном районе, чтобы рядом был хороший детский сад, лучшая школа, много детских площадок. Мы даже спортивные секции высматривали по соседству. Из-за этого мне физически тяжело здесь находиться с тех самых пор, как врач сказал, что я не смогу забеременеть из-за гормональных проблем.

Каждый день я смотрела на счастливые семьи с детьми, которые точно так же, как мы, подобрали хорошее место для

безоблачного будущего детей. Мы с Дамиром были белыми воронами. Молодые, крепко стоящие на ногах, и бездетные.

Меня вгоняли в депрессию вопросы любопытных соседей: «когда же вы с Дамиром обзаведетесь малышом?». Валентина Степановна не первая, кто начинал разговор с вопроса в лоб.

Но я оставалась здесь и верила.

Верила, что стану мамой.

Глубоко задумавшись, я прохожу две остановки и оказываюсь возле крупного городского парка. На улице настолько холодно, что с каждым выдохом изо рта вырывается облачко белого пара.

Вокруг ни души. И неожиданно меня сжимает в стальные объятия еще одно неприятное чувство – страх. Уже поздно и рядом нет никого, кто мог бы защитить меня. Дамир, которому я звонила в такие моменты, наверное, общается со своей ненаглядной рыжей любовницей. Мерзость.

Я достаю телефон, нахожу контакт Карины.

«Вита, соберись», – приказываю себе.

Карина была моей лучшей подругой с самого детства, сколько себя помню. Мы с ней учились вместе в школе, потом в университете. К моему большому счастью жизнь не развела нас после моей свадьбы. Если бы развела, то я бы сейчас осталась абсолютно одна, в окружении людей, которые души не чаяли в муже и автоматом становились на его сторону в спорах.

– Алло? – я слышу ее голос на фоне музыки. – Алло, ты где?

– погоди, сейчас выйду...

В микрофоне появляется шуршание.

Пока Карина выходит из помещения, в котором гроыхает музыка, я вспоминаю, какой сегодня день. Бог мой. Двадцать седьмое сентября. День рождения ее парня Аслана. Я забыла. Забыла, ведь Дамир выбил меня из колеи начисто.

– Фух, – вздыхает Карина. – Теперь я тебя слышу. Прости, дорогая, когда вместе собираются друзья детства Аслана, то... Такое чувство, что они специально включают музыку на всю громкость, чтобы не слышать никого, кроме себя.

– Да, ты говорила, что у них натянутые отношения...

– Не знаю, не скажу, что натянутые... Кстати... Влад, который с кудряшками, пять минут назад вылил Аслану на штаны текилу. Представь, какой был спектакль. Думала, убивают там друг друга.

– Весело, как всегда.

– У тебя все нормально, Вита? Проверить звонишь?

Иногда я делаю так называемый «контрольный звонок», чтобы убедиться, что подруга в порядке и успешно добралась домой. В другие дни Карина поступает так же, проверяя меня.

– Карин... – я набираю воздух в легкие. – Карин, я могу пару дней пожить у тебя?

– Стоп. Стоп, – она делает внушительную паузу. – Что слу-

чилось? Боже... Я так и знала, что что-то случилось. Моя интуиция, она... Когда я взяла трубку, у меня мурашки по коже побежали, веришь? Конечно, ты можешь пожить у меня – сколько хочешь. Неделю, месяц, хоть год.

– Спасибо, Карин.

– Ты сейчас где находишься?

– Недалеко от дома, я приеду к тебе...

Она обрывает меня на полуслове:

– Нет. Оставайся там, я через пять минут буду. Я не пила.

– А Аслан? Он же, наверное, будет не в восторге...

Представляю его реакцию.

– Я что-нибудь придумаю, – уверенно говорит Карина. –

Не унывай, подруга, что бы ни случилось. Я скоро. Скинь мне в мессенджер точный ориентир, идет?

– Конечно, спасибо!

Я сбрасываю вызов и несколько секунд рассеянно улыбаюсь. Печатаю ей название остановки, отправляю в мессенджер и выключаю экран. По крайней мере, я теперь знаю, где буду ночевать сегодня.

Глава 2

Карина подъезжает через пятнадцать минут, сигналиит.

Я встаю, перехожу дорогу и сажусь в ее ярко-красный «Мерседес».

– Сейчас поговорим или дома?

– Давай дома, – чуть приподнимаю губы.

Карина не пытается спорить. Может быть, я слишком плохо выгляжу. Или она заметила, что я мелко дрожу. Холодными руками я пристегиваю ремень и бросаю на заднее сиденье маленькую сумочку.

В машине тепло, кондиционер работает на полную.

Отъехав на приличное расстояние, Карина тихонько включает радио, а я поворачиваюсь к окну, смотрю куда-то, но ничего перед собой не вижу. Эта ночь будет первой без Дамира за два с половиной года. Карина всегда твердила мне, что мы были не разлей вода. «Даже слишком», – тихо добавляла моя подруга.

Она желала мне только добра, я знаю.

Я смотрю на свою жизнь ее глазами и осознаю, что у меня ничего не осталось, кроме Дамира. Ну, еще работа в риэлтерской конторе. Машина. И все. У меня нет увлечений и планов на выходные, которые бы не касались мужа. У меня не осталось друзей, кроме Карины.

Я – классический пример женщины, полностью раство-

рившейся в мужчине.

Не знаю, как дальше буду жить, потому концентрируюсь на бытовых вопросах. Думаю, стоит ли завтра заехать в дом, пока Дамир будет на работе, и забрать немного вещей, средств гигиены, косметичку? Измена не является достойным оправданием, чтобы не прийти на работу.

Но если я вернусь в дом, заново переживу весь сегодняшний ужас.

– Милая, Дамир знает, что ты со мной? – спрашивает Карина.

Она бросает на меня осторожный, наполненный сочувствия, взгляд, словно по минному полю шагает. Я присматриваюсь к ее лицу. Красная помада, которую так любит ее Аслан, стерлась ближе к середине губ, но дорогая подводка и стойкие тени на месте – делают ее глаза большими и даже темнее, чем обычно.

– Нет, не знает.

– Я могу отправить ему сообщение.

– Не надо.

– Слушай, тебе все-таки стоило ему сказать...

Нет. Нет, я не вынесу этого. Если Карина начнет убеждать меня позвонить и рассказать Дамиру, что я еду к ней (словно ему не все равно), я клянусь, что сейчас что-нибудь разнесу в салоне.

– Он мне изменил, – я впервые признаюсь в этом вслух.

Слова задерживаются у меня во рту, горькие, неприятные.

Я не собиралась вываливать это на нее по дороге. Но... Так уж получилось.

– Я застала Дамира с рыжей девушкой в постели.

Внешне ничего не меняется. Мир не схлопывается, Карина не охает на всю машину, автомобиль продолжает мерно катить по проспекту. Проходит несколько секунд и до нее все-таки доходит.

– Что-что?

– В нашем доме. В моей постели. И нет, это не ошибка, – добавляю я, прокручивая в голове наш с Дамиром разговор.

– О боже. Подожди, я не понимаю. В голове просто не укладывается, – она стучит по рулю ладонями. – Я бы на кого угодно подумала, но только не на Дамира...

– Значит, ты ошибалась, как и я.

– Мне так жаль, Вита... Не представляю, что ты сейчас чувствуешь, но я рядом, окей? Все, что могу для тебя сделать, я сделаю, – Карина поворачивается и улыбается, но глаза остаются грустными.

– Спасибо тебе.

Я пока не готова рассказывать обо всем.

Слишком болезненная тема.

Дамир не только обвинил меня в неспособности родить ему малыша, но и назвал холодной. Я понимаю, что он имел в виду. После Нового года на меня повесили столько работы, что к вечеру я валилась с ног. Я отказывала Дамиру чаще, чем раньше. Чаще, чем собиралась.

Если же у нас все-таки был секс, то какой-то...

Скомканный и короткий.

Со временем добавились гормональные проблемы. Врач советовал нормализовать сон, избавиться от стресса, гулять на свежем воздухе и надеяться, что однажды все получится. С тех пор близости стали больше походить на технический инструмент зачатия, чем на способ получить удовольствие. Мы делали это в определенные дни. Иногда почти на ходу.

Дамир впрыскивал семя в надежде, что мой организм даст ему то, что нужно.

И шел на работу, или в душ, или спать.

Мы перестали быть изобретательным в постели, перестали говорить после. Когда мы давали друг другу клятвы, я пообещала, что не позволю рутине испортить то, что к нас было. Волшебное чувство любви. И все-таки позволила.

– Дай угадаю, эта твоя грустная задумчивость на грани депрессии... – врывается в рассуждения Карина. – Ты винишь себя? Я права? Вспоминаешь, как...

– Карин, я устала.

В голове столько мыслей, что она сейчас, наверное, развалится на куски.

– Я же тебя знаю. Ты всегда во всем винишь себя.

– Карин, пожалуйста, оставь меня в покое, – тверже говорю я.

Отворачиваюсь к окну, втискиваюсь в сидение, словно собираюсь уснуть. Я больше не уверена, что у меня хватит сил

разговаривать с ней. Утро вечера мудренее, так же говорят. Надеюсь, что утром эмоциональные качели в голове поутихнут и я приду к каким-то выводам.

Мы почти не разговариваем, пока едем к ее квартире, молча поднимается на лифте, молча заходим внутрь. Но когда Карина усаживается на диван и распахивает объятия, чтобы я присоединилась к ней, я так и делаю. Сажусь рядом и кладу голову ей на плечо. Становится чуточку легче.

Карина оставляет меня одну, предварительно проинструктировав по всевозможным вопросам. Теперь я знаю, что в холодильнике у нее есть остатки картофельной запеканки, если проголодаюсь, а возле микроволновки лежит шоколадка – вдруг захочу сладкого.

Карина просит разбудить ее, если мне вдруг станет одиноко, больно или я захочу высказаться. Я киваю, понимая, что не буду делать ничего из предложенного. Аппетит испарился и вряд ли вернется в ближайшее время, а разговор с подругой мне не поможет.

Мне нечего сказать ей по поводу Дамира. Я не хочу обсуждать его с ней.

Или с кем-нибудь еще.

Я больше не знаю его. Не узнаю.

Наверное, стоит разобраться со своими открытиями без чужих советов.

Я укладываюсь на кровать.

На один бок, затем на другой. Подушка кажется слишком твердой, под одеялом сразу становится жарко. То ли расшатанные нервы, то ли беременность... Но что-то с моим телом явно не так.

Я честно стараюсь заснуть минут сорок. Отгоняю от себя прочь вопросы. Но стоит немного ослабить оборону, как они прорываются и впиваются в кожу мелкими иголками. Я задаюсь вопросом, где мой муж сейчас и с кем проводит время? С тех пор как мы неловко попрощались на лестнице, он не звонил и не писал мне.

Если бы Дамир позвонил родителям, мама бы уже висела на телефоне.

Выходит, он им тоже не звонил.

Удовлетворился моими словами, что я поеду к родителям, и продолжил жить дальше, убудюдок, словно и не случилось ничего важного. Знаю, что не должна представлять Дамира в постели с любовницей и рисовать в голове эти бессмысленные дурацкие картинки, как они ужинают в нашей гостиной, смеются по дороге в постель, сбрасывают с себя одежду. Но мозг, кажется, неподвластен мне полностью. Эти картинки везде.

Я закрываю глаза, и они сразу набрасываются, погружают в их счастье.

– Нет, я так не могу... – шепчу я.

В темной комнате никто не слышит.

Я сжимаю руками подушку и, наконец, даю волю слезам.

Я сдерживала их весь день, старалась казаться «нормальной» перед всеми этими людьми. Но теперь я больше не сдерживаюсь и выплакиваю всю свою боль, обиду, сожаление. Хнычу, сжимаю подушку, тихо кричу, прикусываю себе губу.

Скрутившаяся в позу эмбриона, я сама себе кажусь маленьким ничтожным никому не нужным человеком. Перед глазами всплывает образ Дамира, его улыбки, адресованные мне, и его прикрытые от удовольствия глаза с ней. Я понимаю, что все кончено. Это точка, которой я подсознательно боялась в отношениях с Дамиром. Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я решаю, что пора хотя бы вытереть лицо. Подушка мокрая, горло ужасно першит от спазмов, нос не дышит. Руки подрагивают, когда я подношу их к отечному лицу. Боюсь, что утром из зеркала на меня будет смотреть чудовище.

Но потом происходит странная вещь.

Я засыпаю.

Прямо на мокрой от слез подушке. Недосып взял свое.

Утром я переживаю одно из самых ужасных пробуждений в жизни. И не из-за физического самочувствия, а из-за трех секунд безмятежности и резкого возвращения в боль вслед за ними. Воспоминания загружаются, как файлы в компьютер, измена Дамира встает передо мной четко и ясно. Путанные сны, в которых меня обнимали руки Дамира, были иллюзией. Приподнимаясь на локтях, я осматриваю комнату в

поисках телефона.

Нахожу его на тумбочке.

Там одно сообщение от коллеги и уведомление из YouTube.

И ни одного от мужа-предателя.

Через пять минут в комнату осторожно заглядывает Карина.

На ней кружевной домашний костюм, почти такой же и на мне тоже – только цвет отличается. Карина считает, что мне идут темные оттенки. Например, темно-синий...

– Доброе утро, дорогая. Выглядишь ужасно, – констатирует она. – Но у меня есть хорошее средство. Крепкий кофе.

– Кофе не помешает, – тру я чувствительные глаза.

– Супер, сейчас все сделаю.

Нет, я не хочу кофе.

И тем более не хочу пирожное, которое предлагает Карина.

Однако я не вижу другого варианта провести этот день – нужно жить, делать хотя бы что-нибудь из своей прошлой жизни. И нормально питаться – если не ради себя, то ради моего ребенка.

Пока я впихиваю в себя сладость, запивая маленькими глотками кофе, Карина напротив рассказывает, как они отпраздновали день рождения ее Аслана.

Так себе отпраздновали, если честно.

Говорит, что его друзья – это «невоспитанные дикари-иностранцы», поэтому любые мероприятия с ними превращаются в полнейший цирк. Именно по этой причине я больше не хожу на праздники Аслана, но Карине об этом вслух я, конечно, не говорю. Может быть, она выбрала странного мужчину для семейной жизни, но он хотя бы остается верным ей. Ну, мне хочется так думать.

– Ты сказала ему, что поехала за мной? – уточняю я.

– Не-а. Зачем? Я сказала ему, что отравилась дурацким рыбным салатом, что мне плохо и поэтому нужно выпить лекарство и прилечь, – потягивается она.

– Иначе он бы тебя не отпустил?

– Милая моя, – Карина ласково отводит чашку от моего лица, – мужчине не обязательно говорить правду всегда и обо всем. Если хочешь знать мое мнение, то... Я бы назвала обязательными такие, знаешь, безобидные женские тайны. Потому что у мужчин эти тайны есть, поверь...

– У нас с Дамиром было иначе, – натянуто отвечаю я.

– Разве?

– Не надо...

– Нет, послушай меня. Ты рассказывала ему все, ты посвящала ему все время, даже перестала ходить на пилатес вместе со мной. Куда это вас привело? – спрашивает она. И сразу же осекается. – Ты не виновата. Даже наоборот, ты слишком хороша для этого козла, он тебя не заслуживает. Он не ценит тебя, Вита.

– К чему это все? – я вспыхиваю вслед за ней. – Заслуживаю, не заслуживаю... Чувствую, мне придется наслушаться этого бреда от каждого, кому я буду рассказывать про измену Дамира. Суть совсем в другом, я выбрала именно его.

– Милая, я вижу, что тебе очень больно...

– Я полюбила его.

– А он тебя предал. Не ты первая, не ты последняя женщина, которая выбрала не того парня. У тебя вся жизнь впереди! – она поднимает чашку, словно собирается сделать тост. – Тебе нужен мужик, нормальный, который будет тебя ценить и станет достойным отцом твоего малыша.

И она туда же...

Фиаско.

Я вымучиваю улыбку, хотя внутри все сжимается от спазма.

Карина не замечает моей заминки и продолжает хвалить.

Я такая умничка, что не бросала лечение, а Дамир, считает она, не заслуживал ребенка. Может быть и так, но судьба дала мне его. Нам. И Дамир – его отец.

– Слушай, кажется, я только что поняла суть проблемы... Тебе не удавалось забеременеть, потому что... Да жизнь просто берегла тебя. Представь, что бы было, будь ты беременна сейчас от Дамира? А так – ты свободная женщина. Молодая, красивая и полностью здоровая!

Невыносимо сидеть и слушать ее предположения. Еще немного и Карина придет к выводу, что это «вообще все к

лучшему» и «он мне не подходил»...

– Да, Карин. Наверное.

Никак не наберусь смелости сказать подруге правду.

Я каждый день мечтала увидеть две полоски на тесте, а теперь эти полоски так усложнили мою жизнь. Господи. Поверить не могу, что я так подумала о моем малыше. «Усложнил жизнь»...

Титул «худшая беременная года» отправляется к Виталине Сергеевой.

– Вит, ты когда собираешься с ним поговорить? С Дамиром.

– Что? – я с горем пополам допиваю кофе и встаю из-за стола. – Не знаю. Наверное, придется, но не сегодня.

– Я бы не затягивала. Вам нужно разобраться в том, что это значит.

– Я знаю, что это значит, – на меня снова накатывает злость, но не на Карину, а на мужа. – И я пока не могу.

Ее там не было вместе со мной.

И она не видела спокойное лицо Дамира.

Это было совсем не так, как показывают в кино, где вслед за женой из дома выбегает муж, желая «все ей объяснить», вымолить прощения, хотя бы поговорить. Холод и пренебрежение, с которым он смотрел на меня, до сих пор встают перед глазами. Дамир не пытался оправдаться.

И не пытался меня остановить.

Интересно, он бы иначе поступил, зная, что я ношу под

сердцем ребенка?

Я выхожу из кухни, возвращаюсь в гостевую спальню Карины и закрываю за собой дверь. Решаю отправить маме сообщение, чтобы не волновалась. Потом просматриваю корпоративную почту и... Вздыхаю. На понедельник назначен осмотр дома. И варианта пропустить у меня нет.

Глава 3

Выходные пролетают быстро.

Карина все свободное время проводит со мной. Но от этого не легче.

К вечеру воскресенья меня больше не пугает надобность идти завтра на работу, даже радуется. Карина здесь ни при чем... Я такой человек – горе предпочитаю переживать наедине. От ее сочувствующих улыбок и пристальных взглядов становится хуже. Она следит за каждым моим движением, словно я сейчас вытворю какую-то чушь. Мне хочется сказать «я в порядке» лишь для того, чтобы она немного ослабилась, ослабила хватку.

Хочу уйти к людям, которые не знают, что мне нужно сочувствовать, что я жертва.

В понедельник я захожу в ванную и понимаю, что там нет ни одной привычной вещи. Они все остались дома. Моя зубная паста. Расческа. Дезодорант. Резинка для волос. Прошайте, всевозможные удобства.

Даже капле от сухости глаз, которые спасают меня после сидения за компьютером или слез, здесь нет.

Я смотрю на себя в зеркало, решая, что делать дальше.

Может быть, все-таки поехать домой и взять самое необходимое?

Точно стоит, иначе как жить здесь или где-то еще? Каким

образом ходить на работу? В конце концов, я имею право на удобства. Придется себя пересилить.

Я одеваю вчерашнюю одежду, набрасываю на плечи светлый пиджак.

Дома я привыкла ходить в свободном и натуральном. Футболка и штаны – самое то. «А если бы ходила в красивом эротическом белье, спасла бы свой брак?» – спрашиваю я у себя... За выходные ноги отдохнули от неудобных туфель, и я чувствую себя довольно уверенно, хорошо.

– Подбросить тебя к дому? – спрашивает Карина.

Ну вот, опять.

О чем я и говорила.

«Слишком. Много. Заботы».

– Нет. Я сама. Карин. У меня есть деньги, я доеду сама.

– Извини. Я просто беспокоюсь о тебе.

– Я знаю. Но не перегибай.

– Кто же, если не я? – отвечает она шутливо и, не дожидаясь ответа, проскальзывает на улицу. – Идем, я немного опаздываю. Мы с тобой проспали...

Мы расстаемся у перекрестка. Карина поворачивает направо. В пяти минутах ходьбы ее маленький салон красоты, который они открыли на деньги родителей Карины и Аслана пару лет назад.

Я сворачиваю влево и вызываю такси.

Машина приезжает быстро, а на месте водителя сидит мужчина, который чем-то напоминает мне Дамира. У меня

перехватывает дыхание. Такие же черные волосы и острые скулы. Но лицо – другое.

Я сажусь назад. Радуюсь, что таксист не из тех, кто втягивает пассажиров в разговоры. Мне надо подготовиться. Морально. Надеть броню на сердце и улыбку на лицо. Если повезет, Дамира не будет дома. Но он может не пойти на работу. Когда ты сын владельца, тебе полагаются небольшие, кхм, преференции.

Я не знаю, о чем с ним говорить.

Точнее...

Предстоит слишком многое обсудить.

С чего начать?

Ребенок изменит многое. Но сама я пока не понимаю, хочу ли что-то кардинально менять. Без моей внезапной беременности я вижу все настоящим, без прикрас.

И мужа вижу настоящим.

Вспоминал ли он обо мне в выходные?

Думал, что скажет во время следующей встречи?

Если он разлюбил меня, если пошел на предательство, разве ребенок что-то изменит? Дамир не полюбит меня заново.

От всех этих мыслей мне становится жарко.

Наконец, я на месте.

Оглядываясь, я вижу машину мужа возле дома. Что ж, мне не повезло. Но ожидаемое эмоциональное цунами не наваливается на меня. Я помню, ради чего я здесь. Конкретно

сегодня – не для разговоров, а чтобы собрать вещи и уйти.

Точнее, уехать...

Я достаю из серой сумки ключи и открываю двери.

На первый взгляд – дом пуст.

Я ничего не слышу.

Не слышу женского смеха, скрипа кровати. Не вижу чужих вещей. Уже легче.

Пусть я и прожила в доме два года, сегодня он кажется мне чужим.

До чего дико входить в свое жилище и ощущать себя воровкой, ощущать, что тебя не ждут и твой приход может разочаровать мужа. Я присаживаюсь на диван, давая себе секундный перерыв. «Соберись».

Я должна быть сильной, да?

Здесь ничего не изменилось.

И столик мой любимый на месте. Я хорошо помню, как мы с Дамиром выбирали его. Прямо в магазине решили, что будем «делать абсолютно все, что захотим». Не станем наполнять свою повседневность дурацкими правилами и запретами. Поэтому... Если захочется поесть перед телевизором, мы обязательно сделаем это.

Он улыбался, когда говорил это...

Мы сидели на выбранном диване и беззаботно дергали пятками, как дети.

Я представляла, что именно здесь скажу Дамиру о беременности. Знаю, что есть десятки креативных способов сде-

лать это, например, положить записку в шоколадное яйцо, засунуть в торт или принести распечатанный снимок. Но я представляла все иначе: спокойный вечер, мы вдвоем, мерно горящая свеча на столе, признание...

Я романтичная дура?

Определенно я романтичная дура.

Но в тот момент, как я сочно опускаю ладонь на свой лоб, стараясь прекратить, наконец, поддаваться сантиментам, в комнату входит Дамир. Его появление отрезвляет меня, как пощечина. И окунает в прошлое, которое еще недавно, было настоящим, будничным и... привычным мне.

Дамир откладывает телефон, показывая, что его внимание занимаю я.

На нем белая рубашка и джинсы. Вроде все, как обычно, но я подмечаю детали.

Когда он гладит себе одежду, то не уделяет внимания области за воротником. И пояс на штанах не тот, что всегда. Дамир, наверное, не нашел его в горе одежды, которую он устраивает при малейшей возможности. Наш дом через неделю превратится в холостяцкое жилище.

– Я надеялся, что ты вернешься... – говорит он.

– Правда?

Поднявшись, я поправляю пиджак.

Дамир останавливается возле шкафа.

– Нам нужно поговорить.

– О чем, Дамир? – я устало обхожу его, стараясь держать себя в руках, и поднимаюсь наверх, в нашу комнату. – Кажется, ты сам в прошлый раз настаивал, что «все понятно». Я тоже так думаю.

– Мне очень жаль, что это получилось, как в дешевом сериале, – он идет позади, отставая на три ступеньки.

И мне хочется сказать, что так это обычно и случается.

Над сериалами можно смеяться и иронизировать до того самого дня, пока жизнь не даст тебе под дых таким сюжетным поворотом, что мелодрамам и не снилось. Ну, или не жизнь, а муж.

Я не хочу ссориться с ним.

Если начну, то как потом буду собирать вещи? Дрожащими руками?

– А как бы ты хотел, чтобы это случилось?

Я разворачиваюсь и впииваюсь в него глазами. Стараюсь держать нейтральное лицо. Дамир едва ощутимо хмурится. Он серьезно рассуждает, что узнать об измене можно «более приятным способом»?

– Я собирался сказать про Марту.

Теперь я знаю, как ее зовут. *Марта*.

Слишком красивое имя для женщины, укравшей чужого мужа для своих утех.

Но, признаюсь, ему удастся сбить меня с толку. Пробить броню.

Я заглядываю в шкаф, выкладываю стопку домашних

футболок и нижнего белья. Действую на автомате. Голова забита мыслями и предположениями. Собирался сказать? Зачем? Сказать и прекратить изменять мне? Или использовать появление любовницы как аргумент для развода?

– Мы не чужие люди, Вит.

– Я не хочу это обсуждать сейчас, – отвечаю я. – У меня всего один свободный час перед работой, чтобы собрать вещи... Меня ждут клиенты, Дамир. Я хочу с холодной головой пойти на работу, окей?

– Где ты сейчас живешь?

– Тебе какое дело?

– Вот именно этого я и не хотел для нас с тобой, – разводит он руками.

Да, я в курсе.

Знаю, как мой муж помешан на дипломатичности, как он не любит выставлять скандалы или эмоции напоказ.

Но сейчас мы одни в доме, а он все равно хочет сделать это «красиво».

– Дамир, пожалуйста.

– Ты собираешься это игнорировать? – в его голосе слышится удивление.

Как здорово, что я могу удивлять своего мужа. Хотя бы в мелочах.

Если он просчитывал мою реакцию, то она обманула его ожидания.

«А что нам обсуждать?» – задаюсь я немым вопросом. Он

объяснил свои мотивы. Оправдался. Повесил на меня вину. Я больше не желаю слышать, как я разочаровала его. Он тоже разочаровал.

Я с ожесточением начинаю складывать одежду в дорожную сумку, с которой мы с Дамиром ездили в путешествие в Норвегию через три месяца после знакомства. Сказочное было время. Если бы мне тогда кто-то сказал, что я буду бросать в нее вещи, сбегая из дома, я бы покрутила пальцем у виска (те самые жизненные виражи из «нереалистичных» сериалов).

– Я ухожу от тебя, Вит.

Я замираю.

Не хочу, а замираю.

Мне кажется, что Дамир выстрелил в меня из пистолета. Три слова, которые выбивают у меня почву из-под ног. Время замирает. Поверить не могу, что он сказал это вслух. Сказал после измены.

Пусть я пятнадцать минут назад говорила Карине, что «это конец», я даже на десятую долю не осознавала, что мой брак действительно распался. Я злилась, и только. Дамир, ищущий встречи со мной, чтобы уладить вопросы о расторжении брака – это худший ночной кошмар во Вселенной. Я такого совсем не ожидала.

Удар даже болезненнее первого.

– Мы можем сделать это по-хорошему или по-плохому, через адвоката.

Я так и стою с кофточкой в руках, плююсь в стену. Сердце стучит, как сумасшедшее. Странно, как оно может до сих пор работать, разбитое два раза за последние несколько дней. Я опускаю кофту на кровать и обнимаю себя дрожащими руками.

Дамир вздыхает и собирается спуститься.

Он не любит женские истерики. Собирается переждать бурю внизу.

С ним я приучила себя быть сильной, стойкой, волевой... Не счесть, сколько раз я запиралась в ванной, чтобы поплакать после очередной неудачной попытки забеременеть. Поплакать наедине, хотя могла сделать это в объятиях любимого.

– Не уходи, я должна кое-что тебе сказать... – срывается с языка.

Сказать о беременности?

Промолчать?

Господи, я не знаю, что делать, но не хочу, чтобы он ушел...

Не хочу, чтобы ушел к *Марте*.

Дамир резко меняется в лице. Его глаза темнеют от раздражения.

– Боже, Виталина, ты серьезно? – он ухмыляется.

Я почти не узнаю мужа. Заботливого, любящего... моего Мужчину.

Он смотрит на меня с пренебрежением.

– Выслушай меня...

– Ты видела ее. Ты знаешь правду, – он кивает своим словам. – Мне надоело прятать ее, Вит, – констатирует Дамир.

Он думает, что я собираюсь убеждать его не разводиться со мной.

– Выслушай меня... – спокойно говорю я, хотя в груди пылает огонь.

Я бы могла крикнуть ему в лицо, что беременна.

Могла бы, но что-то во мне до сих пор противится идеи раскрыться. Во мне бурлят мысли. Страшные мысли. Хочу ли, чтобы моего малыша растил такой человек? Хочу ли я ему такого отца? Время идет, а я не в состоянии принять решение. Признаюсь и обратной дороги не будет.

– И что ты скажешь? – я вздрагиваю от его голоса. – Что любишь меня? Я знаю. Скажешь, что родишь мне ребенка? Да ладно, Виталина, сколько денег мы на это потратили? Толку нет. Что мы имеем в итоге? Ребенка ты мне родить не можешь, ласки от тебя не дождешься...

– Дамир...

– Мне не нужна фригидная бесплодная жена. Даже такая красивая, как ты, – бросает он. – Мне нужен наследник, Вит.

– Так ты обо мне думаешь?

– Короче. Документы на развод подпишешь? – Дамир поднимает руки, вынуждая умолкнуть. Он устал от разговора и...

Мое согласие на развод – это все, что держит Дамира в

этой комнате.

Настолько сильный шок я не испытывала ни разу в жизни.

Из уроков биологии я знаю, что наш организм запрограммирован на две реакции во время стресса или опасной ситуации – «бей или беги». Кажется, они забыли о третьей – когда прирастаешь к полу, замираешь в моменте и теряешь над телом контроль. Слезы начинают градом катиться из глаз, и я ничего не могу с ними поделать. Прокручиваю в голове его слова, внутри все сжимается от обиды.

Два с половиной года я прожила с человеком, который думает обо мне так?

Фригидная. Бесплодная.

Я – это я. Его жена.

И он знает обо мне гораздо больше.

Знает, что я кладу слишком много ложек сахара в утренний кофе, почти всегда сплю на спине, обожаю кислое ягодное мороженое, детективы, а в восемнадцать лет даже пыталась гадать на картах Таро.

Я романтичная идеалистка.

Дамир взял замуж девушку и воспитал волевою женщину.

Я так думала.

Но что-то во мне надломилось, если я так ничтожно плачу перед ним.

– Вита, прекрати, – вздыхает.

Словно ему сейчас сложно, а не мне.

Я ведь до сих пор люблю Дамира, чувства не отключаются по щелчку пальца. Он, должно быть, давно поставил на нас крест, давно разлюбил, спланировал все.

Может, любовницу специально в дом привел, чтобы я увидела?!

– Она... Она беременна? – спрашиваю я, стараясь хотя бы вдохнуть.

Должна быть причина – так меня мучить.

– Кто? Марта? Не говори ерунды. Она здесь не играет большой роли.

– Но ты спишь с ней.

Мой голос дрожит.

Я приседаю на кровать и роюсь в сумке в поисках салфетки.

– Она не дурочка, связалась с женатым и ничего не ждет. Если ей подходит роль подстилки, то... Почему нет?

Я сглатываю вязкую слюну.

Во все глаза смотрю на своего мужа. До сегодняшнего дня он не позволял себе так высказываться о других женщинах, коллегах или подругах. Я гордилась тем, что он уважал женщин. За кого я на самом деле вышла замуж? Поверить не могу.

– А после...

На языке задерживается слово «развод».

– Не знаю, как жизнь сложится, – он неожиданно садится рядом со мной. И смотрит вперед, на небольшой сад около

нашего дома. Я тоже смотрю в окно.

Этот сад – дурацкая аллегория на наш брак. Потому что он заброшенный и никому не нужный. Еще один наш общий план, от которого мы в какой-то момент отказались. Я вспоминаю, как Дамир размышлял над строительством маленькой детской площадки прямо во дворе.

Моего мужа нельзя назвать большим специалистом в сфере строительства... Но мне тогда казалось, что его глаза светились энтузиазмом. Он планировал все сделать сам – и горку, и качели.

За последние дни до меня дошло, как часто Дамир вспоминал о ребенке, как постепенно адаптировал к его появлению всю нашу жизнь. И ждал, ждал, ждал... А потом начал разочаровываться. Но даже если и так, я все еще не понимаю, почему он просто не поговорил со мной?

Месяц назад я получила результаты анализов, которые были... Достаточно обнадеживающие. Я ничего не сказала Дамиру, потому что когда в прошлый раз я заикнулась об улучшении, он слишком понадеялся. У нас не получилось и он едва не впал в депрессию из-за этого.

– Марта первая?

Он смотрит на меня искоса.

– За кого ты меня принимаешь?

За изменника. Предателя, лжеца... Могу продолжить.

Я молчу.

– Да, она была первая.

– А если бы родился ребенок?

Дамир искренне смеется, хотя мне это кажется неуместным. Я едва прекратила рыдать, хотя сердце по-прежнему болит.

Начало немного подташнивать.

Чувствую себя еще хуже, когда он осторожно берет мою руку и кладет себе на колени. Ладонь теплая и сухая. Твердая. Я всегда чувствовала себя в безопасности, когда он так делал.

Я пытаюсь отстраниться, но Дамир держит крепко. Его мышцы напрягаются, чтобы удержать мою руку возле себя. Минимальных усилий достаточно. Я как желе. Куда мне вступать с ним в борьбу.

– С ребенком мы были бы семьей...

– И Марта не оказалась бы в твоей постели?

Улыбка сползает с его лица.

– Марта – ерунда. Способ снять напряжение.

– Ты бы все равно изменил мне? Мне, матери твоего малыша?!

– Вита, не выдавай желаемое за действительное. Никакая ты не мать.

Я хватаю ртом воздух, не отвечаю.

С меня хватит.

Чем дольше продолжается этот разговор, тем хуже себя чувствую. Нет. Наверное, даже неплохо, что муж, наконец, показал свое истинное лицо. Однако на осознание его спря-

танных до сегодня черт мне потребуется много времени. Времени наедине с мыслями.

Я все-таки вырываю руку.

Резко встаю, не желая находиться рядом с этим монстром – голова начинает кружиться. Тошнит еще сильнее. Я едва не теряю равновесие, он хватает меня за талию, я прижимаюсь к его животу спиной.

Злость помогает мне отстраниться, отбежать почти в другую часть комнаты.

– Уходи.

– Ты так ничего не сказала про развод, мне надо...

– Мне плевать, что тебе надо. Я хочу побыть одна, – я иду к окну, открываю его и наклоняюсь, чтобы вдохнуть немного свежего прохладного воздуха. Прислушиваюсь к себе, в голове стучит пульс, а воздух словно не добирается до легких. Проходит несколько секунд или минут. Приступ тошноты проходит. Я оглядываюсь, а Дамира в комнате уже нет.

Глава 4

Так и знала, что возвращаться домой – плохая идея.

Через пятнадцать минут почти бегом переступаю порог, неся в руке сумку с вещами. И о спокойствии не может быть и речи. Он снова плюнул мне в душу. Но есть и плюсы. Я взяла достаточно одежды, гигиенических средств (и прихватила несколько книг), чтобы можно было без проблем жить вне дома пару недель.

Я сворачиваю в гараж, нажатием на ключ открываю багажное отделение «Ниссана», подаренного родителями за несколько месяцев до свадьбы – на двадцать первый день рождения. Я небольшой любитель автомобилей и езды, на работу добираюсь на своих двоих, но «Ниссан» здорово выручает в дни показов, когда за день нужно объехать несколько объектов.

Я устраиваюсь в водительском кресле и выезжаю во двор. Останавливаюсь и оставляю машину с работающим мотором, чтобы быстренько закрыть гараж. Я всегда держу в голове, что за моими действиями в этом густонаселенном (в том числе скучающими домохозяйками) районе кто-то следит.

Не хочу стать новой звездой вечерних разговоров на их кухнях.

Я возвращаюсь в машину и понимаю, что эти мысли... Не

совсем мои.

Дамир приучил на публике вести себя сдержанно.

Мне, обиженной и оскорбленной женщине следует позаботиться о себе, но я переживаю, чтобы не дай бог не стать предметом сплетней соседней. Я опускаю стекло и рассматриваю свое лицо. Глаза немного красные, но пудра скрыла основные следы моих слез. Пока доберусь до работы, буду уже как новенькая.

Интересно, почему Дамир привел домой Марту?

Неужели не переживал, что кто-то заметит? Странно...

На него это не похоже.

Муж дорожит своей репутацией. И репутация примерного семьянина – это то, что считается важным в его бизнесе.

Я выезжаю на дорогу и стараюсь сконцентрироваться на своем дыхании.

Не думать о нем.

О разводе.

О разрушенной семье.

Я не могу позволить себе загубить карьеру из-за мужа изменника. К тому же... Я теперь не одна и вскоре расходов станет значительно больше. Моя рука невольно опускается на живот. Конечно, я ничего не чувствую. Еще рано. Я так зациклена на себе и своих проблемах, что еще не спланировала визит к гинекологу.

Пора с этим что-то делать.

Пора сказать. Для начала родителям и Карине. Надеюсь,

что они поддержат меня. Может быть, подскажут правильное решение. Никогда еще я не стояла перед таким выбором. С одной стороны, его предательство сильно на меня повлияло. Вынудило о многом задуматься. Но с другой стороны, что-то во мне просто кричит, что это его ребенок. Его малыш.

Он имеет право знать о нем?

Он так его хотел!

Черт, как же это сложно...

Я резко сворачиваю влево, рано нажимаю на газ, потом торможу, но слишком поздно... В мою машину врзается другой автомобиль. Мне кажется, что я даже слышу, как сминается железный багажник.

От шока я перестаю дышать.

Перестаю видеть окружающий мир, замираю.

Страх смерти душит меня несколько секунд, а потом бесследно исчезает.

Из-за удара машина проезжает меньше метра и останавливается.

Боже мой! Если бы не ремень безопасности, я могла бы пробить своей головой стекло. Или вылететь из автомобиля! Впервые в жизни я попала в аварию. Какая дура! Задумалась по дороге... Чем это могло обернуться?.. Я суетливо осматриваю машину, руки, бросаю взгляд на живот. Вроде бы обошлось.

Так и сижу в кресле, держась за руль двумя руками.

Но не сразу осознаю это.

Кто-то появляется рядом и кричит мне на ухо, спрашивая, в порядке ли я...

Я поднимаю голову, вижу рубашку, галстук, пиджак. Какой-то офисный сотрудник, наверное. Он открывает двери и опускается на колени, оказываясь на одном со мной уровне. И я узнаю его.

– Виталина?! Господи, прости меня... Ты как...? Ты пострадала?

Он хватается меня за плечи.

Адвокат Дамира собственной персоной.

Он несколько раз приходил к нам на ужин вместе с супругой.

Среднего телосложения, со светлыми волосами и улыбкой на миллион долларов.

Вот так совпадение!

– Саш, ох, привет. Все нормально...

Шок пропадает и на смену ему приходит стыд. Не понимаю, почему Саша извиняется, я же виновата – я рано рванула с места, а он, как это принято говорить, «завершал маневр» на желтый.

Я почти проскочила. Почти.

– Позвонить Дамиру?

– Нет, не надо. Я сама позвоню, – добавляю я, понимая, что Дамир вряд ли кому-то рассказывал о проблемах.

Саша еще не знает, что в случае моего отказа подписаться под заявлением о разводе, именно ему придется включиться

в дело. А ведь раньше он мне нравился...

– Точно? Может быть, к врачу, а?

– На СТО, – отвечаю я.

Мне на пути встречается еще один мужчина, считающий, что я не в состоянии сделать что-либо сама. О нет. Я и без Дамира способна доехать до станции технического обслуживания автомобилей (хотя авария, в которую я попала, вероятно, свидетельствует об обратном).

Я поднимаюсь, выхожу из машины. Чувствую себя нормально, но от очередного эмоционального скачка голова немного кружится, а мышцы ощущаются деревянными.

Саша бросается поддерживать меня, хватая за талию. Для меня это немного слишком. Слишком близко и...

Неуместно интимно.

Но я же не буду отталкивать своего спасителя.

– Честно, все окей...

– Солнышко, тебе надо быть внимательнее на дороге.

– Да, прости меня, – я стараюсь немного отстраниться.

Саша замечает это.

И неловко отступает.

Мы синхронно смотрим на вмятину над левой фарой на машине.

– Неприятно... Сойдемся на том, что каждый сам устраняет ущерб?

– Спасибо тебе, – вздыхаю я.

Щедрое предложение, учитывая, что именно я – виновни-

ца аварии.

Для Саши ремонт, вероятно, не станет большой проблемой. Я знаю, что он хорошо зарабатывает. Но для меня это так не вовремя... Только я подумала, что пора откладывать деньги на ребенка, и сама же «нашла», куда их сиюминутно потратить.

– Не гоняй так больше, – отмечает он. – Куда, кстати, торопилась?

– На работу. У меня сегодня показ.

– Ну а я в суд...

Мы киваем. И оба замолкаем.

Саша кажется мне приятным человеком.

Но он не мой друг, а Дамира, в его отсутствие у нас нет тем для разговора.

Пауза затягивается, он переспрашивает, может ли хоть чем-то помочь. Я отказываюсь. Последние пять минут нас объезжают машины с двух сторон, а движение здесь довольно интенсивное. Я начинаю опасаться, что мы спровоцируем еще одно дорожное происшествие.

– Не могу себе позволить опоздать на работу, – я сажусь и хлопаю дверцей автомобиля. – Спасибо тебе за все, Саш.

Он смотрит мне вслед.

Я набираю скорость и вспоминаю, где находится ближайшая СТО...

И мимолетно думаю, что жене Саши повезло с мужчиной... А мне повезло, что не придется возмещать стоимость

ремонта.

Я думала, что дальше будет только хуже... Но остаток дня проходит спокойно.

По дороге на работу у меня даже начинает (о счастье!) работать голова. И я в голос восклицаю: ну, какое СТО? Показ! Мне нужно срочно ехать на показ. Клиент уже ждет и, вероятно, его больше заденет мое опоздание, чем состояние машины.

Я делаю правильный выбор, в назначенное время встречаю Эльвиру Степановну Соловьеву возле первого дома. Клиентка выглядит молодо, она прижимает к себе девочку лет десяти в воздушном розовом платье. Мама и дочь. Мы здороваемся, и я открываю для них первый дом.

Вроде бы все идет хорошо...

Мы проходимся по первому этажу, заглядываем на второй... Она уделяет особенное внимание подвалу и чердаку – там могут прятаться проблемы, которые дадут о себе знать после покупки.

Судя по всему, дом ей нравится.

Но даже если он и не станет «тем самым»... У меня есть в запасе еще два.

Не проходит и получаса, как Эльвира садится на диван, чтобы передохнуть, неожиданно достает платок и утирает незаметные слезы. Девочка Полина бегает по второму этажу, выискивая какого-то «кота». Ее мама с улыбкой поясняет,

что это у них «такая игра». Я с пониманием киваю, хотя... Откуда мне знать?

У меня нет детей.

– Я в разводе, – говорит Эльвира. – Ищу дом для новой жизни... Подходит, как считаете? – смотрит она мне в глаза.

Я застываю.

Мне кажется, что Эльвира долго держала это в себе. На самом деле она не говорит о личной драме каждому незнакомцу. Просто здесь и сейчас ей... Захотелось сказать. Я помню себя пару дней назад.

Не понимаю, как ответить.

Клиенты не в первый раз демонстрируют откровенность со мной.

Это ведь недвижимость...

Им приходится рассказывать риелтору больше, чем следовало. Например, собираются ли они рожать ребенка. Если да, потребуется детская, садик, школа.

А как насчет второго ребенка? Одна комната или несколько?

Может быть, переедет жить мама? Предусмотрим комнату и для нее тоже.

Некоторые делятся подробностями с удовольствием, гордятся собой. Мужчины чаще всего стараются подчеркнуть денежный статус, разговоры о деньгах они ведут охотнее всего. Но Дамир был не таким. Он отличался от мужчин, с которыми мне приходилось иметь дело раньше, буквально...

Каждой мелочью. Начиная от фривольной майки, в которой он пришел на показ офисного здания, и заканчивая явным безразличием к деталям.

Я тогда только начинала работать... Переживала, чтобы не проколоться, еще и он мешал сосредоточиться... Потому что был красивым, как дьявол. Дамир все время старался выведать у меня что-то личное.

Но опять-таки... Другие мужчины интересовались, были у меня парень или муж... А Дамир спрашивал, что я пью на завтрак, какие фильмы смотрю, когда хочу расслабиться, где провожу свои вечера...

Я пыталась не поддаваться. Но когда в очередной раз у меня из рук посыпались бумаги, Дамир присел вместе со мной, и наши лица оказались на расстоянии каких-то пяти сантиметров. Тогда я впервые поняла, что представляет собой «искра», как возникает «химия». Я отвела глаза в сторону, хотя не помогло. Я хотела его, впервые я так сильно хотела мужчину.

Мои щеки пылали, сердце билось, как сумасшедшее, а голос звучал еще растеряннее, чем прежде. Дамир сделал вид, что не заметил, и мы просто пошли дальше бродить по пустому офису.

Где-то через десять минут я не выдержала и спросила:

– В чем все-таки дело?

– Извините? – он вскинул бровь.

Я остановилась и прижала папку к своей груди.

– Вам же неинтересна квадратура, то есть... Площадь, состояние батарей... Вы даже толком не слушаете, что я вам говорю, – заявила я. – И про возможность купить здание со скидкой вы прослушали!

Мой спич его позабавил.

– Вы наблюдательны, Виталина.

– И вы вознаградите меня за это искренностью? – спросила я.

Дамир предложил сесть на диванчик, который находился в метре от нас. Мы добрались до третьего этажа, где – по замыслу продавца – располагался стеклянный кабинет директора фирмы.

Я села и положила справа от себя бумаги.

– Дело в том, что... Офис нужен моему отцу. Он владеет несколькими детскими центрами у нас в городе. Сеть называется «Мир детства», Может быть, слышали?

– Конечно, – кивнула я.

– Ну вот. Он ищет офисное здание для сотрудников, занимающихся самым холдингом. Экономистов, финансистов, агентов. И поверьте, – он наклонился к моему лицу, – он гребет лопатой столько денег за день, что может себе позволить купить это здание и без скидки.

Я шумно выдохнула, ощущая неловкость под затылком, на шее.

– Зато вы получите большую комиссию. Мне будет приятно.

– Вы не очень близки с отцом?

– И снова... Снимаю шляпу перед вашей наблюдательностью, – Дамир положил руку на голову и показательно удивился, не обнаружив шляпы. Он рассмеялся и я тоже.

Так началась наша история.

Но спустя два с половиной года, я показываю новому клиенту дом. Сижу напротив и в ответ на ее слова о разводе могу сказать, что уже понимаю ее боль...

– Это отличный дом... В двух минутах ходьбы находится школа... А там, – я поворачиваюсь к окну, показывая пальцем, – транспортная развязка. Автобусы, трамвай. До станции метро тоже недалеко. И как я уже говорила вам вначале, это спокойный район, где редко фиксируют преступления, ограбления и акты насилия.

– Вы замужем? – перебивает она меня.

Я теряюсь.

В моей ситуации ответить «да» или «нет» – это ничего не сказать.

Я в подвешенном состоянии и наш брак тоже.

– Я замужем, – признаюсь, – Но через пару месяцев вряд ли уже буду.

– Ох, моя девочка... – рука Эльвиры опускается на мое плечо.

Между нами возникает мостик женской солидарности. И если раньше я весьма скептически к такому относилась, то сейчас я искренне тянусь к ней в ответ.

Эльвира рассказывает, что развелась из-за того, что муж ее бил.

Слишком много выпивал и распускал руки. Говорит, что долго терпела из-за ребенка, надеялась, что он одумается. И я ее, черт возьми, понимаю. Ее история накладывается на мою, как тонкая, прозрачная пленка. Обе мы несчастны.

Эльвира заявляет о желании купить второй показанный дом, и мы отправляемся в офис, чтобы начать оформление бумаг. В тот вечер мы с Кариной устраиваем что-то вроде «праздника» по случаю успешной сделки. Делим на двоих бюджет и покупаем бутылку вина (ее прихоть) и немного роллов (это уже моя). Находим мелодраму «Красавица», смеемся, как подростки.

Чувствую себя хмельной, хотя выпила несколько глотков – больше не позволяю себе из-за ребенка, а Карине лгу, что от вина у меня на утро всегда болит голова.

У меня язык не поворачивается снова вернуться к личной драме.

Я стараюсь не думать, что раньше праздники мы устраивали с моим мужем.

Глава 5

– Итак, ты сказала, что хочешь серьезно поговорить, – усаживается Карина напротив меня. – Я слушаю тебя, родная.

Прошло уже три дня с момента заключения удачной сделки на работе.

И все три дня я просидела у Карины в квартире.

Мой шеф заметил, в каком состоянии находилась машина, и смилостивился, позволил отгулять оставшиеся у меня три дня отпуска, чтобы «решить проблемы с авто». Фирма у нас небольшая, поэтому по документам мы проводили месячные отпуска, а в реальности разбивали их на несколько частей. Если бы я забросила работу сразу на месяц, пострадал бы весь бизнес-процесс продажи недвижимости...

Находясь в трехдневном отпуске, я все-таки доехала до СТО, но...

Помимо этого, ничего полезного не сделала. Я почти не выхожу из квартиры, переживая очередной виток душевных терзаний. Где-то я читала, что шоковые состояния проявляются волнообразно.

Видимо, психологи не соврали...

В понедельник стало легче.

Я даже минут двадцать всерьез думала, что смогу пережить развод.

Работа отвлекала. Кроме того, она оставалась, наверное,

единственной сферой моей жизни, в которой не было Дамира. Но работа никогда не претендовала на место главной сферы. Я не бизнес-леди, которая будет взбираться по карьерной лестнице в ущерб семье.

Во вторник эмоциональный маятник снова качнулся вниз.

Карина ушла на работу, и я загрустила в чужой пустой квартире.

– Но если честно, Виталина, я считаю, что в первую очередь ты должна поговорить с Дамиром, – не удерживается Карина. Она степенно наливает нам полные чашки кофе и садится за стол. – Неправильно, что... Все находится в таком подвешенном состоянии. Он свой ход сделал, сказал, что хочет получить развод. Ты должна решить, будешь ли ты...

– Я дам ему развод, – устало прикрываю глаза рукой.

– И правильно. Пусть катится на все четыре стороны.

Я смотрю на нее сквозь пальцы на своем лице.

– Понимаешь... – вздыхает Карина. – Я верю, что измену можно простить. Живой пример, моя мама. Я тебе рассказывала, как отец едва на коленях не ползал за ней по дому, чтобы она не выперла его за дверь. Но я не верю, что мужчина, который изменил один раз, больше не станет этого делать. Мой папа гулял все мое детство. Доходило до того, что он даже при мне не прятался! Бывало, выходил из спальни с какими-то женщинами и говорил, что «по работе». Он знал, что мама проглотит все, если я ей скажу.

– Я помню, – пододвигаю кофе. – Но я не совсем... Дело

в другом.

Чтобы прощать или не прощать измену, ее для начала следует осмыслить...

А я пока не могу.

Не проходит ощущение, что я нахожусь в параллельной версии своей жизни.

Вот бы проснуться.

Проморгать наваждение.

Вернуться назад.

– Я тебя слушаю.

Она тоже делает глоток напитка. Смотрит на меня во все глаза.

Я уверена в Карине, знаю, что она не станет болтать о моей беременности; если попрошу, никому не скажет. Я боюсь признаться не из-за последствий, я... боюсь по умолчанию. Ребенок – большая ответственность и главная мечта мужа. Я обижена, но Дамир вовсе нет... Он не захочет исчезать из жизни этого ребенка.

– В тот день, когда я вернулась домой раньше и... Все это случилось, – начинаю говорить. – Я отпросилась пораньше, получив сообщение из клиники, где тайно сдала анализ крови на ХГЧ. У меня была задержка уже двенадцать дней. Я сразу не придавала этому большого значения, из-за проблем с гормонами цикл у меня и раньше был нерегулярным. Я сделала тест на беременность. Он показал две полоски... Но ложные тесты в нашей с Дамиром истории тоже бывали. Я

ничего ему не говорила и на одиннадцатый день сдала кровь.

Карина громко охает и прикладывает ладони к лицу.

– Только не говори, что...

– Я беременна.

Она шумно выдыхает.

Смотрит на чашку такими глазами, словно на ней обнаружился тарантул, а потом поднимает глаза на меня. Дергает плечом.

– Я не знаю, поздравлять тебя или... – Ее голос звучит растерянно.

– Поздравить все-таки стоит, – вымучиваю я из себя улыбку. – Ребенка хотел не только Дамир... Я тоже хотела... Хочу стать мамой. Малыш желанный, несмотря на...

– И что ты собираешься делать?

– Если бы я знала, – я опускаю голову на сложенные руки на столе.

Если бы решила эту дилемму, смогла бы двигаться дальше.

Либо с пониманием, что мне придется и дальше общаться с Дамиром из-за ребенка, либо попрощавшись с ним навсегда.

– Ты должна сказать Дамиру.

Я настолько не ожидаю услышать от нее такие слова, что удивленно вскидываю голову. Моргаю. Не слышалось ли мне?

Карина ни разу не выступала адвокатом Дамира за послед-

ние дни.

– Он же предал меня... Назвал...

– Муженек твой оказался законченным ублюдкой, я не спорю.

– И?

– А как ты собираешься скрыть свою беременность от него, Вит? – продолжает она. – Если не скажешь сейчас, будет только хуже, ведь это его ребенок... Я в твоём окружении, наверное, единственный человек, способный хранить секреты. Даже твои родители сразу же тебя сдадут...

– Ты так думаешь?

– А ты нет? – она фыркает и отбрасывает светлые волосы. – Они в восторге от Дамира. Я сама до недавнего времени считала его классным парнем, так что...

– И что же мне делать?

– Ну, у тебя два варианта, милая. Первый – признаться во всем. Ну и решить, наконец, для себя, каким ты видишь своё будущее. Решить ты должна до того момента, когда расскажешь ему о малыше...

– Почему?

Голова совсем не работает.

– Потому что проблемы возникли из-за отсутствия ребенка. Дамир списал тебя со счетов, думая, что ты не родишь ему малыша. Узнав, что ты беременна, Дамир уже не захочет разводиться, понимаешь?!

– Я не... То есть... Как не захочет? Он не любит меня.

Больше не...

Беря паузу, я делаю глоток.

Я построила такую же причинно-следственную связь, что и моя подруга.

Но для меня она выглядит иначе.

Я не сразу смирилась, что забеременела аккурат после того, как Дамир разрушил брак со своей «бесплодной» женой изменой. Но холодность, невозмутимость, его попытки, будто специально причинить мне боль, говорили об отсутствии чувств. Любовь прошла. Я пришла к выводу, что мой ребенок не заслуживает расти в семье вынужденных отчужденных родителей.

– Он не отпустит тебя. Не отпустит ребенка.

– Хочешь сказать, он заберет малыша?! – повышаю голос я.

– Не знаю. Нет. Не думаю, что прямо... Заберет. Но он точно будет требовать свое место в жизни ребенка, – Карина накрывает руку, желая успокоить.

– Боже...

– Тебе нужно сказать и построить вокруг периметр безопасности. Он захочет вернуть тебя. Ты готова сказать «нет»?

– Не знаю, я...

– Ну, есть еще вариант сбежать из города, бросить все... Если же ты остаешься, то тебе придется сказать. Он все равно узнает, Вит. Но если узнает месяцев через шесть, отреа-

гирует иначе.

Да уж. Определенно разговор с Кариной – хорошая идея.

Она опускает меня с небес на землю, задавая самый закономерный вопрос: каким образом я хотела скрывать ребенка от Дамира, имея множество общих с ним знакомых? Даже если предположить, что я не скажу о беременности родителям, достаточно будет столкнуться с кем-нибудь... Типа его адвоката Саши, чтобы все полетело к чертям. Получается, эти внутренние дискуссии о том, говорить или нет, были изначально лишены смысла.

Глава 6

Дамир сидит в кресле и старается отсортировать бумаги...

Он временно без секретарши – сам виноват.

Едва появилась вакансия, он спровадил Марту к своему отцу.

Она в последнее время стала совсем неконтролируемой.

Могла прийти когда ей вздумается, в кабинет и задвигать ему про отношения. Играла роль любовницы нон-стоп, старалась соблазнить. Дамир не любит, когда люди нарушали договоренности в бизнесе. Однако личные договоренности он ценит еще больше, а Марта выбросила условия их соглашения в сточную канаву.

Из-за этого он вынужден сам составлять графики встреч и звонков...

Еще и Марта маячила на горизонте.

Последнее время у него постоянно побаливает голова. Дискомфорт еще можно терпеть. Но из-за него... Или и из-за предстоящего развода он взял за привычку выпивать вечером наедине с телевизором.

Полная деградация.

Виталина забрала вещи и ушла.

Дамир не звонил ей, потому что...

Не мог сказать ничего из того, что бы облегчило ее боль.

Он поднимает глаза и смотрит на фотографию Виталины

на столе.

Какой, наверное, идиотизм до сих пор держать ее здесь. Он тянется к фотографии и откидывается на спинку кресла. Рамку подарила Виталина. Ну как, подарила... Скорее, просто купила. Когда они обустроивали дом, она покупала красивые вещицы и расставляла их так, что магическим образом появлялся уют.

Фотографию сделал Дамир.

Выловил момент, когда Виталина рассеянно улыбалась своим мыслям.

Жена стояла возле дерева во внутреннем дворе.

Это было летом.

Дамир помнил, как они вместе вышли из дома в тот июньский день.

Кажется, он рассказывал ей о чем-то неприятном. Об отце. Их с отцом отношения на тот момент были холодными, как арктические айсберги. Даже хуже. Дамир мог бы спокойно пережить отсутствие в своей жизни отца, но, увы, такой роскоши он не имел с детства.

Отец не собирался никуда деваться и имел свое видение на жизнь сына.

Виталина пыталась утешить, она подошла и обняла его за плечи.

В такие моменты Дамиру всегда становилось легче. Он обнял в ответ, прижал хрупкое женское тело, и понял, что Виталина – самое ценное, что он имел, самое классное, чего до-

бился. Вершина его успеха. Она тогда задрожала от холодного порыва ветра, а он вздрогнул, боясь причинить жене боль.

Прошел всего год.

Дамир быстро ставит фото назад, реагируя на стук в дверь...

– Марта?

Ну вот, опять.

Она врывается в кабинет, стуча высокими каблуками по плитке.

– Ты обманул меня, – бросает Дамиру.

Вид у нее не просто расстроенный, Дамиру кажется, что она в отчаянии.

Глаза на мокром месте, носовой платочек в руке. Дамиру становится неуютно.

Он не привык иметь дело с женскими слезами. Особенно, со слезами посторонних женщин. Марта кажется ему слишком наигранной барышней, словно на сцене выступает, в ее эмоции Дамир ни разу до конца так и не поверил.

Он жестом приглашает ее сесть.

Марта выжидает секунду, в конце концов, садится и скрещивает ноги.

Сегодня она одета еще более откровенно, чем была вчера – не может не заметить Дамир. Блуза специально расстегнута на две пуговицы, а мини-юбка зазорно приоткрывает чулки. Если Марта не сменит тактику, то отец скоро ее обязательно заприметит. Спать со своими секретаршами – его любимей-

шая часть работы, к слову.

– Ты меня обманул, – она пытается не кричать. – Ты сказал, что я останусь работать с тобой... Ты сказал, что я буду...

– Не совсем так. Марта, я пообещал, что ты будешь работать в компании.

– Я хотела работать с тобой, я хотела быть с тобой, – она поднимается и обходит стол. Дамир даже не успевает среагировать, а она уже садится ему на колени. – Ты бросил жену, теперь ты сво...

– Ты помнишь, что у нас уговор?

– Помню, милый, помню, но мы его нарушили, – смеется она, кладет горячие руки ему на шею. – Ты спал со мной.

Дамиру неприятно об этом вспоминать.

Но да, он не удержался...

Он старается отстранить Марту.

Господи, ну почему он выбрал именно ее, почему решил, что с ней не будет проблем? Вот они, проблемы, в полный рост появились. Ему бы с разводом разобраться, душевные раны залечить, а тут... Она. Не чувствует к ней Дамир ничего, кроме, пожалуй, благодарности.

– Ты получила деньги, – напоминает он. – На этом все.

– Ты теперь свободен, я хочу быть с тобой... Дамир, я сделаю тебе очень хорошо. Я сделаю тебе хорошо сейчас, – ее рука тянется к его брюкам, и он грубо перехватывает ее, стискивая запястье. – Мне больно, Дамир, я не... Разве твоя

жена когда-нибудь делала это здесь? Твоя скучная домохозяйка? Она вообще делает это? Она становится на колени в спальне?

Дамир поворачивает Марту к себе за подбородок, дожидается, пока она перестанет смеяться и посмотрит на него. Усмешка сползает с лица Марты, как неудачная маска, она хватается руку в попытке разомкнуть ладонь. Дамиру не хочется делать ей больно, но он не знает, как иначе втолкнуть ей в голову мысль, что они больше не любовники.

– Иди на свое новое рабочее место, – велит он. – Если еще раз так ворвешься ко мне в кабинет, я тебя уволю.

– Дамир...

– Ты меня поняла?

Она сползает с его коленей. Наконец-то. Если с десятого раза Марта не поймет, то он точно вышвырнет ее прочь из компании.

Марта поднимается и тем же маршрутом идет обратно.

Ее высокие каблуки не дают Дамиру сосредоточиться... Такое ощущение, что она стучит не по плитке, а по его голове.

Он вспоминает жену и ее любимые растоптанные кроссовки, вспоминает, как они с Виталиной бегали по маркету, бродили по парку, поднимались на местную гору, откуда видно озеро у подножья. Вита не любит каблуки, Дамир не любит каблуки на женщинах... В этом они прекрасно сходи-

лись (как и во многом другом). Вспоминает, как хватал ее, поднимал на руки, и вместе с ней падал на диван, целовал ее, целовал, пока не кончался воздух от смеха и чувств.

Марта замирает у дверей.

Дамир успевает забыть о ней, отвернувшись в сторону...

Но Марта не забыла и без предупреждения бросает «гранату»:

– Ты еще пожалеешь, что так со мной поступил.

И закрывает дверь.

Пафосно ушла, ничего не скажешь. Дамиру хочется громко фыркнуть, рассмеяться, или вслух выругаться. Долбанная Марта.

Окей, окей, они с Мартой напоминают стереотипную парочку пропащих любовников. Он ее шеф, она подчиненная. Красивая, хотя не особенно умная. Если бы не «но», Дамиру она никогда не нравилась настолько, чтобы из-за нее разрушать семью. Вот это чистая правда.

Он признался жене, что Марта ничего не значит.

Но поняла ли она его правильно?

В кармане оживает телефон, Дамир опускается на спинку, радуясь возможности отвлечься – даже на разговор с работником банка, который будет настойчиво впаривать кредитную карту.

Люди – его способ держаться.

Ради них он будет держать лицо. Ради них, ради бизнеса отца.

Ради обещания, которое отец в свое время вынудил озвучить...

Но все-таки данного.

Они узнают о разводе, когда придет время. Но его развод не должен обрастать дурацкими сплетнями. Марта, черт бы ее побрал, именно этим и занималась. Ее постоянные визиты на фоне перевода были абсолютно ненужными для имиджа Дамира.

Он не дурак.

Все понимал. Эти ее угрозы – не невинная эмоциональная ерунда.

Если он не сделает то, что Марта хочет, она начнет плодить сплетни.

И как с этим быть?

– Алло?

– Привет. Прости, что беспокою... – слышится в трубке голос его адвоката.

Дамир задерживает дыхание.

– Что-то случилось?

Саша – не тот человек, который будет звонить «просто так». Если не по делу, то он, как правило, пишет в мессенджер.

– Ничего, ничего. Я хотел спросить, как там Виталина...

– Не понял, – сглатывает он.

Она же не могла сказать?

Нет, нет смысла. Виталина не такая – она не станет.

Дамир резко встает с кресла и подходит к окну. Он слушает Сашу, а сам думает... Что? Как? Почему? Они просто столкнулись? Да ну, бред. За два года знакомства Виталина и Саша ни разу не общались без него. И этот их «новый опыт» задевает Дамира даже больше, чем он хотел бы. В отношениях с Виталиной он не был ревнивцем. Но теперь... Он оттолкнул ее от себя и лишился права контролировать. Какое гадливое чувство.

– Она не говорила тебе про аварию?

– Что?! Она не пострадала?

– Да это было уже пару дней назад. Мы немного помяли друг другу бока на перекрестке. Вита спешила на работу. Не переживай, я ей напомнил про ПДД...

– Ты мог сразу позвонить?!

– Она сказала, что сама тебе позвонит. Извини, братишка...

Разумеется, Виталина так сказала. Специально скрыла аварию.

Дамир просит Сашу рассказать подробнее обстоятельства аварии и когда он заканчивает через три минуты, благодарит, обещает позвонить позже.

– Черт, – ругается он.

Даже если он не виноват, он ощущает, как вина спускается по шее вниз.

Виталина могла быть расстроена из-за него.

Чудо, что она не пострадала.

Он набирает Виталине раз, второй. Никто не отвечает. Снова набирает.

Не зная, что будет говорить, лишь безумно желая услышать голос в трубке. В голове у него разом все переворачивается. Может быть, не стоило обставлять все так? Может быть, он мог бы найти лучший способ? Господи, его жена попала в аварию, а он даже не знал!

Она упрямо игнорирует его звонки.

Дамир знает, что не стоит ехать к ней.

Связующие их нити болезненно рвутся, и Виталине не станет лучше, если он заявится на порог. Может быть, она уже ненавидит его. Может, уже отпустила. Но он не может не поехать. Дамир хватает пиджак со спинки и вылетает из кабинета.

Секретарши у него нет, объясняться никому не надо...

Он заедет к ней работу, чтобы убедиться, что она в порядке.

Глава 7

Дамир звонит мне.

Его звонок, который еще неделю назад вызывал бурю позитивных эмоций, вынуждает меня покрыться холодным потом.

Сам по себе звонок.

У Дамира есть одна причина добиваться аудиенции со мной.

И она мне крайне неприятна.

Наверное, решил, что его женошке пора прекратить грустить о разрушенной семье, взять себя в руки и сказать ему «да» на предложение о немедленном разводе.

Учитывая, что прямо сейчас я нахожусь в женской консультации...

Звонок Дамира – это настоящая катастрофа.

Он набирает снова и снова, вгоняя в панику.

Может быть, что-то случилось?

У него... Или у его семьи... Боже. Это так сложно. Я нахожусь в хороших отношениях с его родителями, с его братом.

Но я имею право не хотеть разговаривать.

В голове звучит голос Карины:

«Подумай о себе, о своих желаниях».

Еще один ее совет звучал так: «расскажи Дамиру или уезжай из города».

Я не сделала ни того ни другого.

Живу и... Жду, что ситуация рассосется сама по себе.

Как будто она может рассосаться.

Пока я думаю, как поступить, звонки прекращаются.

Но... Через двадцать минут мне звонят с работы и этот звонок, увы, я не могу проигнорировать. Я выхожу из кабинета врача, который только что долго и внимательно расспрашивал меня, кажется, обо всем на свете (возраст, дата последней менструации, профессия, семейное положение, перенесенные заболевания, жалобы) с медицинской картой в руках. Ожидаю услышать в трубке голос Натальи, старшего менеджера и почти подруги, и думаю, что отшучусь, мол, как я резко всем понадобилась.

– Приветик, Вита, – здороваается она. – Что-то я смотрю, ты загуляла... В отпуске.

– Прости?

Понятия не имею, о чем она.

Успеваю перебрать в уме все проекты – и убедиться, что они закончены.

По последним сделкам клиенты мне не звонили, ничего не отменяли – а я всем им дала личный телефон на всякий случай.

Какой сегодня день?

Четверг. Последний день отпуска.

Все правильно.

– Муж твой к нам приехал. Говорит, не может дозвонить-

ся. Говорит, не знает, где ты находишься. Переживает.

– Что?!

У меня перехватывает дыхание.

Зачем, бога ради, я понадобилась Дамиру? Он разучился писать сообщения?!

Господи, это ни в какие ворота!

Приперся ко мне на работу и опозорил меня. Теперь они думают, что мой идеальный прилежный муж сбивается с ног, ищет меня, пока я где-то гуляю. Я тяжело вздыхаю в трубку, но проглатываю возмущение. Пусть думают что хотят.

– Я даю ему трубку, – говорит Наталья.

И потом слышится его голос:

– Ты где?

– Ты совсем с ума сошел? – шиплю я.

Вокруг меня полно людей, но они выглядят увлеченными своими проблемами и надеждами. Я присаживаюсь на лавочку в коридоре, медкарта выпадает из ладони.

Только что я думала о малыше, о беременности...

Старалась держать себя в руках.

– Зачем ты приехал ко мне на работу, Дамир? Ты хоть подумал, кем меня выставил?! Это я «гуляю», да? Это я плохая жена, а не ты? Это меня ты на прошлой неделе выдернул из постели любовника или было наоборот?! – слова рвутся из меня несвязным потоком. Но потом у меня заканчивается воздух, я перевожу дыхание. Поднимаю медкарту.

– Ты вынудила меня.

– Я?!

Боже.

Ни за что не признается, что облажался.

Всегда у Дамира виновата я.

– Ты не брала трубку.

– И ты не понял, почему? – я почти кричу. – Да потому что я не хочу с тобой разговаривать. И видеть тебя не хочу.

– Я хотел спросить по поводу...

Я взмахиваю руками и перебиваю:

– Отдай Наталье телефон и уходи из офиса. Перезвони мне из автомобиля и... Поговорим, – после паузы говорю я.

Дамир не отцепится.

Видимо, он надеялся застать меня на работе... Как вовремя я взяла отпуск. Разговор по телефону – куда ни шло, но если бы я увидела его вживую, я бы рассыпалась на куски. В голове у меня до сих пор звучат его слова – все слова.

Те, где он обвиняет меня в холодности. Где говорит, что не смогла родить. Где утверждает, что Марта здесь ни при чем. Все его обидные слова разрывают мою голову, стоит лишь немного, на секунду ослабить защиту, и отвлечься.

Я отключаюсь и молюсь всем богам, чтобы Дамир не натворил там ничего...

Не выставил меня еще большей дурой.

Быстро выхожу из клиники, добираюсь до автомобиля и падаю на сидение.

Стараюсь отдышаться.

Я жду звонка Дамира, теряюсь в догадках, что ему нужно обсудить...

Неужели он решил поторопить меня с ответом?

Неужели я совсем не знала мужа?

Так или иначе, сердце у меня выскакивает из груди, усталость наваливается тяжким грузом. И это всего лишь после разговора. Карина говорит, что я должна рассказать Дамиру, что беременна. А что потом? Как мне жить? Сколько лет пройдет, прежде чем я разлюблю его, если он будет мелькать рядом? Мелькать вместе с девушкой, которую он вскоре выберет.

– Как ты могла даже словом не обмолвиться, что попала в аварию? – спрашивает Дамир, перезванивая мне ровно через пять минут. Его голос звучит спокойно, но я без проблем улавливаю в нем нотки гнева, раздражения.

Мой муж ни разу не повысил на меня голос за три года знакомства.

Но при этом он с легкостью дает прочесть свои эмоции.

После знакомства с Дамиром я восторгалась этими его чертами. Я видела, как он общался с подчиненными, как спокойно реагировал на бытовые проблемы, искренне говорил «ничего, я все исправлю, милая», и понимала, что с таким мужчиной мне ничего не страшно.

Его вопрос звучит как эхо наших прошлых отношений.

Едва ощутимый аромат парфюма, который я носила «вче-

ра».

– Это была не авария, а так... Небольшой инцидент, – отвечаю я.

– Но почему ты не сказала?

– Зачем? – повышаю голос. В отличие от Дамира, я с легкостью заводжусь и перехожу на высокие тона. – Мы разведемся, – констатирую. Жду, пока он ответит, но в трубке слышу лишь оглушительную тишину. – Я согласна, Дамир, – объясняю. – В любой момент.

Проходит еще секунд пять.

Я даже отстраняю от себя телефон, смотрю на него, не прервал ли Дамир звонок. Хотя я не помню, чтобы он бросил трубку.

– Я понял.

Вздыхаю и отвечаю:

– Хорошо. Мы разобрались, это все?

На самом деле я не хочу прощаться с ним. Я прикрываю рот рукой, чтобы не выдать свои эмоции. Чтобы он не понял, что я почти плачу. Чувства взяли меня в тиски.

Силы воли хватает лишь на то, чтобы молчать, не признаваться.

Не говорить: «я люблю тебя».

Не говорить «пожалуйста, скажи, что это шутка».

Я знаю, что момент слабости пройдет. Маятник качнется в другую сторону, и я разозлюсь на него за всю ту боль, что он принес. Начну думать, как строить жизнь без него. Но в этой

машине я снова ощущаю себя маленькой девочкой Дамира.

Он так называл меня раньше.

Дамир молчит, висит на связи. Слышу его равномерное дыхание.

Не понимаю, что происходит.

– Напиши мне в сообщении, что от меня требуется для развода, – бросаю я и нажимаю на красную кнопку на экране.

Фух. Сделала.

Разговор потребовал от меня многих душевных сил, но он оказался не таким ужасным, как я представляла в клинике.

Мне сложно делать вид, что все кончено, когда Дамир ведет себя как раньше.

Однако я хотя бы не чувствую себя здесь и сейчас обманутой душой, потратившей столько времени на неправильного человека. Возможно, вначале Дамир чувствовал ко мне все то, о чем говорил на свадьбе, глядя мне в глаза, проговаривая клятву. Если наша история была настоящей, а уже потом в нее прокрались фальшивые аккорды... Значит, время вместе имело хоть какой-то смысл.

Я завожу мотор и останавливаюсь на случайной радиостанции с танцевальной музыкой. Сначала я еду и... Почти ни о чем не думаю. Блокирую все эмоциональные порывы. Нет, мозг, даже не думай начать.

Я за рулем. Нужно сосредоточиться.

На пассажирском сидении лежит медицинская карта с расписанием анализов, приемов, УЗИ и прочих штук, кото-

рые нужно пройти. Бросив на нее взгляд, я вспоминаю, как надеялась на мужа во всех таких вещах. Безоговорочно.

То, что мы *будем вместе* по ходу моей беременности, казалось непреложной истиной. Солнце встает и заходит, время идет вперед, а на Дамира можно положиться. Все перевернулось с ног на голову. Закрутило меня в воронке.

Позже заезжаю домой, чтобы забрать несколько вещей. Пользуюсь моментом, ведь Дамира внутри нет. Я открываю двери, переступаю порог и осознаю, что... Жизнь перевернулась не только у меня.

Дом изменился кардинально! Стал почти уродливым...

Возле дверей валяется записная книжка Дамира. Понятия не имею, как она сюда попала. Он швырнул ее в двери? Я поднимаю блокнот, чувствуя на руках липкость, и медленно кладу на тумбочку. Иду дальше и вижу на столе бутылку виски, почти пустую. Вторая бутылка лежит возле ножки стола. Книга небрежно сброшена на пол, а лампа для чтения в разобранном состоянии свисает с книжной полки, словно ее собирались отремонтировать, но резко передумали.

Столешница усеяна кусочками еды, разводами и круглыми следами от стаканов. Первым делом я думаю, что Дамир устроил здесь какую-то вечеринку.

«На него это не похоже», – твердит внутренний голосок.

Я велю ему заткнуться.

Поднимаюсь по лестнице в спальню.

Там ситуация не лучше.

Единственное, что бросается в глаза на фоне бардака, так это аккуратно застеленная кровать с моей стороны. Словно Дамир хотел показать, что здесь никто, кроме него, больше не спит.

Если прижму подушку к лицу, услышу свой запах? Не другой женщины, свой...

Я не проверяю.

На его половине постели разбросана одежда, белье, носки...

Видимо, проспал и впопыхах собирался сегодня на работу. Но и такого я не припомню. Дамир с легкостью просыпается утром. На режим он полагается даже больше, чем на будильники. В недоумении шагаю дальше, едва не забыв, зачем вернулась. Мне нужно собрать вещи, а я стою и не могу поверить, что здесь живет мой муж, а не посторонний мужчина.

Мой муж, который никогда не терял самообладания...

Глава 8

– Как тебе только в голову такое пришло, милая моя? – смеется Карина.

Она поворачивается ко мне лицом, промахивается мимо следующей ступени и едва не падает на меня.

– О, бог мой.

– Карина! Осторожнее, – отвечаю я.

Увы, лифт не работает, и мы добираемся до седьмого этажа своими силами.

Утром в воскресенье Карина уговорила меня пойти на шопинг. Вместе мы прошлись по дорогим бутикам, массмаркету и посетили несколько магазинов для беременных. Сначала я сильно сомневалась, что мне уже «пора». Карина же настаивала, что это определенно пойдет мне на пользу. Мол, тело постепенно начнет меняться, талия расти – и лучше заранее осознать, что беременные тоже могут быть красотками...

Мне понравилось.

Понравилось находиться в окружении будущих мам, понравилось кивать в ответ на вопрос продавца: «ждете ребенка?»

Я чувствовала некий дискомфорт из-за того, что свободно рассказывала о беременности случайным людям, при этом хранила это втайне от отца ребенка... Но мне нужны были

пятнадцать минут «нескрываемой беременности». Возможно, люди подумают, что это ерунда. Однако я очень много размышляла о беременности.

Для меня ребенок в животике – гордость и победа над обстоятельствами.

Еще до измены Дамира я часто прокручивала в голове многие моменты беременности. Не только момент, как он узнает, но и празднование с семьей, гендерную вечеринку, выбор кровати, обустройство комнаты, покупки...

Измена Дамира и сумятица, которая наполняла жизнь, забрали многие вещи. Но я, по крайней мере, могла не прятаться посреди шумного мегаполиса.

Я возвращалась в квартиру с легкой душой, приятным послевкусием и шелковой сиреневой шалью (больше я себе не позволила из-за «режима экономии»).

– Нет, погоди... Ты начала убираться? – переспрашивает она на четвертом этаже.

Только что я призналась Карине, что побывала в четверг дома.

Забрала кое-что.

Увидела ужасный беспорядок и... Да, немного убралась.

– Я не устраивала генеральную уборку, если что. Думаешь, я совсем дура? – возмущаюсь я. – Вернула на места вещи, которые мешали мне пройти. И все.

– Не делай так больше, не делай ничего для него, уяснила?

– Угу, – киваю я.

Я рассказала Карине, чтобы обсудить с ней неожиданные изменения в поведении моего мужа. К сожалению, она не сочла это чем-то важным и я осталась ни с чем.

Возможно, она права, а я ошибаюсь. Снова.

Поднимаясь, перешагивая ступеньку за ступенькой, я прихожу к выводу, что действую не очень нелогично. Разрыв – это то действие, после которого ты не несешь ответственности за человека.

С другой стороны, Дамир, судя по его звонку, по-прежнему переживал за меня...

– И скажи ему о своей беременности.

– Еще есть время. Ты каждый день будешь об этом напоминать?

– Ну, это не пачка кефира, которую ты забываешь купить, это беременность...

Знаю, что не кефир.

После разговора с Дамиром у меня в голове полный бардак. Я пока не сомневаюсь в двух вещах – я люблю Дамира, а он слишком сильно обидел меня. Поэтому вернуться к тому, что было, не получится. Я не стану женой, которая будет проверять карманы мужа, но не стану и той, что будет закрывать глаза.

– Я скажу ему, но сначала скажу родителям...

– Так почему тянешь? – показательно стонет она.

Карина первой добирается до последнего пролета, сохраняя спокойное дыхание. Завидую ей белой завистью, и

невольно вспоминаю, как отказалась от фитнеса...

– Ой, а что ты здесь делаешь? – обращается она к кому-то.

Я отстаю от нее, поэтому не пойму, кого она увидела. Не мог же Дамир...

– Мы договорились встретиться в двенадцать.

– Извини, малыш, мы с Витой увлеклись. Ты же понимаешь...

Теперь я тоже вижу его.

Аслана.

Его синие глаза проходятся по моему телу сверху вниз, и черт знает, к каким выводам он приходит... Кивает, говорит нейтральное «привет». Пока мы снимаем верхнюю одежду, Карина рассказывает своему парню о том, как мы провели утро, но, конечно, упускает из виду «беременный магазин». Мне рядом с ним неудобно. Никогда не было уютно, а теперь – и давно. Я боюсь, что в тишине подъезда Аслан мог услышать слишком многое. И он так подозрительно смотрит на мою медицинскую карту на столешнице...

До меня только сейчас доходит, что Карина, видимо, попросила Аслана не приходить к ней домой, пока здесь я. Отношения у них серьезные и он часто оставался на ночь. Но с тех пор как я застала Дамира с другой, Карина предпочитала уезжать сама, не наоборот.

Она уходит в спальню, я задерживаюсь и остаюсь с ним один на один.

Аслан – brutальный высокий блондин.

Когда он рядом, даже в большом помещении становится как-то тесно.

Карина когда-то рассказывала о его связях с криминалом. Интересно, не приходилось ли ему душить кого-то голыми руками? Они у него огромные.

Я слабо улыбаюсь ему. Уходить сейчас – невежливо.

Мы же не виделись так давно.

– Ну, как ты? – спрашивает он первым.

– Нормально. Карина же рассказывала, что... Ну, мы с Дамиром...

– Она говорила.

– Угу.

– Мне жаль, что так случилось.

– Спасибо.

Я киваю, не зная, что добавить.

– Я понимаю, ты не хочешь возвращаться домой, – продолжает он, обходя стол и постукивая по нему пальцем, – но Карина ведь не единственный твой вариант?

– Нет, не единственный.

– Я имею в виду, что... У нее тоже есть семья. Я – ее семья.

Он доходит до меня и вынуждает отойти на шаг, я упираюсь поясницей в стену, чувствую, как цветок, стоящий на окне, щекочет мою руку немного ниже локтя.

Этот дискомфорт ничто в сравнении с его колким взглядом.

– Найди себе другое жилье. Пожалуйста.

На этом все.

Аслан знает, что я поняла.

Я моргаю, не способная выдать ни слова. Я же не собиралась задерживаться у Карины. Еще тогда, в самый первый день. Квартира Карины была запасным экстремальным вариантом. Я отказалась от своих же намерений, забыв о комфорте своей подруги. Но мне все равно неприятно, что мне указывают на выход.

Карина возвращается спустя минуту, в любимом домашнем халате.

– Ну что, пупсики, пообедаем?

– Извини, у меня живот разболелся, – говорю я. – Давайте без меня.

Я игнорирую растерянный взгляд Карины. Захожу в комнату.

Выдыхаю. Когда Карина познакомилась с Асланом, мы с Дамиром встречались уже несколько месяцев. Всем окружающим мы тогда казались безумно, неистово влюбленными. Знаете, как те парочки, рядом с которыми невозможно находиться.

Я, обычно сдержанная во всем, что касается личной жизни, не переставала рассказывать про Дамира, про его чувство юмора, такт, суперспособность говорить правильные вещи в правильный момент.

Конечно, Карина захотела познакомиться с мужчиной мо-

ей мечты поближе.

Мы сходили на двойное свидание, о котором мечтали с самого детства, но синхронно решили больше так не делать из-за огромного числа неловких пауз и неудачных попыток завести разговор.

Были совместные дни рождения, новогодний корпоратив, несколько прогулок...

И всегда рядом со мной был Дамир, в объятиях которого мне не бывало страшно или неудобно. Сегодня я, наверное, впервые общалась с Асланом без своего мужчины рядом. И... Мне не понравилось.

Я сажусь на кровать и бросаю взгляд на вещи, которые успела разложить по местам. Одежда ждет в шкафу, рабочий ноутбук – на тумбочке, косметику я отправила на закрывающуюся полку над зеркалом. Я делала это на автомате, чтобы чем-то заполнить дни своего отпуска, не будучи в состоянии делать что-то серьезное. Сейчас до меня доходит, что я обустроила комнату, словно собралась жить здесь целый год.

Придется снова собирать чемоданы.

Но это даже к лучшему. Я не буду ничего выдумывать и поеду к родителям. Придется им, наконец, сказать о разводе с Дамиром, признаться, что беременна. Сдвинуть с места стотонную глыбу под названием «кризис», рядом с которой я стою больше недели. Пора что-то сделать...

Я слышу, как Карина и Аслан о чем-то тихо беседуют на кухне.

Надеюсь, не обо мне.

Я опускаю глаза на руки и впервые, наверное, за неделю замечаю на пальце обручальное кольцо. Дамир сделал предложение дома, обставив все так, словно мы не делали огромный шаг, а закономерно переходили на новый этап.

Дамир знал, что я не люблю представлений на публике.

Он сделал лучшее предложение на свете...

Мы тогда почти все время проводили вместе, не вылезали из постели и не могли дождаться, когда сможем встретиться после работы. Я тонула в его глазах, а от его прикосновений плавилась, как шоколад. Дамир не отрывал от моего тела взгляда и рук, и все это продолжалось час за часом, час за часом!

В один из таких идеальных вечеров Дамир принес нам упаковку пончиков.

Дал мне один, дождался, пока я откушу немного, и спросил:

– Ты когда-нибудь думала, как чувствуют себя люди, проглотившие пару сотен тысяч баксов? Я имею в виду... Случайно...

– Нет, а должна? – рассмеялась я.

Рука Дамира гладила меня по бедру и, клянусь, я хотела, чтобы она не исчезала, продолжала касаться меня вечно, ласкать, и продвигаться выше.

– Осторожнее с пончиком, милая, – он постарался прикрыть рот рукой, спрятать таким образом улыбку, но ничего

не вышло, я его раскусила.

– Что ты задумал?

Он молчал и загадочно улыбался.

Знала ли я тогда, что найду в пончике кольцо с бриллиантом?

И да, и нет. Глупо о таком думать теперь, но я упорно верила три года назад, что Дамир – это моя судьба. Разногласия, сложные дни, да, все это было, например, когда на него давил отец... Однако мы не отдалялись друг от друга, решали проблемы. Я знала, что он сделает этот шаг, и не подогняла.

Добравшись до кольца в пончике, я застыла.

Нет, не так.

Я буквально окаменела.

Сидела и смотрела на кольцо, сначала даже не почувствовав, как Дамир шутя хлопал меня по ноге ладонью. Ну а затем я расплакалась. Да. Расплакалась и только через минуту выдавила из себя «да», в котором не сомневалась ни на один процент. Пончик оказался на диване, а я в объятиях Дамира, счастливая, зацелованная и любимая будущая жена.

Дамир надевал мне на палец кольцо с надеждой и верой в наше будущее, а я снимаю его сама, сидя в чужой квартире. Снимаю и кладу на тумбочку. Носить его дальше – не вариант. Может быть, вернуть Дамиру? Оно же стоит целое состояние...

В дверь стучат, и я смахиваю с лица высыхающие слезы.

Открываю Карине.

Она взволнована, хотя и старается это скрыть. Садится на кровать рядом со мной и берет мои руки в свои. Я немного на своей волне и не успеваю сказать ей про переезд, или спросить, что же случилось.

– Я должна кое-что тебе сказать. Точнее, я должна сказать тебе несколько вещей.

Карина выглядит серьезно.

Это и меня приводит в чувства. Я киваю.

– Ты только не переживай, но... – Карина замечает, что на моем пальце нет обручального кольца и не договаривает.

– Что случилось?

– Ты сняла кольцо.

Подруга находит его взглядом на тумбочке и – или мне только так кажется – с облегчением выдыхает. Может быть, Карина опасалась, что я потеряла кольцо во время шопинга или... Выбросила из окна в порыве эмоций? Я не уточняю и не спрашиваю, отвечаю ей, что «сняла» и «решила сделать шаг вперед», все такое.

Меня волнует другое.

– Что ты хотела мне сказать?

– Эм... – она не сразу отрывает задумчивый взгляд от кольца. – Да, есть несколько вещей. Вит, ты не волнуйся... Тебе нельзя.

– Ты уже говорила мне это, и я уже волнуюсь.

Карина смотрит мне в глаза.

Не тянет резину и выкладывает:

– Аслан в курсе, что ты беременна.

– Что?

– Он слышал наш разговор в подъезде, – Карина сжимает губы. – Прости меня.

Я опускаю руки на колени. Не самый подходящий человек для такой информации.

– Нет, ты не виновата.

– Я сказала Аслану, какое сумасшествие у вас произошло, – продолжает она, – сказала, что тебе нужно было отойти от измены, которую ты... Фактически увидела своими глазами, а это пипец как неприятно. В общем, он понял и сказал, что если вдруг ему повстречается Дамир, он ничего ему не скажет. Я ему хорошо в голову вдолбила, что это твое дело, твой ребенок, нам с ним там делать нечего.

Звучит логично.

– Ну тогда... Вроде бы все хорошо. Ничего не поправимого не случилось?

Я чувствую себя необычно.

За последнюю минуту я приготовилась к чему-то на самом деле ужасному, и теперь даже действительно неприятная новость не отзывается во мне обидами и досадой...

Карина сжимает мою ладонь.

– Мне ведь все равно придется сказать, – отвечаю я.

– Это еще не все.

Карина с Асланом разговаривала на кухне от силы десять минут.

Продуктивно, ничего не скажешь.

– Что ты знаешь об отце Дамира? – спрашивает она.

– Об Алексее Владимировиче? Да ничего особенного...

Он бизнесмен, владеет детскими центрами. Очень влиятельный человек со своими... тараканами.

Все это Карина уже знает.

Она ритмично кивает в ответ на мои слова, показывая, что спрашивает не об этом. Ей не нужна его биография, но что ей тогда нужно? Если честно, за последнюю неделю я о нем вспоминала считанные разы. Из-за сложных отношений Дамира с отцом, он дома у нас не появлялся ни после того, как мы съехались, ни после покупки особняка.

Я не приглашала его к нам на ужин или на праздники. То есть, сначала пыталась...

Дамир всегда говорил, что у отца «командировка» и «очень срочные дела».

Я понимала, что он и не спрашивал. Вычеркнул отца из своей жизни, ссылаясь на сложный характер, проблемное детство, критические расхождения во взглядах.

Сидя напротив Карины, я начинаю понемногу понимать, что за три года не узнала, что же произошло в семье Дамира.

Почему он так ненавидел отца.

Я не настаивала на правде.

Я хорошо знаю себя и свои слабые стороны. Одна из них –

я не усложняю там, где сложно, обхожу острые углы... Иногда обхожу по слишком большой дуге.

– Ты не спрашивала у Дамира, что он за человек, чем интересуется? – Карина словно мои мысли читает. – Он что-то...

– Нет. Я не спрашивала, потому что он даже на его имя плохо реагировал.

– Но Дамир работает в его компании.

Я развожу руки в стороны:

– Бизнес – это бизнес. Дамир считал, что нам нужно за что-то жить.

– Ясно.

Карина резко выдыхает сквозь сомкнутые губы, поднимая челку. Такое ощущение, что она надеялась на мою помощь, что я облегчу этот разговор, но вышло иначе.

– Так что там с Алексеем Владимировичем? – настаиваю я.

Про себя думаю: если он в чем-то замешан... Меня это сильно не расстроит.

Не сейчас, когда я намерена порвать с семейством Сергеевых.

– Ты знаешь, что у Аслана были определенные не совсем законные дела в прошлом? – Карина отводит глаза в сторону. Ей неприятно вспоминать. – И по этим самым делам он общался с отцом Дамира. Это было очень давно и, вероятно, в тот период, который Аслан сам старается выбросить из го-

ЛОВЫ, НО...

– Они были знакомы?

– Аслан решил, что это не его дело, – Карина словно не услышала меня.

– Что именно?

– Он сказал, что твой ребенок важен для Алексея Сергеева.

– Стоп, – я резко опускаю руки на бедра. – При чем здесь отец Дамира?

– Ты родишь его внука. И если я правильно поняла, то Алексей Сергеев будет добиваться, чтобы ребенок остался в семье. Он может, не знаю, – задумывается Карина, – надавить на некоторых людей, чтобы вам не дали развод. Если будешь дальше добиваться развода, то он надавит на других людей и оформит на себя опеку.

– Секундочку...

На мое лицо наплывает улыбка.

Но не от смеха. Мне сейчас «смешно» примерно так же, как человеку, которому знакомые сказали, что на землю напала другая цивилизация. Ты не хочешь в это верить, и здравый смысл твердит, что нужно цепляться за хорошо знакомую реальность. Но в душе все уже холодеет.

– Ты хочешь сказать, что отец Дамира... какой-то сумасшедший?

– Скорее, помешанный. На своих потомках, – добавляет она. – Как в «Игре престолов», только без, кхм, престолов...

Я смотрю на нее долгим взглядом.

– Я бы выпила, – говорю.

– О, я бы тоже...

Она поднимается.

Я вынуждена ее остановить, взяв за руку.

– Карин, мне нельзя.

– Ой, точно. Я дура. Прости!

– Ты не дура, – на автомате отвечаю.

Карина предлагает перекусить десертом, который она принесла из магазина. И кофе. «Нам предстоит серьезный девичий разговор обо всем этом дерьме», – говорит она и треплет меня за плечо.

И уходит.

Оставшись, я смотрю на обручальное кольцо. И сердце сжимается от предчувствия, что я не знала о чем-то очень важном. И скоро узнаю об этом.

Глава 9

Карина садится за стол с чашкой, я устраиваюсь в кухонном уголке. Напряженная, сама не своя. Вцепилась в чашку так, словно в ней не кофе, а сокровище. Я ставлю чашку на стол, ощущая, как озноб понемногу отступает под действием горячего сладкого кофе.

– Ты объяснишь мне, чем таким незаконным занимался твой Аслан?

Карина не отрывает глаз от своей руки. На ней золотой браслет – подарок парня.

Понятия не имею, о чем она думает... Я не считала Карину открытой книгой даже после стольких лет дружбы. С ней я тоже осторожничала в отношениях, например, о прошлом Аслана не просила рассказать. Я просто радовалась, что она нашла любимого человека, пусть и старше, пусть и с довольно неоднозначным прошлым.

Теперь у меня есть свой «интерес». Работа Аслана, в чем бы она ни заключалась, ключик к разгадке всех этих тайн семьи Сергеевых. Моей семьи.

– Приятного в этом мало, – она пожимает плечами. – Рэкет, вымогательство, присвоение чужого имущества, – она чертит в воздухе кавычки.

И снова меня посещает это странное чувство – Карина говорит о плохих, очень плохих вещах, но они кажутся не та-

кими страшными, ведь в моей голове в это время Аслан уже измазанными по локоть в крови руками убивал десятки людей (вместе с отцом Дамира). Моя фантазия когда-то доведет меня либо до нервного срыва, либо до сердечного приступа...

– И отец Дамира тоже этим занимался?

Карина кивает.

– Наверное, так он и стал владельцем самой крупной сети детских центров в городе, – предполагает она.

Я ничего не отвечаю, а сама вспоминаю нашу с Дамиром первую встречу. Мне немного удалось о нем тогда узнать, но...

Иронично – я начала знакомство с будущим мужем из разговора о его отце.

Дамир холодно заметил, что отец имеет достаточно денег, чтобы купить здание без скидки. Если Карина права, то...

Пазл складывается.

Зная, как отец обрел богатство, Дамир ценил эти активы соответствующим образом. Но – что бы там Дамир ни думал, его знания и умения помогли отцу держать на плаву украденную империю. Мне от этого становится не по себе...

Не знаю, тошнит меня от правды или начинается токсикоз...

– А что по поводу ребенка? – переступая через себя, я ныряю глубже.

Ощущения такие, словно нахожусь в огромном бассейне

и вот-вот отпущу бортик. Пока держу его руками, не так страшно, но если все же отпущу – ситуация превратится в непредсказуемую.

– Там что-то с воспитанием и прочим...

– Чьим воспитанием?

Карина поднимается и идет к холодильнику, вынимает коробку эклеров и забрасывает в рот один. Она смотрит на меня, видит, наверное, что я все застыла – как львица перед прыжком. Сосредоточенная, хотя и растерянная.

– Дамира и Тимура.

Моего мужа и его младшего брата.

– Короче, Алексей Владимирович этот все уши прожужжал Аслану, какая у него родословная, которая тянется уже сотни лет, – продолжает Карина. – Я так поняла, что он был очень жестким отцом.

– В чем жестким?

– А ты что об этом знаешь? – присматривается она ко мне.

– О детстве Дамира?

Карина кивает и возвращается за стол.

– Ну... Он не хотел говорить об этом.

– И об этом тоже? – подруга иронично вздергивает бровь.

Я делаю вдох, представляя, как в меня вместе с воздухом проникает спокойствие.

– Как-то это странно, ты рассказывала ему все, а он... То, что хотел нужным.

– Нет. Ты не права.

– Права. Вот мы сейчас это с тобой и выясняем. Я, оказываются, знаю о детстве твоего Дамира больше, чем ты сама.

– Что тебе рассказал Аслан?

Ее пыл иссякает.

Еще секунду назад по лицу Карины бродило раздражение. Но уже нет.

Она берет меня за руку, словно жалеет.

И начинает говорить.

Алексей Сергеев, говорит она, воспитывал своих детей в атмосфере полного подчинения. Они не могли сами выбирать, чем заниматься после школы, с кем общаться и дружить, на какую секцию пойти. Карина утверждает, что у Алексея была «концепция», как сделать из мальчишек нормальных людей. Отец следил за каждым шагом своих детей, не разрешая им... Ну, просто отдыхать, тратить время на всякие глупости, немного сходить с ума. У них всего этого не было. Алексей щедро делился своими методиками воспитания с Асланом, да и с остальными мужчинами, кто мог и хотел его слушать.

– Дамиру доставалось больше, ведь он был старшим. Надежда рода.

– Что за чушь...

Я не сомневаюсь в словах Карины, в словах Аслана...

Мой мозг просто не принимает это. Внешне отец Дамира – абсолютно нормальный...

– Мальчишки Сергеева играли в одобренные игры, обща-

лись с одобренными людьми. Много учились. Не знаю, было ли у них вообще детство в известном смысле, – Карина делает паузу, вспоминая, что сказал ей Аслан. – Они для Сергеева не детьми были, а... Продолжателями родословной. Ну, и ты сама понимаешь...

Она дает мне время осмыслить.

– Дамир и Тимур должны обязательно стать отцами. И я уверена, что Сергеев старший до самой своей кончины делал бы со своими внуками и внучками то же самое. Да, со стороны это можно назвать «заботой», но... Это определено не она. Забота не может иметь решетки на окнах.

И что же получается...

Дамир ненавидел отца за все, что он с ним сделал. За испорченное детство, исковерканные мечты... Но при всем этом он поступил точно так, как хотел его отец.

Бросил свою «бесплодную жену».

Позже вечером я выхожу на прогулку.

На город опускаются сумерки и становится легче дышать. В комнате я ощущала тесноту, словно мои руки и ноги заковали. На улице уже лучше. Быстрые ритмичные шаги звучат в такт моим мыслям (со стороны можно подумать, что я не прогуливаюсь, а куда-то целенаправленно иду, даже тороплюсь), но они являются всего лишь иллюзией действий.

Передвигаясь в пространстве, я не отдаляюсь от проблемы, которая засела в моей голове. Я устала думать об этом

всем, мне хочется отвлечься. Вместе с тем, я не имею права «отвлекаться», ведь от принятых в ближайшие дни решений зависит будущее моего ребенка.

Я останавливаюсь возле парка и запоздало жалею, что не набросила куртку.

На мне тонкая розовая кофта и укороченные джинсы.

Сажусь на лавку и чувствую холод досок.

Переохлаждение заработать еще не хватало в первые недели беременности.

«Наконец, ты думаешь головой, Вита», – мысленно хвалю себя, встаю и решаю идти дальше, чтобы хотя бы согреться.

Карина не хотела меня отпускать, а я настояла на своем.

От разговоров на кухне у меня едва не разболелась голова. Помню, я даже истерически рассмеялась, вспомнив, как за последние несколько дней ситуация менялась из раза в раз. Сначала беременность, которая должна была стать нашей с Дамиром надеждой, начала казаться проблемой – веревкой, навечно связавшей меня с мужем-предателем.

Потом я все-таки взяла себя в руки, сказала себе: «Эй, Виталина, ты столько времени мечтала о ребенке! Радуйся же!»

Через какое-то время подруга убедила меня, что придется рассказать Дамиру, даже если в глубине души считаю, что он лишился права воспитывать ребенка, отказавшись от своей семьи. От меня.

Наконец, последний акт драмы – если Аслан не врал, ес-

ли Карина все поняла правильно, то мой еще не рожденный ребенок мог подпасть под влияние отца Дамира с его идиотскими представлениями о воспитании. Я бы и рада понадеяться, что Дамир не отдал бы ребенка отцу, зная, чем это для него обернется... Но я уже ни в чем не уверена. Дамир признался, что «если бы я забеременела», не было бы никакой Марты и развода.

В этом он явно наследовал отца и его семейные принципы.

На моем лице ощущаются горячие соленые слезы.

Горло стискивается от обиды.

На что он меня променял?! На чужие дурацкие идеалы? На отца, который испортил ему детство и собирался сделать то же самое со своими внуками? Господи...

Позже ночью мне снится Дамир, его отец, снится, как они передают из рук в руки, почти бросают друг другу, темный сверток, а я кричу, чтобы они отдали ребенка! Когда фальшивый Дамир улыбается и садится в машину, я просыпаюсь, скидываюсь на мокрых белых простынях. Проходит, наверное, минута, прежде чем я немного успокаиваюсь и перестаю дрожать.

Карина уехала к Аслану, она не слышала моего крика.

Никто не придет меня успокаивать и спрашивать: «ты как»?

Вытерев пот со лба, я дотягиваюсь до мобильного. Третий час ночи. Спать больше не хочется. Не сейчас, пока перед глазами до сих пор стоят выдуманные образы. Я иду на

кухню, выпиваю стакан воды и возвращаюсь в холодную постель.

Может быть, поискать что-нибудь в интернете про Алексея Сергеева? Мне ни разу не приходило в голову его погуглить... Спустя пятнадцать минут я откладываю телефон, так ничего и не найдя. Журналистов, что естественно, интересуют его активы, статистика его компаний, карьера его сына Дамира (я даже нахожу одну заметку о нашей свадьбе), но личную жизнь Алексей прочно держит под замком. На нескольких фотографиях с женой – Ириной – я задерживаюсь слишком долго, всматриваясь в черты ее лица. Дамир говорил, что никогда не был близок со своей матерью. Интересно, по какой причине она позволяла мужу так обращаться с детьми?

Во мне вспыхивает жалость к мужу, я перелистываю вкладку и вслух фыркаю.

Не те чувства, Виталина.

«Ты должна пожалеть себя и своего ребенка».

До утра я лежу, думая о будущем. О своем неопределенном, плачевном положении. Ребенок уже растет во мне, и опасность никуда не девается. Я не хочу годами жить в страхе, что Дамир или Алексей узнают о ребенке и заберут его себе. Я не потерплю даже малейшего вмешательства в жизнь малыша, не от мужа, который бросил меня, не от его помещанного на крови отца. Несмотря на недосып и усталость, утром я чувствую себя борцом.

Собираю вещи в тишине, застегиваю сумку и выхожу из дома.

Я держу путь на работу.

Вечером – к родителям.

Расскажу им про развод с Дамиром.

Глава 10

Замок щелкает и двери открываются с жалобным писком.

«Я тебя понимаю, приятель», – думает Дамир, приподнимая уголки губ.

Он переступает через порог и бросает портфель на пол. Вальяжно шагает по светлому персидскому ковру в туфлях. Виталина убила бы, если бы увидела. На улице дождь, поэтому каждый его шаг остается на ковре темным отпечатком.

Но Виталины в доме нет.

И Дамир, как бы это ни выглядело, пытается убрать из дома ее дух, раз уж ее образ из головы никак не выходит.

Он специально делает то, что не делал, когда они жили вместе.

Помогает? Дом превратился в свинарник, он пропах алко-голем, опустился по социальной лестнице, однако по-прежнему скучает по ней. Просто «скучает»?...

Скорее извелся уже весь.

Дамир выдергивает из ушей наушники и садится на диван.

Он уже несколько дней собирается с силами, чтобы позвонить Виталине, договориться о разводе. Теоретически он мог спихнуть всю работу на своего адвоката – именно за это Саша получает деньги. Но если Дамир представлял себе их вместе на безмянной кухне, кулаки сжимались сами по себе. Непроизвольно. Да и неправильно это было... Избегать

ее.

В мысли Дамира вмешивается посторонний звук. Что-то на кухне.

Или кто-то?

Он прислушивается. Ничего.

Пять секунд в полнейшей тишине, а потом до него снова доносится звон стекла.

Или керамики.

Он привык к таким звукам.

Чудесных несколько лет он приходил домой, где его ждали.

И первой мыслью Дамира становится предположение, что Виталина вернулась. Фантастическое предположение. Дамир позволяет ему осесть в голове, оно – как мед для его изголодавшегося сознания.

Жена приходила сюда несколько раз, забирала вещи, и никогда не оставалась. Виталина избегала его, Дамиру ли ее винить за это. Но если бы она все-таки осталась... Он мог бы рассказать. Попытаться рассказать. Объяснить, что Марта – ничего не значит, он спал с ней всего раз. Виталина не должна была застать их в постели и пережить кошмар.

Он же не какой-то убудок, чтобы заниматься сексом с посторонней женщиной в их с женой постели... Но так случилось.

Шагая к кухне, Дамир не испытывает страха, хотя, наверное, он бы выбрал страх, а не мрачную тоску по своей разру-

шенной жизни. Он бросил жену, чтобы найти кого-то другого, но пока и на работе, и на улице он был не в состоянии смотреть на других женщин в таком ключе.

Толкая дверь, Дамир входит на кухню.

Свет горит, побулькивает кипящая вода.

Конечно, никакой Виталины нет. Маньяка, убийцы или вора тоже.

Уже хорошо.

Дамир смотрит на затылок своего младшего брата Тимура, который почти подтанцовывает перед плитой, высыпая макароны ровными порциями. Вздохнув, он подходит к брату, вытаскивает из его уха наушник. И тот, наконец, реагирует.

– Дамир, бляха, напугал.

– А ты меня нет?

– Да ладно. Подкрадываться-то зачем?

– Ты точно ремонтом замков занимаешься? – потешается над ним Дамир.

Окей, вторжение вышло довольно неприятным. Впрочем, если бы Дамир не рассказал брату, что он теперь живет один, брат бы ни в коем случае не учудил такое. Теперь Дамир одинок, Тимур тоже одинок. И они продолжают делать то же, что и всегда, сходить с ума. С детства и юности так уж повелось: если выпадает шанс провести хотя бы часик вдали от дома или от отцовского надзора – бери от жизни все, до чего только дотянешься.

Тимур старается. До сих пор старается.

Он усмехается, Дамир тоже, и они почти на автомате обнимаются.

Его брат – полная противоположность Дамира – выключает музыку и поворачивается к нему, не забывая помешивать макароны в кастрюле. Дамир знает, что брат изучает его, и он делает то же самое. В последний раз они виделись с глазу на глаз на свадьбе Дамира, но несчетное количество раз общались по видеосвязи и по телефону.

Тим даже Вите звонил – просто поговорить. И она брала трубку. Не из вежливости, а с большим удовольствием.

Стоит ли добавлять, что Дамиру пришлось пережить по этому поводу не самых приятных два месяца сомнений и ревности.

– Решил похозяничать немного, – пожимает плечами Тимур. – Без Виталины тут все, походу, разваливается...

Дамир застывает.

Брат, как всегда, зрит в корень.

– Твое фирменное блюдо? Макароны без ничего?

– Обижает, – он показывает готовые куриные крылышки в упаковке.

– Прогресс.

– Поездил бы ты с мое по мотелям и отелях, научился бы добывать еду из ничего, – говорит Тимур. – Серьезно.

– Ты из Австралии прилетел?

– Нет, был в Сингапуре.

Дамиру интересно, как там... В Сингапуре. Или в Австралии. Он обещал Виталине отпуск в Азии следующим летом, а брат сказал, что будет рад помочь с организацией путешествия. И судя по его пристальному взгляду, прилетел он не затем, чтобы покормить Дамира макаронами. Дамир уже знает – зачем.

Спросить: «какого лешего?»

Тимур, как никто, наверное, знает, насколько Дамир любит Виталину. Он знает, что Дамир с самого начала сомневался, стоит ли втягивать такую светлую и добрую девушку в семью. Но любовь победила здравый смысл. Дамир не смог отказаться от нее, хотя знал, что в итоге все испоганится. Если бы Виталина забеременела, она скорее бы с одной сумкой сбежала посреди ночи, чем отдала бы ребенка такому, как его отец.

– Итак, садись, хочу услышать всю историю, – говорит через десять минут Тимур, – неся в руках две тарелки.

Дамир не знает, с чего начать.

В глубине души он все же радуется, что его брат и лучший друг приехал.

Я стою в тени.

Медленно дышу и готовлюсь войти.

Больше недели я избегала родителей, даже словом не обмолвилась, что у нас с Дамиром произошло. Теперь весь груз молчания опустился на мои плечи, придавил к земле. Роди-

тели будут шокированы новостями, а мне придется пережить худшие моменты последних дней.

Снова.

Но я должна, выбора не осталось.

Поднимаю задвижку на воротах и вхожу во двор.

Автоматически включается уличное освещение – датчик движения реагирует на мои осторожные шаги. Я волочу за собой сумку, представляя, каким неприятным для родителей будет вторжение их дочери сегодня вечером. У меня есть ключ, но он во внутреннем кармане... Проще постучать.

В ответ на звук внутри сразу же реагируют. Мне кажется, что я даже слышу, как скрипит кресло, в котором отец смотрит вечерние новости.

Но мне только кажется.

На пороге появляется мама.

Мне стоит больших усилий не упасть ей на плечо.

Говорят, дети остаются детьми, пока живы родители. И сегодня мне, как никогда, хочется материнской ласки и уверенных слов отца: «все будет хорошо, маленькая». Но я натягиваю на лицо улыбку, которая, наверное, выглядит гримасой, и сразу же здороваюсь с мамой.

– Вита! Что ты как неродная, я уже думала, отец ключи забыл...

Я не успеваю объяснить, почему постучала, мама и сама замечает дорожную сумку у меня в руках. В ней не все вещи, которые я успела перевезти к Карине, зато самые необходи-

мы я взяла с собой.

– А что в сумке?

Я смотрю на маму, мама на меня... В ее взгляде нет ни грамма беспокойства, лишь любопытство и, немного, усталости.

– Мои вещи. Мам, я должна тебе кое-что...

Слова – волшебство. Они вмещают в несколько слогов величайшие победы и поражения каждого человека.

Однако я не успеваю их произнести, из глубины дома выплывает, иначе и не скажешь, мамина школьная подруга, которой досталось еще и почетное звание моей крестной. На моем лице, наверное, отражается недовольство, мама незаметно одергивает рукав моей кофты, чтобы я шире улыбнулась. Понятия не имею, почему мама до сих пор держит в своей жизни Татьяну (тетю Таню для меня). Даже я уже поняла, что она из себя представляет.

Мы с папой на дух ее не переносим.

Поэтому мама и приглашает ее, когда отца нет дома. Эта женщина, кажется, видит смысл жизни в том, чтобы о ком-то сплетничать. Вот и вся ее характеристика. С ней даже невозможно вести диалог в известном смысле, она каждый раз приходит и вываливает на маму тонну ненужных данных, кто с кем сошелся, разошелся, кто с кем переспал.

Запоздало я понимаю, что вскоре и сама попаду в «хроники тети Тани».

– Виталинка, – раскрывает объятия Татьяна.

– Здравствуйте, тетя Таня, – выдавливаю я из себя.

В глубине души у меня настоящее цунами. Была бы я посмелее, я бы ей высказала все. Ей и маме, которая просто стоит, и ждет, когда мы обменяемся любезностями.

Я сыта по горло неприятностями и эти дурацкие церемониальные разговоры выводят меня из себя по щелку пальца.

Вопросы Татьяны не меняются.

Как ты? Как здоровье? Как Дамирчик? Именно так. «Дамирчик». Меня до сих пор воротит от того, как она вешалась на шею моему мужу при каждом удобном случае.

Если учесть, что Дамир (тот Дамир из прошлого, который к женщинам относился уважительно) всегда отвечал ей улыбочками и комплиментами, я, пожалуй, ревновала. Потом, по дороге домой, мы обсуждали это, посмеиваясь над жаждой Татьяны к мужскому вниманию, но это все-таки не было приятным для меня. Никогда.

– Не надумали еще куклу завести?

Словно это так просто.

Я закипаю еще сильнее.

Татьяна, благодаря моей маме, прекрасно знает о моих проблемах, знает, как мы старались. Однако она из раза в раз задает вопрос именно так: не решили ли.

– Знаете, я сегодня так устала, кое-какие вещи маме завезла... – говорю я Татьяне, надеясь, что мама подыграет мне. – Я разберу их там, а вы беседуйте.

Будет здорово, если мама вспомнит, как я не люблю тетю

Таню, или ей хотя бы станет любопытно, что же в этой большой черной сумке – и она выпроводит подружку с кислотно-красными волосами из дома.

– Передавай привет Дамиричку, – бросает Татьяна.

«Господи боже мой. Да замолчи ты уже», – думаю я. Но приветливая, хорошо воспитанная девочка Виталина вместо этого разворачивается, улыбается и взмахивает рукой: обязательно передам!

Я вхожу в свою старую комнату и останавливаюсь на пороге.

Пустые коробки, старая гладильная доска, на кровати один матрас, в углу висит гирлянда из паутины. Я делаю глубокий вдох и бросаю сумку на пол. Мои рецепторы улавливают только затхлость и частички пыли. Но мои глаза видят комнату, в которой я провела прекрасных семнадцать лет. В которой я была счастлива еще до встречи с Дамиром.

Позади закрывается дверь, и я слышу, как мама быстрыми шагами идет ко мне.

– Виталина, дочка, какие такие вещи ты мне привезла? – кричит она.

Дамир сидит над макаронами с курицей, которые не вызывают ни малейшего аппетита. Тимур поглощает еду с такой жаждой и увлеченностью, что Дамир из последних сил сдерживается, чтобы не рассмеяться. Не прокомментировать это.

В глубине души он хочет чувствовать себя так же, как

брат, но не может... Он в полном дерьме, жизнь – дерьмо, работа – дерьмо, а семью, которая вытягивала его на поверхность, он только что развалил.

– Вкусно, правда? – поднимает глаза Тимур.

– Да, нормально.

Они с братом уже обсудили его путешествия, его поездки, погоду за окном, раннюю осень, даже искусственный интеллект проскочил в их разговорах. Сейчас они затихли. Дамир чувствует, что скоро наступит момент X. Видит себя и брата, словно со стороны. Один не решается рассказать, второй – спросить.

– Так... Что там с Виталиной случилось? – вымучивает вопрос Тимур.

Он откладывает вилку.

Дамир, напротив, делает вид, что ему вдруг захотелось поесть.

Странно признавать, но он ни с кем не обсуждал свою измену.

Не приходилось.

Виталина, судя по всему, не рассказала своим родителям. Дамир ограничился заявлением, что они разводятся – для своих отца и матери. Остальные, с кем он делился новостью, получали от него зарплату, и мнение держали при себе.

Брат – другое дело.

Это и хорошо, и плохо.

– Я ей изменил, – отвечает Дамир. – Я тебе так по теле-

фону и сказал.

Может быть, он только что и собирался сказать правду... Точно, собирался. Стыдно. Проще дальше отпираться, словно «так просто получилось». Дамир на ходу оправдывает себя. И начинает иррационально злиться на брата, который сидит и смотрит почти высокомерно.

– Как это произошло?! – спрашивает брат.

В его словах звучит нечто большее.

«Как ты до такого докатился?»

«Ты ее разлюбил?»

«Ты же никогда так не делал!»

– А ты не знаешь, как это обычно происходит?

– Стоп, – он вытягивает руки вперед над тарелкой. – Мне казалось, что у вас с *этим*, – он выделяет слово особенным пошлым голосом, – всегда было все норм.

Дамиру становится тошно.

Тошно, что Тимур всерьез думает, будто ему могло не хватать близости с Виталиной или что она не давала ему то, что требовалось в спальне.

Она была прекрасной, всегда.

У них сразу возникла связь, которая чувствовалась и в постели.

Когда Дамир впервые увидел ее обнаженной, его кожа покрылась мурашками предвкушения похлеще, чем ее почти белая, нежная кожа, а когда они, наконец, оказались в постели, горячие и изголодавшиеся от долгих прелюдий в виде

свиданий и поцелуев на прощание, он ощутил себя самым счастливым мужчиной.

Но следом ему становится до безумия стыдно, что так он Виталине и сказал...

Будто она вынудила его своей холодностью. Будто она «фригидная». Какой бред. Наверное, та сцена в спальне будет преследовать его до самой смерти. Дамир так сильно себя накрутил, а Виталина появилась настолько стремительно возле них прямо во время... Растерявшись, он сказал жене даже больше, чем планировал, чем требовалось.

Затем пришлось «придерживаться версии».

– Не твое дело, – подводит черту Дамир и опускает глаза в тарелку.

Он знает, что Тимур, естественно, не отступится, и он скажет ему правду – наверное, единственному человеку на земле, который сможет его понять. Но не сейчас. На Дамира снова накатывает разбитость и усталость. В голове все крутятся и крутятся слова, сказанные Виталине. Крутятся ли они и в ее голове?

– И типа все, развод?

– Ну да.

Тимур показательно опускается на спинку стула. Он криво усмехается.

– Что тут, черт возьми, произошло?

Внутри у Дамира что-то шелкает.

– Откуда тебе знать? – саркастически замечает он. – За

три года, пока тебя не было, многое могло измениться.

– Только не начинай...

Брат поднимается, идет к столу возле раковины.

Может быть, Тимур и следил за его жизнью. Другое дело, что Дамир многое не рассказывал. Какой смысл было делиться тем, о чем брат догадывался? Никто не поднимал такие темы. Отец продолжал контролировать каждый шаг сына, который остался с ним. И иногда Дамиру казалось, что он делал это с двойным усердием – и за брата, выскользнувшего из его гнезда.

– Удобно, наверное, приезжать на денек-другой, радовать всех своим распрекрасным лицом, но не углубляться в проблемы, – распаляется Дамир, – не задавать сложных вопросов и не брать на себя ответственность... Ни в чем, никогда!

– Разве я не задаю вопросы? Толку с них? Ты не отвечаешь.

– Ты знаешь, о чем я, – сверкает глазами Дамир, сжимая вилку сильнее.

О да, они оба знают. Тимур убежал не только от отца, но и от своего брата, который тогда в нем одном находил опору.

Тимур вздыхает.

– *Я не убежал*, – говорит. – Ты так считаешь. Ты постоянно об этом говоришь, и, наверное, у меня нет шансов тебя переубедить. Но в моих глазах я не сбе...

– Ты именно это и сделал. Оставил меня одного отдуваться, быть «надеждой» отца...

– Ты сам выбрал такой путь, забыл? – Тимур теперь тоже кричит.

– У меня выбора не осталось.

– Я тут ни при чем, – жестикулирует Тимур, показывая руками на себя, – тебе не оставила выбора гордость, твоя правильность, твое желание во всем следовать указке отца. Да ты просто хотел это, ясно? Хотел быть великим и ужасным гендиректором в холдинге отца.

Дамир едва не рычит.

– Не смей так говорить, – вкрадчиво велит он.

– Как будет угодно! Я единственный, кто тебе скажет правду...

– Не надо.

– К черту. Бессмысленный разговор. От и до бессмысленный. С меня достаточно.

На том все и заканчивается.

Как будто кто-то выключает свет в комнате.

Дамир привык к такому, но все равно чувствует себя немного оглушенным, когда брат разводит руками и спешно уходит в гостевую спальню. Он смотрит на кухню, на автомате убирает тарелки и немного приходит в себя. После вечера с братом он чувствует себя еще хуже, чем до него.

Мама хватается за сердце и велит принести ей капли после первой же моей фразы. Я знаю, что иногда мама переигрывает, перетягивает на себя одеяло всеобщего внимания,

хотя развод – это вовсе не ее трагедия и драма.

Я возвращаюсь с ней на кухню, отставая на шаг.

Мама садится на стул и продолжает обмахиваться рукой.

Я даю ей стакан воды и сердечные капли. Стою и молчу, пока она не заканчивает их считать. Проходит секунд тридцать.

Мама поднимает глаза, но в них нет ни капли теплоты или понимания. Так мама смотрела на меня в детстве, если я роняла на пол посуду или обрисовывала обои, так она отчитывала меня в юности, если учитель замечал проблемы с уроками.

Я боюсь, что из разговора ничего толкового не получится.

Мама, словно стремясь доказать мне это прямо сейчас, спрашивает:

– Что ты наделала?! – она щурится.

Ко мне возвращается то гадкое ощущение предательства от самого близкого. Именно так я чувствовала себя, глядя на абсолютно отчужденного от меня Дамира, который поднимался с постели.

– Мам, – во мне тоже что-то сжимается, – он изменил мне и...

– И что? – она повышает голос, загоняя меня в угол этими неожиданными эмоциями. – Покажи мне мужчину, который ни разу не изменял жене. Покажи, я хотя бы посмотрю на него, краснокнижный экземпляр, – она невесело хмыкает и поднимается.

– Мам, я...

– Садись, садись, говорю, – она берет меня за локоть и вынуждает устроиться за столом. – Дочка, – начинает она, – у всех случаются сложные дни. Я где-то читала, кстати, что как раз вот ваш срок совместной жизни – три года – это кризисный период. Его надо пережить вместе. Если бы у вас был ребенок, было бы, конечно, легче. Но, – она вздыхает, но так и не отпускает мою руку, – надо стараться лучше, понимаешь? Взять отпуск, заняться собой, расслабиться, и не отпускать от себя Дамира, чтобы почаще пробовали зачать, поняла меня?

– Мам, что ты несешь?!

– Так, – она хлопает ладонью. – Кто тебя научит уму-разуму, если не я? Подружки эти твои, которые сами ходят незамужние?

– Мам, Дамир предложил развод, не я.

Я специально утаиваю все остальное. Смотрю на маму и думаю, как я могла быть такой глупой и надеяться, что мать встанет на мою сторону? Если бы я проговорила про ребенка, то она бы в следующую секунду сорвалась бы звонить Дамиру в надежде, что он вернется.

Я здесь, кажется, одна думаю про малыша и про его будущее...

– Дамир просто на эмоциях сказал, ясно? Ты должна поговорить с ним!

– Не должна, хватит! Все кончено...

– Дура! – сокрушается мать. – Ты хоть знаешь, как тебе повезло встретить такого, как он? Богатого, красивого, обходительного. Да он же пылинки с тебя сдувал три года! Ты послушай мать, значит, чего-то ему не хватало с тобой! Но это можно исправить! Понимаешь?

Во мне копится злость – словно невидимый метан, который вспыхивает от искры. Я злюсь, зная, что если позволю себе перестать, то расстроюсь, расплачусь и позволю маме убедить меня, что я никто... Без Дамира, без мужа, просто никто.

– Он хочет развестись, и я сказала, что дам ему развод. Все.

– Вам нужно остыть, – мама как будто не слышит меня.

Впрочем, и я сейчас ощущаю себя словно наедине с незнакомым человеком.

Внешне мама все та же, я чувствую нотки шампуня, которым обычно пахнут ее волосы, вижу на запястье резинку (она цепляет ее на руку, чтобы в случае чего быстро собрать волосы в пучок). Даже ногти у нее покрашены в любимый розовый оттенок. Но между нами непробиваемая стена. Как так получилось, что Карина понимает меня лучше? У меня сжимается горло, но не от обиды на Дамира или на судьбу, я готова заплакать из-за мамы.

Из-за ее холодности и безразличности.

– Бывает, бывает, что сложно и обидно... Но ты думаешь, за семью не нужно бороться? Можно просто психовать и ухо-

дить как пятиклашка? Дочка, если бы я ставила свою гордость выше семьи, то у тебя не было бы отца с шести лет!

– Что?

– Именно то, что ты подумала. Если я тебе не рассказывала про измены твоего папочки, это не значит, что их не было, – в голосе мамы появляются нотки удовлетворения. И несмотря на весь шок, ужас и пустоту, которую я ощущаю, я не могу не злиться на нее, что обрушила на меня правду в такой момент.

Решила использовать измены отца, чтобы убедить, будто это нормально?!

– С меня хватит, я иду спать, – говорю я, хотя еще нет даже семи.

Но если бы моя мама хотя бы когда-то считалась с моими желаниями. Нет.

Она идет за мной, продолжает сыпать соль на рану, вспоминая свои обиды на отца.

И каждый раз она настаивает – если бы ушла от отца, то у меня не было бы семьи. Через пять минут (а, может, спустя вечность) я сажусь на заправленную кровать, которая пахнет свежестью, и сдаюсь. Из глаз градом начинают катиться слезы, а перед глазами встает образ малыша – почему-то сейчас я вижу девочку – и его недовольного личика. *«Так ты ушла от папы и теперь у меня нет папы?»* – спрашивает воображаемый ребенок. Я утираю слезы, но не могу остановиться.

Глава 11

Проходит не менее двух часов взаимного молчания, прежде чем Дамир решается поговорить с братом. Он берет в охапку две банки прохладного пива и стучит тихонько в гостевую комнату. Думает про себя: если брат спит, так тому и быть.

Но на его стук сразу же отзываются...

Дамир толкает дверь и с удивлением видит брата ни разу не сонным.

– Часовые пояса, – поясняет он и снимает наушники.

Перед Тимуром на кровати лежит планшет, на котором он смотрит какой-то сериал. Брат поджал под себя колени и наклонился к экрану, чтобы выключить сериал. Дамир садится с другой стороны по-турецки и передает брату банку пива.

Их окружает почти полная тьма, но так даже легче рассказывать...

– Как раньше, да? – усмехается Тимур.

Дамир невольно вспоминает, как несколько раз в год они стабильно проносили в комнату контрабанду (сладости, позже журналы для взрослых, а затем и алкоголь в маленьких плоских упаковках), запирались в комнате Тимура и занимались «запрещенными вещами». После таких вечеров Тимур ходил довольный собой, а Дамира терзали сомнения, мол, может быть, отец прав, что запрещал им курить или пить, а

они не понимали...

Дамир за последние две недели часто вспоминал отца, стараясь найти поворотный момент, после которого все пошло не туда. Но постепенно приходил к безутешному выводу: не было никакого поворотного момента, Дамир раз за разом делал выбор в пользу своего отца, и так пришел к развалу уже своей семьи.

Он, наверное, всегда знал, что быть одновременно сыном своего отца и отцом собственного сына – не получится.

– Я облажался, Тим, – говорит Дамир, срывается, закрывая лицо руками. – Я так облажался с Виталиной... Слов нет.

Но слова находятся.

Дальше они выходят из него почти потоком. Даже если бы захотел, наверное, не смог остановиться. Оно копилось с самого первого дня шесть месяцев назад, когда отец позвал Дамира к себе и заявил, что «так продолжаться не может».

Он указал Дамиру на неспособность Виталины «произвести потомство». Он так и сказал – потомство. Отец заявил, что Дамир не сможет и дальше работать в фирме, если останется с Виталиной, если не позаботится о том, чтобы в семье «родился продолжатель рода» Сергеевых.

Рассказывая это, Дамир постоянно сбивается. Ему самому ситуация кажется бредовой, однако брат не смеется, не задает вопросов, он через это прошел.

– Я знаю, что ты скажешь, что я мог бы бросить все ради нее...

Тимур молча присасывается к пиву.

– Давай дальше.

После этого Дамир начал думать, как оградить от боли Виталину.

Если им, так или иначе, придется расходиться, то она не должна жалеть о нем, жалеть о разрушенной семье. Дамир решил перечеркнуть хорошее, что было между ними, сделать так, чтобы Виталина в итоге возненавидела его. И сама ушла.

– Не было измены, Тимур. Была постановка, которая еще и сорвалась...

– О чем ты?

Выпив едва ли не полбанки одним махом, Дамир продолжает...

Он воспользовался услугами секретарши, которая давала понять, что «на все готова ради него». Объяснил, что нужно подстроить измену, Марта предложила сделать это у него дома, чтоб наверняка.

– Ты собирался с ней переспать дома? И в чем ужасно хитрый план заключался? – спрашивает Тимур, недобро хмуря глаза.

– Я не собирался... План был просто оставить улики. Понимаешь? Помятую постель, женские духи в воздухе... Может быть, презерватив использованный... И я сделал несколько снимков, оставил в своем ежедневнике. Можно сказать, что я весь дом набил уликами в тот день.

– Зачем?

– Виталина должна была понять, что я с кем-то давно встречался у нее за спиной.

– И возненавидеть тебя.

– Да, – кивает Дамир. – Но в итоге Марта, она... Она разделась, она... Под предлогом этих улик она затащила меня в постель, сказала, мол, женщина точно почувствует присутствие другой... И я не сдержался, а потом вошла Вита.

Тимур усмехается, но совсем невесело.

Он бьет себя ладонью по лбу.

– Фиаско, брат.

И этот жест – тоже из их детства.

– Тебе не пришло в голову обставить это своими силами? Купить женские парфюмы и помаду, нанести на рубашку? – интересуется он, меняя позу. Ноги затекли. У Дамира тоже, но он и не чувствует этого почти. – Так усложнил.

– Похоже, что я великий профессионал по части подстав? – отвечает он. – Марту я использовал, чтобы... Вдруг Виталина захочет поговорить с любовницей или навести справки... Короче, все должно было выглядеть максимально достоверно.

– Что ж...

Они синхронно ставят банки пива на пол. Какое-то время в помещении слышится только их дыхание и цоканье секундной стрелки на часах. После того как Дамир огласил свой план, он не может избавиться от кислого вкуса на языке.

Тимур прав – можно было обойтись без Марты. Да и вообще – он не на том сконцентрировался. Наверное, Виталина поверила бы ему на слово, скажи он про измену. В итоге она увидела ее. В итоге он задел ее даже больше, наверное, чем ее задела бы правда про ультиматум отца.

– Что скажешь? – поднимает глаза Дамир.

– Ты снова выбрал отца, а не свое счастье, – пожимает он плечами. – Не удивлен. Но я все-таки надеялся...

– Я люблю ее. Мне так ее не хватает...

– Боюсь, Дамир, такое она не простит, – Тимур хлопает его по плечу и поднимается. Дамир не спрашивает, куда он идет, просто сидит и смотрит в темноту, как будто в темноте есть ответ.

Дамир плетется в свою комнату в четвертом часу ночи. Но спать ему совершенно не хочется. Какая-то часть его сознания безумно стремится сорваться и поехать к Виталине. Взять и поехать. Упасть перед ней на колени и молить о прощении. Но здравый смысл уже тут, подмигивает из-за угла и напоминает, что одного извинения мало, а он ей ничего не может дать, кроме этих банальных слов.

Просто приступ слабости.

Таких будет еще несколько сотен, прежде чем он сможет забыть первую любовь.

Сам виноват, если честно.

Тимур ему об этом и говорил последний час, упорно на-

поминал, сколько раз Дамир обещал ему прекратить участвовать в семейном помешательстве. Например, в день свадьбы с Виталиной. Брату он уверенно заявил, что от женщины своей не откажется, даже если папаша пристанет.

Ага, не отказался, как же.

Усевшись на кровать, Дамир смотрит в окно, видит свое отражение в свете настольной лампы. И его сознание снова тянется к Виталине. Голова заполняется яркими воспоминаниями, буднями, которые теперь кажутся невероятным счастьем.

Дамиру хочется, чтобы она была рядом и он мог ее обнять.

Но когда он придумывал этот дурацкий план с подставной изменой, он и себе отрезал пути отхода. Понимая, что будет безумно сильно скучать по жене, Дамир сделал так, чтобы все его теоретические попытки вернуть ее были провальными.

Он возложил на Виталину ответственность не дать ему вернуться.

Какой-то бред.

Но ведь работает.

Пьяно усмехаясь, Дамир опускается на кровать и хватается подушку Виталины. Прижимает к лицу, стараясь уловить ее запах. Он ощущается – тонкий, почти неуловимый, но дико возбуждающий. Он сам не успеваает понять, как его меланхолия разгорается, превращается в похоть, а рука сама лезет в брюки. Он так по ней соскучился... Наверное, это алкоголь.

Но с другими он просто не может.

С другими – чистая физиология. Взять хотя бы Марту. Не счесть, сколько она предлагала ему секс после измены в спальне. Несмотря на то что у них в тот раз, когда вошла Виталина, все лишь началось, Дамир не стремился закончить.

Виталина, его Виталина – совсем другое дело. Дамир прикрывает глаза, и ее образ манит к себе. Сначала он вполне приличный, а его движения медленные и тягучие, словно прелюдия перед главным блюдом. Он представляет, как Вита улыбается ему, подает руку, дает увести себя в спальню. Дамир вспоминает их в постели, снова прикрывает глаза.

Чтобы было удобнее, он расстегивает штаны, освобождает и тело, и эмоции.

Его маленькая девочка – пусть и всего лишь надуманная – садится сверху, опускается на него. Дамиру кажется, что дрожь в теле принадлежит Виталине, и что она реальна, как одеяло на нем или подушка, на которой покоится его голова. В реальности дрожь принадлежит ему и связана с его фантазией. Сегодня мечты Дамира максимально четкие и концентрированные. Он не видел жену больше недели, не касался к ней... Тело изголодалось по ее ласкам, хоть по какому-то удовольствию, механическому.

Дамир впервые за столько времени ощущает звенящую пустоту в голове.

Он наедине со своими мечтами.

В них Виталина медленно двигается, и Дамир может под-

нять руку, провести по ее лицу, очертить пальцем ее приоткрытые губы. Красивая. Какая же она красивая, думает он, двигая рукой еще быстрее. Если откроет глаза, магия рассеется, поэтому Дамир призывает себя к спокойствию, чтобы немного растянуть удовольствие. Он вспоминает, как Вита могла наклониться к нему для поцелуя, и ее светлые волосы щекотали его лицо.

Он в такие моменты сильнее стискивал ее бедра, вел руками по телу, ее идеальному телу. Воспоминание о том, как она обнимала его ногами, прижимала к себе, становится ключевым. Дамир сжимает губы, по телу проходит дрожь, и он затихает...

Будто ничего и не случилось.

Повернув голову, он видит папку с работы с новыми кандидатами на пост его секретаря. И вспоминает все свои трагедии, страхи и проблемы. Реальность. Удовольствие продлилось совсем недолго.

Дамир поднимается и достает салфетки.

Потом идет в ванную и умывается, не зная, пытаться поспать пару часов или идти и заваривать кофе. Постель позади кажется холодной и неприветливой.

Вздохнув, Дамир решает начать уже этот чертов день, и идет на кухню.

Глава 12

Утром кажется, что голова весит тонну.

Тело ломит, глаза чувствительные. Может быть, у меня температура?! Пока я подношу руку, чтобы удостовериться в отсутствии температуры, успеваю представить все ужасы простуды во время беременности и все ее последствия.

Нет, я здорова.

Только измотана. Буквально на грани.

И желательно прекратить так трястись по мелочам, верно?

Я поднимаюсь с постели, слышу выразительные, но приглушенные голоса.

Вчера я рано легла спать и не видела отца, а сегодня мне страшно взглянуть ему в глаза. Страшно так, что трясутся руки. Я идеализировала свою семью. Любила и идеализировала. Не могу даже представить, что отец изменял маме...

Но если она не солгала... Мог ли папа бросить меня?

Я смотрю в зеркальце на столе и вижу маленькую девочку, которая бежала к порогу, слыша, как ключи поворачивались в дверной скважине. Каждый вечер мы с папой проводили вместе. В раннем детстве он играл со мной в мяч, собирал со мной пазлы, мультики смотрел, делая вид, что ему реально интересно; а став старше, уже я ходила смотреть с ним малопонятные мне поединки снукера и часами сидела в гараже, где он разбирал свой автомобиль.

Я папина дочка.

Не помню, как часто мы с ним обсуждали какие-то важные темы, но если что-то происходило в школе, я всегда первым рассказывала ему. Папа запомнился мне понимающим человеком, а мама – кричащей и не желающей ни в чем разобраться. Без папы я выросла бы другим человеком.

«Вот тебе еще один жизненный урок, Вита, люди могут быть и хорошими, и плохими одновременно», – говорит кто-то в моей голове. Рукой я глажу себя по животу.

– Малыш, подскажи, что делать, – шепчу я в приступе неуверенности.

Глупо надеяться на какой-то знак.

Но мне больше не на кого надеяться. Карина оказалась права насчет моей мамы – она теперь видит целью своей жизни помирить нас с Дамиром; а мой муж будет рад принять меня обратно с ребенком.

Я на цыпочках выхожу из комнаты и проскальзываю в ванную комнату. Щелкаю замком. Вхожу в душевую, включаю воду. Теплую, а затем немного холоднее. Контрастный душ – мой личный способ взбодриться и вернуть лицу нормальный цвет. Правда, сейчас я не рискую делать воду слишком холодной – вдруг это навредит малышу? Вытираюсь и выхожу.

Когда я добираюсь до кухни спустя пятнадцать минут, я застаю маму возле плиты. Она рассеянно смотрит в окно и пьет чай. Я бросаю ей приветствие, радуюсь, что папа уже ушел на работу, и выскальзываю за двери. Я позорно убегаю,

но, к счастью, мне позволяют это.

В первую очередь мне нужно на работу, а потом к Карине...

Она забросала меня сообщениями, в которых утверждает, что поехать к родителям – это огромная ошибка. «Они накрутят тебя так, что ты будешь считать Дамира единственным нормальным мужиком на всем белом свете», – писала она. Неприятно признавать, но Карина описала наш разговор так точно, словно подслушивала из уголка другой комнаты.

Я завожу мотор и набираю быстрый ответ: «Встретимся в Фиделио в 12?»

Выезжаю на дорогу, возвращаясь к главному. Если буду разбираться с детскими травмами или открывшимися семейными тайнами, я окончательно запутаюсь. На первом месте мой ребенок и его благополучие. Мне нужен человек, который из первых уст знает, что именно происходило в семье Дамира, какие планы имеет его отец на мою кроху, так далее...

Спросить у Дамира не могу.

Это был бы легкий вариант добыть информацию, но... Он может что-то заподозрить. К тому же я не хочу видеть его – когда вижу, то мое сердце разбивается вдребезги раз за разом.

Поговорить лично с Асланом? Возможно.

У мамы с папой поинтересоваться – тоже неплохой вариант...

Но они все равно будут не первоисточником.

На светофоре я вздыхаю, провожу взглядом мужчину с дорожной сумкой, и... Понимаю, кто конкретно мне нужен. Боже, элементарно! Как я могла раньше не додуматься? От осознания вздрагиваю, начинаю улыбаться. Особых причин нет, но... Мне хватило ума вспомнить, что у Дамира есть брат. Он пережил все то же самое, и он сбежал из своей семьи – идеальный кандидат, чтобы узнать больше.

Я решаю сегодня же позвонить Тимуру.

Пусть по видеосвязи, пусть ночью, если он в какой-нибудь Австралии...

Я обязательно должна поговорить с ним.

Если окажется, что их отец, действительно, псих, то... То мне придется начинать жить заново где-то в другом месте. Подальше от Дамира. От одной мысли о переезде перехватывает дыхание. Я даже ни разу не ездила в поезде одна.

Руки покрываются мурашками.

Решаю подумать об этом потом – универсальный метод последних дней.

Я заикливающийся человек.

Не умею выбрасывать из головы и отвлекаться.

Мои привычки гонять по голове одни и те же мысли приводят к следующему: через десять минут после приезда на работу, я беру телефон и набираю Тимуру.

Буду действовать по ситуации, вот и все.

Идет вызов, первый гудок... Роуминг не включается. И это так неожиданно для меня. Пока идут гудки, я, естественно, задаюсь вопросами, на которые нет ответа. Почему он здесь? Как давно приехал? Связано ли это как-то с решением Дамира избавиться, наконец, от меня – от своей «бесплодной» жены. Он не сообщил мне о приезде, хотя почти каждый наш разговор заканчивался обещанием обязательно выпить кофе вместе.

Странно. Непонятно.

Я набираю еще раз – как бы показывая, что у меня серьезные намерения, что я не ошиблась номером. Какое-то время думаю, не отправить ли сообщение... Но отказываюсь от этой идеи – это уже слишком, а я не могу позволить себе вести себя подозрительно. Следующие два часа я буквально гипнотизирую телефон, лениво переписываясь с Кариной в открытом окошке Telegram на компьютере.

Она тоже считает, что его приезд – это аномалия...

«Но он очень удачно приехал, говорить о таком с глазу на глаз очень удобно. По языку тела тоже можно многое узнать, так что ты присматривайся к нему, когда будешь задавать вопросы», – пишет она.

Но сколько бы мы ни гадали – лишь Тимур способен прояснить ситуацию.

Как назло, он перезванивает мне не в самый удобный момент...

– Вита, телефон! – кричит мне коллега Света, а я только

захожу в кабинет... Только что провела пять чудесных минут на балконе, на свежем воздухе. Поразмышляла о каких-то фантастических вариантах жизни. Вот возьму и уеду. Сбегу. В сериалах это почему-то всегда так романтично – когда женщина сбегает со свадьбы. Наверное, потому, что она всегда уходит не только от жениха, а к кому-то, и этот кто-то... Достоин побега.

И... Уф, живот сжимается от спазма.

Не знаю, можно ли предчувствовать токсикоз... Но с каждым днем – как мне кажется – я все ближе подбираюсь к нему. Тошнота появляется в случайные моменты, полностью отживая от еды, но пока я могу обойтись голодовкой и не бежать сразу же в туалет. Так или иначе, свежий воздух помогает мне в такие минуты.

Я бегу к телефону, не рассчитываю расстояние и цепляю край соседского стола. Думаю: «Черт возьми!». Прикладываю палец к ноге, под серым платьем там, наверное, уже си-неет синяк.

– Алло! – бодро говорю в трубку.

– Виталина! Привет-привет! – отвечает Тимур.

– Я звонила тебе и... Звонок был внутренним, не международным, ты... Ты в стране? – сразу перехожу к главному.

– Ага. Приехал недавно...

– И не сказал!

– Я буквально вчера вечером приехал, – беззаботно говорит он.

Я пытаюсь уловить нотки настороженности. Но их нет. Более того, через секунду Тимур делает то, из-за чего мне с ним всегда было легко и просто – с первого разговора. Берет сложную часть на себя.

– Но я уже в курсе вашего разрыва... Ты мне из-за этого звонила? Хочешь встретиться? Угощу мороженым, станет легче... – чувствую, как он улыбается.

– Я не против, – киваю, хотя он и не видит. Наконец, сажусь за рабочий стол. – Все-таки давно не виделись и это, считай, уникальный шанс увидеть тебя...

– Советую его не пропустить.

Он смеется и я тоже.

Впервые за... Сколько часов или дней?

Легкость Тимура – это еще одна его прекрасная черта. Но вместе с тем, он легкомысленный, безответственный и ветреный. Когда Дамир рассказывал мне о его планах, решениях и затеях, я поверить не могла. Поехать в Австралию с десятью долларами? Я с десятью долларами даже в соседний город побоюсь ехать.

– Я подберу тебя?

– Уже успел арендовать авто?

– Само собой.

– Нет, давай я сама подъеду, – отказываюсь все же. – В пять устроит?

– Окей, но место выбирая я. Ресторан «Симфония» помнишь?

Его предложение вынуждает меня замолчать. Я не ожидала услышать от него предложение поужинать вместе в ресторане. Как-то это... Неправильно, да?

Пауза затягивается.

– Вит, ты тут?

– Связь пропадает, наверное... Давай в «Симфонии», хорошо.

И кладу трубку.

Ресторан так ресторан. Я сойду с ума, если не разберусь с этой семейкой.

Заодно и развеюсь, в ресторан мы с Дамиром не выбирались уже очень давно, даже в хорошие дни из-за усталости оставались дома. Я вздыхаю и открываю диалоговое окно с Кариной, начинаю печатать ей и пересказывать разговор.

Глава 13

Когда я захожу в ресторан, Тимур уже сидит за столиком на двоих в дальнем уголке. Приглушенный свет и медленная музыка расслабляют мои натянутые нервы, однако не до конца. Пока я иду, стуча каблуками по полу, пытаюсь угадать, что принесет мне вечер – какие откровения.

Со спины Тимура можно спутать с братом... Но его одежда не дает мне шанса ошибиться или что-то предположить. Тим сидит в голубой футболке и джинсах, расслабленно попивая алкоголь из бокала.

Увидев меня, он резко встает.

– Вита! Прекрасно выглядишь. Как и всегда, но... Учитывая обстоятельства.

– Привет, – неловко отвечаю я.

Может быть, мне только кажется, что взгляд Тимура задерживается дольше, чем требуется... Точно, просто кажется. Мы обнимаемся, как старые друзья, и садимся за стол. Я не позволяю Тимуру поухаживать за собой, быстро подставляю стул и вешаю на спинку маленькую сумку.

– Что выберем? Я не ужинал...

– Я тоже. Что-нибудь на твое усмотрение?

– Окей, я знаю, что тебе нравится, – подмигивает он мне. Боже.

У меня такое ощущение, что я забыла, как мы общались

раньше. Может быть, он позволял себе такой безобидный флирт, а я реагировала на него адекватно? Я вспоминаю, что советовала мне Карина. Она говорила, что я могу тоже флиртовать с Тимуром, чтобы выведать у него больше правды. Но мне что-то совсем не хочется...

Тимур и Дамир похожи.

И из-за этого я чувствую себя рядом с ним странно. И голоса у них похожие. Закрою глаза на мгновение, и представлю, что не было со мной этой катастрофы с изменой, а напротив сидит любимый муж.

Но зачем мне эти иллюзии – я достаточно долго живу в ужасной реальности.

– Как ты себя чувствуешь, Вит? – спрашивает Тимур, сделав для нас заказ.

Я пожимаю плечами.

– Не знаю. Непонятно.

– Если ты хочешь узнать, почему Дамир так поступил... Ну, мы же не будем увиливать, да? Не чужие люди, поэтому, я тебе скажу сразу, я с ним мало общался в последнее время, – Тим пытается поджать одну ногу под себя, стул скрипит.

– Я не за этим тебе позвонила.

Без увиливаний, тем лучше.

– Хорошо. Все-таки соскучилась? Я так и знал...

Я позволяю улыбке на моем лице отзеркалить его расслабленную усмешку.

– Мне интересно, какую роль в нашем разводе сыграл ваш

отец.

– Отец? – переспрашивает Тимур.

Я киваю, доставая придуманный туз из рукава.

Слова Дамира о том, что «ребенок все исправил бы» вместе с рассказом Карины об особенном отношении в семье к детям сформировали четкую картину. Зная своего мужа и его нелюбовь к посвящению в личную драму других людей, я почти уверена, что он не пересказывал наш разговор брату слово в слово. Значит, я могу немного его приукрасить. Со- врать, чтобы не дать Тимуров возможности увильнуть. Что, если Дамир случайно в пылу ссоры бросил бы всего одну фразу?

– Дамир дал понять, что наш развод связан с тем, что я не смогла родить ребенка, – говорю я, смотря в его темные глаза. – И он сказал, что его отец этим недоволен. Что ты знаешь об этом?

– Вит... Не знаю, что тебе сказать.

Тимур выглядит удивленным.

– Я просто хочу разобраться в ситуации. Это ни на что не повлияет, – откровенно лгу я. – О разводе мы уже договорились. Но... Можешь называть это «психологическим дискомфортом», – тихо продолжаю.

На самом деле Тимур, возможно, сейчас решит судьбу моего ребенка.

Быть ему сыном или дочерью Дамира, или только моим малышом. Я могу терпеть его присутствие рядом ради ре-

бенка, даже если на протяжении нескольких лет его глаза, его лицо, его улыбка будут вонзаться в мое сердце и вынуждать плакать по ночам. Однако о том, чтобы отдать ребенка на воспитание чудовищу с извращенными понятиями о детстве, не может быть и речи. Если ради благополучия ребенка придется бежать...

То я научусь ездить одна в поездах.

– Ты же знаешь, что я сбежал из дома? На то были веские причины.

– Какие?

Тимур не успевает ответить, к нам подходит официантка, она ставит передо мной вкусно пахнущий стейк и салат с овощами. Тимур благодарит ее и открывает бутылку вина, а мне ведь нельзя пить.

Я не успеваю придумать, что ему сказать... Белое вино наполняет мой бокал наполовину. Тимур поднимает свой, чтобы сделать тост. Ничего не остается, как сделать то же самое, натянуто улыбаясь.

– Давай выпьем за встречу, пока не начались эти разговоры...

– За встречу!

Он отпивает, а я лишь пробую вино на вкус кончиком языка, и оставляю бокал. Надеюсь, что Тимуру хватит такта не интересоваться, почему я так сделала.

– Итак, что конкретно ты хочешь знать?

Я повторяю вопрос, заданный до прихода официантки:

– Почему ты сбежал из дома?

Тимур не притрагивается к еде, пока не заканчивает рассказ.

На столе рядом с моим локтем лежит телефон, и я боковым зрением фиксирую время. Пять минут. Всего пять минут потребовалось Тимуру, чтобы рассказать о своем детстве – в удобной для него манере, с подшучиваниями и иронией. Но полезной и новой информации в его рассказе оказалось мало. Я мысленно подвожу итог – слишком мало свободы, слишком много правил, ответственность за каждый поступок и нежелание Тимура вступать в бизнес-империю Сергеева.

При этом сам он сказал, что ему и не требовалось – Дамир изначально являлся претендентом на кресло гендиректора.

Что-то тут не вяжется...

Многих детей воспитывают подобным образом и далеко не все они сбегают посреди ночи из дома с парой купюр в кармане... Да, следующая история Тимура была именно об этом. Он гораздо охотнее рассказал мне, как почти без вещей отправился «в свое первое путешествие».

– Отец заблокировал мои счета, так что... Я первое время жил у друзей, а потом один из них предложил мне подработку – посмотреть код в приложении. Они знали, что я шарю в компьютерах. Так что теперь я этим и зарабатываю себе на поездки.

Тимур берет в руки нож и вилку, отрезая первый кусочек остывшего стейка.

– Я все еще не понимаю, прости, – стараясь казаться беззаботной, я тоже беру столовые приборы. – Ваш отец был всего лишь «немного строгим», но ты сбежал из дома при первой возможности, а Дамир... Дамир, хотя и работает в компании отца, откровенно его ненавидит. Даже слушать о нем не хочет. – Я накалываю на вилку кусочек огурцы слишком резко. – Но бросает меня в том числе по его указке.

– Вит, это...

– Я просто хочу разобраться, – я неосознанно повышаю голос, оказываясь в центре внимания сразу нескольких столиков. Вздыхаю и опускаю голову. – Я думала, что мы друзья, Тимур. Настоящие.

– Мы друзья, – кивает он.

– Тогда расскажи мне правду.

Я тянусь к его руке и накрываю своей. Жест поддержки слишком быстро становится неуместно интимным, поэтому я сжимаю его запястье один раз, и отстраняю ладонь.

Тимур устало потирает лицо.

– Да, ты права... Права в том, что дело заходило дальше правил и ограничений, которые знают многие дети. Но знаешь, Вит... Я рос в этой семье и я очень долгое время не знал, нормально ли это? Может быть, всех так воспитывают? Может, отец реально хочет сделать из нас людей?

Он тянется к бокалу и делает глоток.

Я слушаю затаив дыхание и не отрывая от него глаз.

– Он деспотичный психопат, окей? Мое беспристрастное мнение, – хмыкает Тимур. – Он наказывал нас за малейшие проступки, которые даже проступками-то и не считались... Не поздоровался с кем-то из его друзей? Наказание. Потратил карманные деньги на сладости? Наказание. Играл в приставку, пока родителей не было дома? Наказание. Потому что каждую свободную минутку мы должны были, по его мнению, уделять обучению, совершенствованию, дисциплине.

Он прерывается, чтобы перевести дыхание.

И я про себя задаюсь вопросом, спрашивал ли кто-нибудь Тима всерьез о детстве? Была ли у него возможность выговориться?

– Я не говорю уже о постоянных наказаниях за плохие оценки, за драки, за то, что послал местного идиота на три буквы, когда он начал меня задирать.

– Боже, Тим...

– Наказание – это отдельная тема. Иногда мы сидели в подвале, в настоящем подвале. Сыром, темном. Иногда отец распоряжался готовить невкусную еду. То, что мы не любим. Если мы недоедали или... Не дай бог, выбрасывали ее, снова наказание. Я не помню, сколько времени проводил в подвале... Иногда, клянусь, мне кажется, что полжизни, не меньше...

– Разве это вообще законно, издеваться над детьми?

– Милая моя, Сергеевы – это священные коровы этого города. Моему отцу лизали задницу и полицейские, и адвокаты, и прокуроры. Да отец сам хвалился своей «особенной методикой воспитания», и все слушали, кивали, соглашались с ним.

Его слова поднимают на поверхность воспоминание – слова Аслана. Он признался Карине, что Алексей однажды сам рассказал ему о воспитании детей.

– А Дамир, как он...

Я не могу подобрать слово. Но Тимур просто взмахивает рукой.

– Дамир тоже не считал это нормальным. Но... Как видишь. Он остался с отцом. Иногда мне кажется, что он что-то сломал в Дамире. Но это романтическое видение ситуации, Виталинка. По правде говоря, Дамир просто решил терпеть. Нашел причины, которые в его голове нивелируют то, что его жизнью руководит психопат.

Его слова почти физически бьют меня, а в сердце рождается такой вихрь эмоций...

Я прикладываю ладонь к груди, ощущая, как быстро бьется сердце. Я испытываю искреннюю жалость к Тимуру, хотя он, вероятно, больше не нуждается в ней. Еще больше мне жаль моего мужа, который в моем воспаленном от эмоций мозгу предстает букашкой, пойманной в сети большого ядовитого паука. И, конечно, я жалею себя – женщину, которая ничего не знала, не понимала, за кого вышла замуж.

– Он обещал мне, Вит. Обещал, что не послушает отца... Он говорил мне это на вашей свадьбе. Я не знаю, почему он постоянно выбирает его, – пожимает плечи Тимур. – Когда-то я... Можно сказать, я был на твоём месте. Я предложил ему сбежать вместе, надеясь, что брат станет моей опорой, а я – его опорой. Я годами мечтал о побеге, и даже на секунду не предполагал, что он выберет отца и останется, а он отказался уехать тогда.

Я слышала достаточно.

Почти все, что хотела услышать.

Из-за слабости в ногах и в голове я не двигаюсь. Тимур допивает вино и молча наливает себе еще. Путешествие в травматичное детство далось ему сложно.

– Вопрос из разряда гипотетических... Но ты должен ответить на него честно, – я смотрю в глаза Тимура. Он едва заметно кивает, давая знать, что понял меня. – Если бы у нас с Дамиром родился ребенок, он бы... Алексей Сергеев бы попытался сделать с ним то же самое, что и с вами? Даже вопреки... Вопреки моему желанию?

Тимур невесело усмехается.

И у меня мурашки по спине бегут.

– Он ничьи желания не учитывает. Просто делает то, что хочет.

– Это не ответ.

– Да, Вит, – кивает Тим, делая реверанс рукой. – Естественно, он бы занялся и твоим ребенком. Вот мой честный

ответ.

Через полчаса Тимур предлагает мне вызвать такси, беря во внимание мой бледный вид. Но я отказываюсь и сажусь в автомобиль. Холод освежает мысли, помогает сконцентрироваться на правильной последовательности действий – пристегнуться, завести мотор, заглянуть в зеркало, сдать назад. Но в голове так и крутятся ужасные сцены из детства Тима и Дамира, навеянные его рассказом.

После разговора с Тимуром у меня в голове полная каша. Только один человек может помочь мне разобраться, Карина. Поэтому я пресекаю попытки мамы поговорить со мной о Дамире и после ужина закрываюсь в своей комнате. С отцом я тоже не говорю – хотя и понимаю, что не по-взрослому поступаю.

Кому-то придется первому пробить возникшую бетонную стену.

Я устраиваюсь на кровати, наушники засовываю в уши, набираю Карине через приложение видеозвонков.

Медленно дышу, стараясь не паниковать.

Она сразу берет трубку, включает видеосвязь. И я следом.

– Ты там как?

Голос звучит взволнованно.

– По-прежнему... В растерянности.

Она усаживается на диван.

– Вит, я не могу поверить, что там все было так ужасно.

Как можно вообще вырасти нормальным с таким воспитанием? Кошмар. Алексеем Сергеевым должны были заниматься психологи с психиатрами, он...

И полиция.

Что-то подобное она сказала мне сразу после того, как узнала подробнее о методиках воспитания Алексея Сергеева.

Я об этом тоже думала.

Ужасное детство.

Воспитание, которое не могло пройти бесследно.

Несмотря на всю боль, которую причинил мне Дамир, я жалею его. Конкретно сейчас. Искренне жалею и спрашиваю себя...

– Как Дамир мог общаться с ним, работать на него после этого...

– Не знаю, милая. Но я тебе так скажу: если будешь пытаться удержать в голове двадцатилетнюю историю Сергеевых, топустишь из виду самое главное – себя.

– Боже, ты права...

Я опускаю голову на спинку дивана и прикрывая глаза.

Перед моими глазами всплывает образ мужа. Предплечья покрываются мурашками.

– Я хочу позвонить Дамиру.

– Зачем? – восклицает Карина.

– Чтобы... Чтобы спросить о ребенке.

– Ты не думаешь, что это подозрительно? – Карина тоже

повышает голос, пытаясь привлечь мое внимание. – Если ты спросишь об этом, а потом внезапно потребуешь развод и пропадешь с радаров...

– Да он даже мысли не допускает, что я могла забеременеть.

Я фыркаю.

И на какое-то время между нами воцаряется тревожная тишина.

– Ты как маятник в последнее время, Виталина. Так нельзя. Только за сегодняшний день ты мне несколько раз говорила о разных своих решениях, – заявляет Карина и резко встает с дивана.

Я вижу, как она запирает двери. Наверное, Аслан тоже дома.

– Разных решений? – переспрашиваю.

– Да. Утром ты утверждала, что не сможешь взять и уехать, потом ты передумала, сказала, что ради ребенка сделаешь все, но после встречи с Тимом ты написала, что Дамир, мол, обещал ему не подчиняться отцу, подразумевая, что Дамир не отдаст ребенка, значит, тебе и бежать никуда не нужно. Я права?

– Не знаю. Не совсем...

– Хочешь узнать, как я вижу эту ситуацию? – смотрит подруга пристально в камеру. Мне кажется, что сейчас она делает то, за что я ее люблю и ненавижу одновременно, станет безжалостно честной. – Дамир согласился играть по прави-

лам Алексея в тот самый момент, как занял должность гендиректора в его компании.

– Сразу после свадьбы...

– И с тех пор он ни разу не дал лично мне оснований думать, что что-то поменялось, что Дамир, прости за выражение, отрастил яйца, чтобы послать своего тираничного отца на три буквы.

– И что мне делать?

– Ты уже знаешь, – кивает Карина. – Позвони ему и скажи, что хочешь развод. Затянешь, и вообще его не получишь, если кто-то из них начнет что-то подозревать. Затем спланируй свой отъезд. Все.

Я злюсь. Иррационально злюсь на них всех. На Дамира, на Алексея Сергеева, даже на Карину, которая так просто рассуждает о моей жизни. Приступ раздражения накатывает на меня высокой волной, смывая всю эмпатию и понимание.

– Как у тебя все просто, – кидаю я.

– Тебе нужно осмыслить мои слова. Прекратить отвергать идею переезда. За что тебе тут держаться, если на то пошло? – тихо продолжает она. – Мы с тобой связь не потеряем. Родители тоже смогут с тобой общаться по телефону...

Я отвожу взгляд в сторону, осознавая, что отъезд может стать не самым страшным испытанием. Самое страшное наступит потом – тайна. Между мной и близкими встанет тайный ребенок от Дамира. Я буду вынашивать его в одиночестве, рожать в одиночестве и воспитывать минимум несколь-

ко лет, даже не имея возможности посоветоваться с мамой... На меня накатывают слезы. Я закрываю лицо рукой.

– Представь, что будет, если ты не спрячешь малыша, – Карина и сама утирает одинокую слезу, наблюдая за мной. – Ты же себе не простишь. Никогда не простишь

– Ты права. Я не прощу себе.

Какие бы тяготы судьбы ни пришлось мне пережить... Я будущая мать. Я несу ответственность. И если учесть, какое будущее Алексей уготовил моему ребенку, то измену мужа можно считать исключительным шансом избавиться от проблем. Гораздо сложнее было бы потом – и юридически, и... по-человечески. Я набираюсь сил и немного улыбаюсь Карине.

– Не могу терпеть твои слезы... Иди поспи. И завтра позвонишь Дамиру.

– Хорошо, – говорю я. – Доброй ночи.

Отключаюсь и ложусь на кровать, на подушку, которая все еще пахнет пылью и запустением. Засыпаю быстро. Но когда через девять часов медленно открываю глаза, осознаю, что мне всю ночь снились кошмары, пытки и чужие измученные дети.

С добрым утром, называется.

Глава 14

Я не маятник.

Больше нет.

Утром я открываю глаза и думаю об этом.

Я. Не. Маятник.

Я приняла решение и не отступлюсь от него. Хватит думать, что-то там взвешивать. Или искать варианты, которых нет. Поэтому я смело беру в руки телефон и набираю номер мужа. Он подписан «Любимый». Я не меняла надпись и сейчас жалею об этом. Глупо звонить абоненту «Любимый», чтобы обсудить развод. Но... если я начну анализировать свою жизнь, я найду там множество глупостей и похуже...

Итак, на часах полдевятого.

Дамир, должно быть, уже на работе.

Хорошо, что он будет на работе, а значит, будет разговаривать максимально безэмоционально. Я сейчас как сухая ветка – упругая, твердая – но если чуточку сильнее надавить, вся моя воля хрустнет посередине, оставив от плана побега одни щепки. И я не позволю Дамиру надавить. В этом разговоре буду вести я.

Я прочищаю горло и слушаю гудки.

Один, второй, третий, четвертый...

На меня накатывает раздражение – я едва собралась на один звонок, а придется пробовать снова. Или Дамир возъ-

мет и перезвонит, когда буду совсем не готова.

– Алло?

У него хриплый голос.

То ли усталый, то ли... До меня доходит, что он сонный. Дамир только что оторвал голову от подушки. Я рисую у себя в голове картинку, в которой муж – теплый и мягкий после сна – сбрасывает с себя одеяло и тянется за мобильным телефоном.

– Вита? – спрашивает он.

– Я думала, ты на работе, – отвечаю на автомате. – Что-то случилось?

«Заболел?» – крутится в голове мысль.

– Все нормально, просто... – в его паузу поместилась бы тонна смыслов, – сегодня мне нужно быть на работе к обеду.

– Понятно...

Вопреки моим ожиданиям, я не остаюсь спокойной, холодной, отстраненной, как планировала. Сердце колотится как сумасшедшее. Мы так давно не говорили, а сейчас говорим – почти как чужие. Наверное, это к лучшему. Я собираюсь сбежать от него с ребенком, зачем мне остаточные привязанности и вырванное (снова, да) сердце во время разговора?

– А у тебя как де...

– Я звоню по поводу развода, – не даю ему сказать. – Ты мне сделал очень больно, Дамир. И я не хочу и дальше... Формально быть с тобой в браке, – отрепетированный текст

звучит так, как я и планировала – безапелляционно.

– Да, развод... – тянет он.

– Ты его тоже хотел, разве нет?

На самом деле не «тоже», а еще тогда.

Я стояла на пороге нашей спальни, наблюдая, как разлеталась на куски стеклянная картина под названием «любовь», а он уже хотел развестись и начать искать новую пассию. Не знаю, будет ею Марта или кто-то еще, не знаю даже была ли измена реальной причиной избавиться от меня, или формальной...

– Хотел.

Не понимаю, что там происходит с Дамиром. Он едва ворочает языком во рту.

Мы словно поменялись местами – я говорю твердо, он – лишь вяло реагирует.

– Тимур сказал, вы ужинали вчера...

– И что?

– Как прошло? – явное неудовольствие скользит в его словах.

– Никак. Просто дружеская встреча.

Я тихонько паникую, надеюсь, что Тимур не стал посвящать брата в подробности. Он не такой скрытный, но я надеюсь, что болезненность воспоминаний сыграет роль.

– Дамир, когда мы пойдем подавать заявления на развод?

Если я правильно помню, то юридически наш брак прекратит существовать через месяц после подачи заявления.

Я не могу ждать еще дольше! Мне предстоит сдать анализы, пройти еще несколько обследований по беременности. И живу я у родителей, которые (особенно моя мама) могут забраться в мою сумку и увидеть там направление из женской консультации.

Все висит на волоске.

Он молчит.

Просто молчит.

– Давай завтра, – предлагаю.

– Так сильно хочется?

– Что? Ты там в своем уме? Тебе напомнить про... Марту?

Про девушку, которую ты притащил в нашу постель?! – я начинаю кричать, слишком поздно вспомнив, что за стеной спят родители. – И это, уже не говоря о том, что ты сказал мне потом. Фригидная, да, Дамир?

– Нет. Конечно, нет.

Извинений я так и не услышала.

– Можешь ты хотя бы что-то для меня сделать? Если любил меня... Раньше. Давай завтра подадим заявления и закроем эту главу. Мне больно даже говорить с тобой.

– Не тебе одной.

Я падаю на кровать, надеясь сдержаться и не закричать. Эмоций так много и Дамир не помогает. Он снова стал самым собой, теплый голос обволакивает меня, даже когда тихо и медленно говорит в трубку:

– Во сколько ты сможешь?

– В десять. Встретимся на месте, – отвечаю я и скомкано прощаюсь.

Смартфон летит на одеяло, и я закрываю глаза рукой. Было ли это сложно?

О да. Но и гордость я тоже ощущаю. В минуты растерянности уже привычно кладу руки на живот, надеясь, что малыш тоже чувствует любовь, присутствие, и большое стремление все для него сделать.

Глава 15

Завтра наступает быстро.

Я выбираю для встречи с Дамиром черный брючный костюм. Никаких сантиментов, попыток понравиться... Ничего. Одеваюсь, как для деловой встречи – решения вопроса. Забрасываю на плечо сумку, в которую еще вчера предусмотрительно положила все документы и их копии – на всякий случай. Смотрю на себя в зеркало... Убеждаюсь, что макияж я тоже выбрала правильный – персиковая – под цвет губ – помада, тушь для ресниц, светлые тени.

Я выхожу из комнаты с мыслью, что делаю нечто очень важное для ребенка, хотя и болезненное для меня. Так сложились обстоятельства, что еще не рожденный малыш уже проверяет меня на материнские инстинкты и готовность жертвовать... Из-за глубокой погруженности в себя не замечаю папы перед самым своим носом, и сталкиваюсь с ним в коридоре. Он держит кофе в руках и мою минералку (собиралась взять ее как средство от тошноты).

– Доброе утро. Спасибо, пап, – беру у него из рук воду.

Он кивает.

Но не уходит.

– Вит, может, поговорим?

Я удивляюсь его предложению. Думала, он так и не решится, сделает вид, что ничего не было – прямо как моя ма-

ма. Вывалила на меня историю измен мужа, а когда поняла, что на меня это не подействовало и к Дамиру я не вернулась, то просто прекратила об этом упоминать...

– Прости, пап, у меня сегодня очень сложный день, так что...

– Знаю, ты едешь разводиться.

– Да, – я не удерживаюсь в поисках хоть какой-то поддержки. – Думаешь, мама правда не будет со мной больше никогда разговаривать, если я это сделаю?

Он грустно усмехается.

У меня те же чувства. Хочется рассмеяться от идиотизма ситуации, родная мама злится, что у меня распался брак, что муж мне изменил и перечеркнул ее надежды на идеальный брак дочери. Мама иногда бывает очень эгоистичной. Я ей утром так и сказала, что за своими страданиями она забыла, что развод – это, вообще-то, не ее горе, мое! Моя катастрофа. И я нуждаюсь в поддержке.

– Она только грозитя, – папа тянется к моему лицу, убирает несколько прядей. – Делай, как сама считаешь нужным, дочка.

Я пытаюсь улыбнуться ему.

– Кстати, о маме... – он трет глаза рукой, неосознанно раскрывая и усталость, и возраст. – Она сказала тебе правду, Вит.

В этом я не сомневалась.

У мамы хватает недостатков, но в таком масштабном вра-

нье она не замечена.

– Я виноват, Вита, правда, виноват. Я не считал это правильным, никогда не считал, просто... У нас были сложные времена, – он останавливается, прикрывая глаза. – Я одно знаю точно: если бы я потерял вас с мамой, я бы никогда себе не простил, – отец берет меня за руку.

Его слова должны польстить, подбодрить... Сознание мгновенно накладывает их на мою ситуацию. Мама простила отца, а я не прощу Дамира. Пожалее ли он однажды о потере семьи? Я поднимаю взгляд на папу.

– И если Дамир тебя так обидел... Нельзя оставаться в надежде на лучшее.

Те самые слова, которые должна была сказать мама. Я отпускаю себя и обнимаю папу, как и десять, пятнадцать лет назад. Прижимаюсь к нему и прикрываю глаза. Десять секунд слабости – решаю я. Но наши объятия длятся и того меньше, в кармане звонит телефон – Карина, наверное, хочет удостовериться, что я в порядке и готова распрощаться с Дамиром.

Через пять минут я уже бросаю на пассажирское сидение авто сумку и завожу мотор, а еще через пять подъезжаю к высокому зданию ЗАГСа. Даже измена мужа, вынуждена констатировать я, не мешает мне с теплотой вспоминать нашу свадьбу.

Теперь я знаю о ней немного больше.

Знаю, что Дамир верил, что не откажется от меня – и об

этом он сказал брату. По крайней мере, тогда он точно любил меня.

Мы с пока еще мужем сталкиваемся возле дверей ЗАГСа. Когда он оказывается рядом, я автоматом задерживаю дыхание. На Дамира тяжело смотреть. Он не брился уже дня три. Волосы, которые всегда красиво уложены, вьются во все стороны. Одежда на нем тоже не та, что обычно: джинсы, однотонная футболка и спортивная кофта. Он по-прежнему до безобразия красив, но... Будто сломленный.

Мы неловко здороваемся.

– Видишь, я здесь, как ты и просила.

– Давай покончим с этим, – отвечаю я.

Иду наравне с Дамиром и стараюсь на него не смотреть.

На меня столько всего наваливается, что подача заявлений проходит как в тумане. Мне что-то говорят, я что-то говорю. Присутствие мужа ощущается ровно как раньше. Это парадокс... Я пришла разорвать наш союз, но Дамир остается моим «крепким плечом». От всего он сумел меня защитить, но только не от отца-тирана...

На всю процедуру идет от силы двадцать минут. Парадоксально быстро нынче можно избавиться от того, кого перед этим называла любовью всей жизни. Я вписываю в заявление желание вернуть добрачную фамилию, а Дамиру говорю, что не буду претендовать ни на какое имущество, кроме автомобиля, купленного за деньги родителей. Дамир кивает, мол, «конечно».

Регистрация расторжения брака состоится через несколько недель, видимо, из-за этого явных изменений я пока не ощущаю. Одну усталость. Муж рядом высасывает из меня все силы, напоминая обо всем хорошем, что от нас ушло. Обратно мы тоже идем рука об руку, но в молчании.

Мне нечего ему сказать.

Ему, наверное, тоже. Я не хочу думать, как Дамир сейчас разрывается между мной и отцом, я возвращаюсь мыслями к ребенку... И именно в этот момент меня скручивает необычно острый спазм. Я обхватываю живот раньше, чем вспоминаю, что не одна. Чисто инстинктивно останавливаюсь и закрываю глаза. Боль слишком острая, опоясывающая, интенсивная, чтобы идти... И думать.

– Нет, нет, нет, – произношу я, даже предположить боюсь, что это из-за беременности. – Пожалуйста, нет, нет...

Дамир оказывается рядом.

Подхватывает меня.

Его сильные руки обнимают меня за спину и ведут к ближайшей лавке.

– Что с тобой, Вита? Пожалуйста, скажи, где болит? Девочка моя, ну, пожалуйста, не молчи... – он становится передо мной, сидящей на лавке, на колени, кладет руки мне на ноги, привлекая внимание.

Мне так больно, что я не могу говорить...

Глава 16

Кое-как Дамир доводит Виту до автомобиля. Ее машина осиротело остается на стоянке под палящим солнцем ждать свою владелицу. Дамир почти укладывает ее на сидение, но не успевает пристегнуть ремень: Вита опускается, вся сжимается и утыкается лицом в колени.

– Вита, ты меня слышишь? Солнце, слышишь меня? – он касается ее, как самое хрупкое создание на земле, стараясь гнать от себя дурацкие страхи, что он может ее потерять. Потерять, если сделает что-то не так, не поймет, не отреагирует правильно. – Давай я тебя пристегну и поедem к врачу... Вит, ты как...

Она молча поднимается и дает Дамиру прижать ее к сидению массивным ремнем безопасности. Бросив один взгляд на ее лицо, Дамир весь холодеет. У Виталины на лице видны слезы. Из прокушенной губы сочится кровь. Она напугана. Наверное, даже больше напугана, чем могла бы быть из-за боли в животе. Но спросить он не решается, хлопает дверью, за две секунды добирается до руля и заводит мотор.

Дамир везет ее в ближайшую больницу, толком не понимая, какой врач им нужен... Он старается держать себя в руках ради Виты. Должен. Если бы только эмоции так работали. Собрал в кулак – все, спокоен.

За пеленой этих эмоций Дамир едва видит дорогу...

Он дотягивается до Виталины, позабыв напрочь, что они только что формально развелись, что он – не факт, что имеет право так поступать. Его мысли сейчас вращаются вокруг поддержки и спасения. Нормализовать ситуацию – вот его задача.

Поэтому он находит рукой ладонь Виталины и сжимает. Проходит всего несколько секунд, и Вита убирает руку, отстраняется и кладет ее себе на живот.

Дамир почти презирает себя за укол обиды, по-хорошему он не должен ее ощущать. Дамир сам же разрушил их семью...

– Как ты? Сейчас как? Болит?

– Немного слабее, – Дамир читает это по ее сухим губам.

– Все будет хорошо, малышка, все будет хорошо. Верь мне, пожалуйста...

Наверное, он мог бы вздохнуть с облегчением, подумать, что худшее позади, но почему-то такие мысли на ум не идут. Идут другие, как будто что-то уже случилось, будто они не успели.

– Скоро приедем, – говорит он.

Дамир впервые в жизни жалеет, что совсем не учил биологию и анатомию, он ничего не смыслит в медицине, а сейчас он хочет знать все. Возле клиники Вита медленно и осторожно встает с кресла, Дамир подхватывает ее, берет на руки. Она так слаба, что даже не возмущается, а он так взволнован, что эйфория оттого, что Виталина снова рядом, вы-

ходит вымученной и острой. Он несет ее к дверям клиники, словно по осколкам горячего стекла.

В холле громко зовет врачей, не желая ждать ни минуты.

Виталину уводят медики, позволяя Дамиру остаться одному, отдать себя на растерзание мыслям. Сначала он садится на стул для ожидающих, но сердце так стучит, что он начинает задыхаться. Тело до сих пор хочет действовать под влиянием попавшего в кровь адреналина.

Дамир достает телефон и останавливается на номере матери Виты...

Нет. Еще рано.

Палец замирает над кнопкой. Он позвонит и ей, и отцу Виты, даже Карине позвонит, если Виталина скажет, но позже, когда станет ясно, что именно с ней произошло.

Дамир идет дальше и находит номер брата. Какое везение, что он не за океаном, а в одном с ним городе, без него Дамир сошел бы с ума. Он подходит к окну, слушая первые гудки. Сжимает и разжимает кулак.

– Дамир, что там?

– Тим, я в больнице, Виталине стало плохо... Мы только развелись, и вроде все было нормально, – Дамир останавливается, ощутив, как фальшиво и коряво он выразился. – Короче, она у врачей, а я не знаю, что делать. Может, это из-за стресса? Может, я виноват в том, что ей плохо? – вырываются изо рта слова.

– Так, помедленнее, – просит Тим. – Что конкретно там

случилось?

– У нее заболел живот. Сильно... Не знаю, похоже на какой-то приступ.

Дамир берется пересказывать, а брат – в своей манере – но успокаивать.

Тимур говорит, что если Виталина у врачей, значит, кризис, можно сказать, миновал. И ей обязательно помогут. Не допустят, чтобы ситуация вышла из-под контроля. Дамир хочет с этим согласиться. Он отходит от окна, заглядывает в коридор, пусто. Да сколько они там будут с ней? Когда скажут, что именно произошло? Он уже не может ждать.

– Насколько это может быть опасно, Тим? Такая резкая боль в животе, отчего она бывает? Ты что-то знаешь? – вздыхает Дамир. – А последствия могут быть у нее?

– Стоп, остановись. Не надо домыслов и самонакрута. Я сейчас приеду...

– Думаешь, стоит?

– Конечно. Вы, ребята, не обижайтесь, но те еще истерички, оба, – говорит Тимур, выбивая из Дамира первый смех за день. Он напряженный и короткий, но все-таки... – Скинь адрес в мессенджер, ок?

– Сейчас сделаю.

Дамир едва успевает вспомнить и напечатать Тимуру, где находится больница, как из-за угла выходит врач. И если Дамир хоть немного смыслит в человеческих эмоциях, то у доктора на языке не самые хорошие новости для него.

Врач выглядит усталым, но в его движениях прослеживается опытность, которая немного успокаивает Дамира. Мужчина с седыми волосами и глазами цвета тумана деловито смотрит на часы и затем предлагает Дамиру присесть, поговорить. Пока они добираются до стульев, Дамир умудряется раз пять спросить, что с его женой, с Виталиной.

И когда он уже всерьез раздумывает над вариантом схватить его за грудки и трусить, пока не получит ответы на все свои вопросы, этот мужчина заговаривает.

– Меня зовут Лев Анатолиевич, а вы...

– Дамир Алексеевич Сергеев, муж Виталины, – на одном дыхании отвечает он. – Как она? С ней все хорошо?

– Пациентка сказала, что не знала... – говорит он тихо, будто самому себе, а не Дамиру. – Значит, и вы не знали... – он поднимает глаза. – Ваша жена беременна. Она могла потерять ребенка. Нам удалось на данный момент стабилизировать состояние Виталины и плода. Я оставлю ее в стационаре, на успокоительных и под наблюдением. Пациентка сказала, что вы разводитесь? Такой крупный стресс вполне мог и стать причиной угрозы выкидыша.

Дамир смотрит на него и моргает.

До него не сразу доходит смысл сказанного. *Не сразу.* Смысл парализует его и борется с установкой «невозможно». Виталина не могла забеременеть от него, из-за этого они и развелись. Она бы сказала ему, так? Почему она ничего не

сказала?! Как она могла не знать, если постоянно сдавала анализы и так внимательно следила за циклом! «Жена беременна», – повторяет Дамир, пробуя на вкус словосочетание, которое он сотни раз хотел произнести с улыбкой на губах.

Если бы он только знал, в каких условиях впервые услышит об этом.

Виталина рассказывала о своих планах на *особенный вечер*. Говорила, что обязательно дождалась бы, пока они останутся вместе. Виталина хотела принести им по чашке чая или какао, залезть с ногами на диван, насладиться его объятиями, и в абсолютном уюте и тишине сказать, что их теперь будет трое. Дамир тоже хотел прожить такой момент и сделать из него воспоминание.

Из-за желания отца обзавестись наследником, беременность Виталины стала его навязчивой идеей. Но вовсе не из-за того, что он нуждался в ребенке настолько сильно или хотел угодить отцу... Нет, он боялся, что потеряет Виту. Боялся, что терпение отца кончится, как в итоге и случилось. В остальном он ничем не отличался от других мужчин, которые, конечно, хотели детей, хотели, чтобы любимая женщина родила им малыша...

Дамир всю жизнь скорректировал таким образом, чтобы ребенку было удобно.

Но Виталине удалось забеременеть, судя по отсутствию видимого живота, перед самой его изменой. Черт возьми. За-

чем он придумал тот дурацкий план с Мартой! Он и раньше жалел о принесенной ей боли, но если все это произошло уже тогда, когда в ее животике росла новая жизнь...

Он сглатывает, заставляет себя вернуться в настоящее.

Проходит, наверное, минута, прежде чем к Дамиру возвращается способность говорить. Он поднимает глаза на доктора.

– Она беременна...

– Да, – кивает Лев Анатолиевич.

– На каком сроке?

– Восемь недель. Следующий месяц – критический. Будем выяснять, почему возникла угроза плоду, – говорит врач.

– Она беременна, – шепчет Дамир и садится.

Облегчение после новостей, что Виталина в порядке, смешивается с шоком. Ощущение такое, будто ему, свисающему над пропастью, наконец, дают веревку, но едва он хватается за нее в надежде на спасение – веревка рвется, и он падает.

– Я оставлю вас. Если понадобится, зовите меня через нашу медсестру Алису...

Дамир хватается врача за руку.

– Я могу ее увидеть?

– Точно не сейчас, – безапелляционно заявляет он. – И, скорее всего, не сегодня. Никаких стрессов. – он поднимается, останавливается, будто вспомнив что-то. – Скажите заботливым родственничкам, чтобы приезжали не раньше завтрашнего дня. Договорились?

На ватных ногах Дамир возвращается в автомобиль, решая подождать Тимура здесь. Его накрывает. Накрывает осознанием потерянной жизни вместе с Виталиной. Ему хочется, чтобы все было как раньше, так хочется обнять ее, как два месяца назад... Но между ними измена и несколько десятков обидных слов.

Виталина хочет оставить его позади.

Ожидая брата, Дамир перебирает мысли, перелистывает их, словно страницы книги. Все они ужасные. Наполненные страданиями и виной. Его жизненного опыта не хватает, чтобы представить – лишь представить – что пережила его Виталина.

«Его девочка».

Ребенок – стал еще одной очень болезненной пощечиной на пути к осознанию, как он поступил с ней. Врачи пока не сказали окончательный вердикт, но Дамир не сомневается – именно стресс и стал причиной сегодняшнего кризиса. Период беременности, который должен был стать для них сказкой, превратился для Виталины в кошмар наяву. Чертыхаясь, Дамир бьет рукой по рулю, бьет раз, второй, снова и снова, пока узел злости и отчаяния не ослабеваает настолько, чтобы он упал лицом на руль, прикрывая глаза и желая, чтобы всего этого не случилось. Из ступора его выводит брат.

Он стучит по стеклу, жестом прося разблокировать двери. Ощущая на своих плечах всю тяжесть мира, Дамир нажи-

мает на кнопку и говорит «привет». О беременности Виталины он рассказал Тимуру во время второго звонка на мобильный. В тот момент он остро нуждался в разговоре, в возможности озвучить въевшуюся в мозг фразу «она носит моего ребенка». И теперь Тимур смотрит на него с нескрываемой жалостью.

– Накосячил ты, братец...

Он не спрашивает, тянется и обнимает. Дает Дамиру уткнуться в его плечо и на секундочку перестать быть старшим братом. Ведь если посудить, разве у него хорошо получается хоть о ком-то заботиться? Брату пришлось ютиться по знакомым и друзьям, лишь бы не жить дома, а Дамир наблюдал за этим... Виталина попала в больницу – и тоже из-за него.

Нет, его забота о людях превращается в настоящую катастрофу...

Тимур медленно отстраняется и передает Дамиру сумку Виталины, которую только что обнаружил на полу. Дамир берет ее и чувствует, что он бы просто умер, если бы с ней или с ребенком что-то случилось. *Каким идиотом* надо быть, чтобы причинить столько страданий родной душе? Ради чего он придумал тот план?!

Он словно со стороны смотрит на прошлое, и верить в него не хочется.

Нет, не идиотом, а чудовищем... Он превратился в чудовище. Никого не слушал, даже родного брата, который из го-

да в год говорил, что рядом с отцом, думающим о себе, он счастлив не станет.

– Фух, главное, что с Виталиной и малышом сейчас все хорошо, так? – голос Тимура подчеркнуто бодрый, почти жизнерадостный. Но Дамир знает, что за ним скрывается волнение. Это его способ поддержать – поговорить о хорошем.

– Она ненавидит меня, – выдавливает из себя Дамир. – И имеет на это право.

Тимур смотрит, медленно моргая.

«Что тут скажешь?» – твердит его выражение.

– Вам надо остыть, окей? Когда ей станет легче, то поговоришь с ней... Но, черт... – он позволяет растерянной улыбке поселиться на губах. – Черт, я тут понял, что сам не знаю, что ты теперь собираешься делать. Твой предыдущий план, он... Все? Уже не действует? Будешь затаскивать ее обратно в безумную семью?

– Что... Я не...

Дамир опускает взгляд на сумочку Виталины. Она не успела ее застегнуть. Его руки движутся раньше, чем мозг до конца осознает действие, вытаскивают из бокового кармана медицинскую карту.

Открыв страницу с закладкой, Дамир видит, что Виталина заботливо приклеила стикерами несколько бланков. Всмотревшись в них внимательнее, узнает талончики на приемы к врачам. Талончик на УЗИ, талон на прием у гинеколога, ниже она прикрепила результаты анализов. И даты... Все это

Вита сделала за последние две недели. Даже на сегодня у нее назначен визит к врачу... Она знала.

Знала, что беременна.

Последние слова он произносит вслух.

– Я так и подумал, – пожимает плечами Тимур. – Дамир, я хочу тебе еще одну штуку сказать... Когда мы ужинали вместе...

Он не слышит брата, вспоминая тот день, когда Виталина пришла к нему за вещами в первый раз. Она что-то хотела ему сказать. Настойчиво. Говорила, что это «важно». Дамир не дал ей продолжить, опасаясь, что пойдет на попятную, если она вспомнит, как им было хорошо вместе.

Сейчас он почти уверен, что тогда Виталина хотела сказать о беременности.

– Слушаешь меня, нет?

Тим хватает его за плечо, возвращая к реальности.

– Что?

– Говорю, что твоя жена в курсе о нашем воспитании, о приколах нашего папочки. Не знаю, кто ее просветил, но задавая мне вопросы, Виталина была осведомлена обо всем семейном дерьме, – говорит он.

Тимур не извиняется, что сказал правду и фактически убедил Виталину забрать ребенка подальше от Алексея Сергеева.

«Так будешь лучше», – говорит он.

Тимур с запалом уверяет, что если бы через год, через три

или через десять лет на пороге их дома появился Алексей со своим видением воспитания ребенка, Виталина бы и неделю терпеть не стала. Убежала бы с ребенком на край земли.

Дамир смотрит в одну точку, молчит, в глубине души он согласен. Его Виталинка уже показала, что она смелая. Она стойкая. Она все выдержала без него.

– Вита будет защищать ребенка от него. И от тебя, если ты останешься с ним заодно, – безжалостно констатирует брат.

Глава 17

После девяти и после начала часов посещения в палату втискивается Карина. Она делает это быстрее, чем врач до конца открывает двери, и ставит на пол огромный пакет с продуктами. Ее поспешность выбивает из меня короткий смешок, после которого в голове начинает предупреждающе пульсировать боль.

– Крошка моя, я все ногти сгрызла от волнения...

Она бросается на меня и обнимает. Волосы Карины падают мне на лицо.

После секундной расслабленности, я крепко обнимаю ее в ответ, прижимаю к себе руками. Вчера после всего случившегося, отойдя немного, я в первую очередь позвонила Карине. Ее уверенные «все будет хорошо» подействовали гораздо лучше, чем слова Дамира по дороге сюда.

– У тебя вроде гель-лак.

– Гель, не гель, смотри, – она показывает мне ноготь на указательном пальце, на котором не хватает кончика, и мы заходимся смехом. – Я кое-что принесла тебе... Ладно, – она взмахивает рукой и встает, – принесла все, что сумела дотащить. Фрукты, овощи, сок и...

– Не стоило, Карин...

– Стоило, стоило. Я идиотка. Полная идиотка, – эмоционально заявляет она. – Я должна была чем-то помочь тебе

и...

– Карин, спокойно, все хорошо, – я беру ее за руку и усаживаю на кровать, чтобы прекратила суетиться. Жду, пока она оторвет глаза от пакета и посмотрит на меня, наконец. – Я не потеряла его, *не потеряла*, – выразительно говорю, поглаживая второй рукой плоский пока живот. – Клянусь тебе, вчера, когда я ехала в машине и чувствовала, что остались какие-то минуты, секунды, когда я думала, что потеряла его, все остальное просто перестало иметь смысл.

– Я понимаю, – тихо говорит она.

– Я так сильно корила себя за то, что думала о Дамире, а не о ребенке. Переживала, говорить ли о беременности, переживала уезжать ли из города... Постоянно меня что-то волновало, а должен был только он. Теперь только он важен, – говорю я, легонько усмехаясь. – Буду считать это жизненным уроком.

Карина кивает и вздыхает:

– Врачи что-то еще сказали?

Я смотрю на список с назначения на тумбочке, вспоминаю, какой насыщенный день я вчера провела. УЗИ, КТГ плода, гинекологический осмотр, а анализов столько... Думала, что они выкачают из меня литру крови. Оказалось, что я почти здорова – коррекция прогестерона, витамины, фолиевая кислота, спазмолитики и почти «постельный режим», по словам моего врача, должны исправить ситуацию.

Потом я позвонила маме, потом своей начальнице – ска-

зала, что не смогу, к сожалению, прийти на работу завтра, послезавтра, а, возможно, уже никогда...

В палате тепло и тихо, и несмотря на обстоятельства, из-за которых я сюда попала, мне нравится. Комната светлая и большая. Я единственная пациентка. Ощущения, конечно, странные. Будто я два месяца бежала, не сбавляя темп, преодолевая одну преграду за другой, но потом упала. Упала, зато смогла остановиться и взглянуть на свою жизнь.

Наверное, так на меня действуют успокоительные. Жизнь кажется простой.

Без всяческих допущений.

Свой план побега я составляла всю ночь.

Врачи согласились отпустить меня через два дня – чтобы угроза повторных спазмов миновала. И к этому времени Карина – единственная, на кого могу положиться, – должна будет подготовить все, что нужно.

Мне неудобно просить ее об этом...

Но выхода не остается.

Дамир теперь в курсе беременности. Я понятия не имею, как он отреагирует. Я планирую и дальше стоять на своем. На обязательном разводе. И исчезнуть потом.

– Карин, у меня к тебе будет огромная просьба...

– Все сделаю, – серьезно заявляет она.

«За что мне такой человек в жизни попался?» – спрашиваю я себя.

Ладно, сантименты в сторону – не время.

– Я хочу поскорее уехать из города. И мне нужна твоя помощь с... организационными моментами. Поможешь?

– Ты точно решила?

– Да. Да! – почему-то я снова начинаю улыбаться. Ей. Мирру. Ребенку. Видимо, у меня в крови и правда много препаратов. – Я все еще люблю мужа и у меня сердце разрывается на части, что я так его оставляю. Но не я начала, не я изменила. Ради малыша я должна уехать. Все решено.

Следующий час мы обсуждаем, что мне и ей предстоит сделать.

Я займусь работой и вещами, а Карина – моим спасением – подберет мне город в пределах двухсот километров и квартиру желательно недалеко от женской гинекологии или станции метро. Мы составляем списки и советуемся на ходу. Торопимся, ничего не перепроверяем даже.

Я планирую самое безумное решение в жизни... Взять и уехать с двумя сумками в руках и щепоткой надежды. Но именно принятое решение и дает мне силы жить. Новый план заряжает меня энтузиазмом и мне просто некогда о чем-то жалеть.

Я знаю, что мне придется поговорить с мужем. С почти бывшим мужем. Знаю, что он будет искать встречи со мной, захочет посмотреть в глаза и переспросить: «значит, это наш ребенок?». Еще я знаю себя, характер, и чувства, которые пока не смогла вытравить. Я не могу быть настолько жесто-

кой с ним, чтобы даже не попрощаться. Я планирую сбежать, но в моих планах нет принципиальной изоляции ребенка от Дамира – пока нет. Если он согласится не мешать, пообещает, что его папаша не будет вмешиваться, возможно...

Все может быть, скажем так.

Не буду загадывать наперед. Просто не могу после позавчерашнего...

Я хочу быть *здесь*.

Жить сегодня и наслаждаться каждой минутой беременности.

В журналах пишут, что для женщины это «волшебный период», утверждают, что даже внешность меняется, румянец появляется... Я смотрю в маленькое зеркальце на тумбочке возле больничной кровати и вижу бледную напуганную девушку. Вот и все... До чего меня довел Дамир, стараясь угодить папочке? Чем больше проходит времени, тем больше я начинаю злиться на него. Мое лицо сухое, слез больше нет.

В дверь стучат в двенадцать.

Я заканчиваю собирать сумку на выписку, поднимаюсь, ставлю ее на больничное покрывало. Вещей мало, в сумке только сменная одежда, которую занесла мама (кстати, от нее я вдоволь наслушалась, что надо срочно молить Дамира принять меня назад), белье и подарки от Карины.

Дамир входит, и я замираю. У него в руках букет роз.

Огромный букет роз в золотой бумаге.

Розы мои любимые, белоснежные, как первый снег в де-

кабре. Дамир на их фоне кажется черным пятном. Он одет именно так, как я люблю. Джинсовый костюм черного цвета, а под ним белая рубашка.

На его лице нет даже намека на улыбку. Он растерян. И я тоже.

Что-то во мне ломается от такого неожиданного подарка. Я не думала, что когда-то снова увижу его... Таким. Но вслед за этим откровением, за секундами скрытой радости, в душу поселяется старая добрая знакомая, злость. Я все помню. Помню, как Дамир хотел ребенка. Теперь я для него снова ценный экспонат? Из-за беременности. Теперь я девушка, которой стоит дарить цветы? Ведь я рожу ему наследника. Так? Клянусь, если сделает ко мне хотя бы один шаг, я запущу эти розы прямо в его физиономию.

– Привет.

– Здравствуй, Дамир.

Я сажусь на край кровати ближе к окну. Не делаю ни единой попытки забрать букет. После мига острых сомнений, Дамир кладет цветы на соседнюю пустую койку, подходит ко мне, в тишине садится рядом.

Я хочу пересесть, но у себя в голове решаю, что это ребячество.

Пока я думаю, что же делать дальше, Дамир берет и вторгается в мое личное пространство. Одну руку он кладет мне на плечо, а второй обнимает за спину. Прижимает так сильно, что я пару секунд вдохнуть даже не могу. А так хочется...

Так хочется наполнить легкие его запахом, ощутить его тепло через все слои одежды. Парадокс, но человек, от которого я всеми правдами и неправдами отстранялась, обволакивает меня спокойствием, которого я уже месяц не ощущала. Из-за того, что мы не виделись так долго, прикосновения кажутся еще острее. Мне даже чудится, что я ощущаю, как бьется его сердце. Или это мое сейчас выпрыгнет из груди от волнения?

– Виталина, – отстраняется он, гипнотизируя меня большими темными глазами. – Даже не знаю, с чего начать...

После наших объятий – да, да, всего лишь объятий – Дамир тоже выглядит растерянным. Не знаю, радует это меня или беспокоит. Я даю ему возможность собраться с силами, и со словами тоже.

– Я не поздравил тебя...

– Ты многого не сделал, когда должен был, – срывается с моего языка. – И много сделал из того, что не должен был.

Он опускает голову. Соглашается.

– Зачем ты пришел?

– Хочу извиниться перед тобой. За... За все, наверное.

– Тебе отец велел извиниться?

Он смотрит на меня шокировано.

– Что, прости?

– А что мне еще думать, Дамир? – повышаю голос я. Встаю и скрещиваю руки на груди. – Ты бросил меня, потому что папочке нужен наследник. Господи, меня это задевает даже больше, чем твоя измена... Вот почему я не сказала, – на-

ставляю на него палец, – потому что знала, что ты поступишь именно так. Придешь и попросишь вернуться к тебе.

– Я не за этим пришел.

Он тоже поднимается на ноги.

Букет на второй койке притягивает взгляд, абсолютно чужеродный предмет.

– А зачем?

– Хотел тебя увидеть.

– Зачем тебе меня видеть? – внутри начинает бурлить гнев. Я вся – как вулкан перед извержением. Но мне нельзя волноваться. Нельзя, черт возьми. Этот человек все еще имеет на меня колоссальное влияние. Пришел, обнял, и я уже не знаю, на какую стенку лезть от изобилия абсолютно разных чувств к нему.

– Виталина, я знаю, что у нас сейчас все очень сложно и запутанно...

– Точнее, мы разводимся. Ты же не забрал заявление, надеюсь? – быстро добавляю.

Между нами пролегает пауза, глубокая как Марианская впадина.

Я с трудом успокаиваю дыхание.

– Я не забирал заявление, – медленно отвечает Дамир. – Но только по той причине, что ты бы этого не захотела.

– А ты уже не хочешь развестись?

– Я и не хотел.

– Отец посоветовал, – понимающе киваю я, хотя не могу

скрыть сарказм.

Господи. Как я могла это пропустить, когда выходила за него? Как Дамир мог допустить такое? Я не думала, что на него кто-то на земле мог иметь настолько сильное влияние. Он не тряпка, не слабак, я видела, каким он мог быть на работе, каким он был, отстаивая наши семейные интересы. Зависимость от отца открывает Дамира с новой стороны, которая мне никогда уже не понравится.

– Давай я скажу, что ты можешь сделать для меня, – собираю я себя в кулак. Потому что этот разговор надо заканчивать. Чем ближе он находится, тем сильнее мне хочется прижаться к нему и попросить, чтобы снова стал моим защитником, чтобы погладил по волосам и сказал: «тебе не нужно никуда бежать, маленькая, я никому не дам вас обидеть».

«В твоих мечтах, Виталина», – отвечает мне внутренний голос.

– Конечно, я слушаю.

– Отпусти меня. Сейчас. Я не буду вынашивать ребенка рядом с тобой и этим ненормальным... Твоим отцом, Алексеем. В постоянном стрессе я не смогу этого сделать, понимаешь? Я перееду в другой город. Не знаю, насколько. Я свяжусь с тобой сама, когда буду готова, мы договорились? – выразительно смотрю на него. – И мы разведемся, Дамир. Я бы, конечно, предпочла, чтобы твой отец не знал о ребенке, но... Вряд ли ты сумеешь ему соврать. Это же не то же самое, что врать своей жене, – криво усмехаюсь ему.

По лицу Дамира пробегает тень.

Он явно шел сюда не за тем, чтобы попрощаться. Не знаю, зачем. До сих пор не знаю, что творится в его голове.

Мне все равно (по крайней мере, я пытаюсь себя в этом убедить).

– Так мы договорились с тобой или нет?

Дамир не хочет принимать решения.

На секунду он даже умудряется убедить себя, что не может...

Физически не в состоянии взять и решить в одночасье их с Виталиной судьбу. Дамир не может выбросить из головы свой наибольший страх: что, если она сейчас возьмет сумку, выйдет из палаты и он, возможно, больше никогда ее не увидит?

Дамир уже не знает жену, не в состоянии прогнозировать ее следующий шаг.

Он просто смотрит на Виту, стараясь впитать ее образ в кожу, в мышцы и кости – чтобы она осталась в его теле навсегда. Он жаждет еще одно объятие, жаждет прижаться к его губам, как раньше, опуститься на колени и поцеловать в животик. Он уверен, что она тоже мечтала об этом. Но пока эти картинки проносятся в воспаленном сознании Дамира, ничего не происходит.

Виталина вздыхает, показывая, что устала ждать. Снова не оправдать ее ожиданий – на это он неспособен. Если ей

нужно вынашивать ребенка вдали от него, так тому и быть. Дамир бросает взгляд на букет, который Виталина определенно не собирается забирать с собой. И на это она тоже имеет полное право. Он должен благодарить жену за то, что вообще разговаривает с ним после случившегося.

– Хорошо. Все будет, как ты хочешь, – соглашается Дамир.

Смотрит ей в глаза, чтобы поверила.

– Что именно?

– Я отпущу тебя. Я попробую... Попробую держаться на расстоянии. И я ничего не скажу отцу о нашем с тобой ребенке.

Она сужает глаза, пытаясь просканировать его на честность.

– Хорошо.

Вита несмело берет сумку в руки и проходит мимо него. Почти незаметно замирает и идет к двери. Не оборачивается. Дамир близок к панике, он не может вот так с ней попрощаться. В его ушах звучит «хорошо», нос щекочет едва ощутимый запах ее парфюма. Аромат, который она оставляла на подушке утром.

– Но я не исчезну из твоей жизни, Вит, – бросает он ей в спину. – Я все исправлю.

Он знает, что слова звучат глупо.

Звучат фальшиво.

Под этими словами нет фундамента из реальных дел, од-

ни обиды и предательство. Пока он лишь портил, не в состоянии сохранить то, что имел.

Виталина нажимает на дверную ручку и выходит. Но она услышала.

Дамир специально задерживается в палате, давая возможность жене спокойно добраться до стоянки, и сесть в автомобиль к Карине. Отныне он должен планировать каждый шаг с учетом надобности беречь Виту. Дамиру хочется треснуть себя за то, что лишь ребенок поселил в его голове эту элементарную мысль: Виту нужно было беречь. Всегда.

Он садится на пустую койку и смотрит на букет, который выбирал со всей тщательностью – а он даже не коснулся рук Виталины. Ну что... Значит, так нужно.

Отпустить, чтобы снова завоевать. Вернуть. Сделать своей уже навсегда и без всяких условностей. И стать образцовым отцом для своего ребенка.

Цветы остаются в больнице.

По дороге Дамир вспоминает брата. Давным-давно, когда он только сбежал из дома, они тайком встретились у его друзей. Тимур выглядел плохо, он носил единственный спортивный костюм, который поместился в рюкзаке, и ел вермишель быстрого приготовления, вместо красной рыбы и деликатесов, к которым привык. Дамир даже не знал, что сказать, увидев, как Тима потрепало за неделю в изгнании.

Но брат и не думал падать духом.

Он хлопнул Дамира по спине, наворачивая сэндвичи, ко-

торые он ему принес.

– Не смотри на меня жалобно. Я знаю, ради чего я это делаю. Сегодня я на дне, чтобы завтра подняться, – заявил он.

Столько лет Дамир не понимал.

Но сегодня до него начало доходить.

Раздел 2. Глава 18

Спустя несколько месяцев

Дамир думал, так в жизни не бывает.

В кино, сериалах, книгах – пожалуйста, но только не в жизни.

Чтобы взять и оставить любимую женщину на пять месяцев в одиночестве. Ради общего будущего. Ради того, чтобы оборвать связи с прошлым и переродиться в нового человека. Ради нее одной. От тоски на стенку лезть хотелось, но он терпел – как и пообещал любимой девочке.

С момента встречи с Виталиной прошло пять месяцев, только теперь Дамир, наконец, решился отправиться к своей принцессе и к своему ребенку, чтобы начать сначала. Может быть, кто-то подумает, что все эти месяцы он просто ждал, пока остынут страсти, а чувства и тоска возьмут над ними верх, но Дамир пошел другим путем. Тоскуя за Виталиной после измены, а потом переживая за нее и малыша в больнице, Дамир окончательно понял, что ему придется выбирать – либо старая жизнь под контролем отца, либо совершенно новая – с полноценной семьей.

Никакие подарки, букеты цветов, пылкие слова не убедят Виталину, что он изменился. Она уже наслушалась и натерпелась. Лишь поступки могут быть красноречивым доказательством, что Дамир ради нее вырос, перестал быть слаба-

ком, позволяющим кому-то решать, кого любить.

Поэтому Дамир ехал без цветов, без подарков. Зато с целой папкой документов, символизирующих, что он вольная птица – ушел из компании отца, отказался от семейного наследства, продал дом, в котором они с Виталиной жили (а зачем он ему? Если Виталина простит его, то они купят новый в другом городе). Правда, в бардачке хранилось кольцо для Виты, которое Дамир купил перед визитом в больницу. Он так и не смог пересилить себя и подарить его ей. Перед этим она напрочь отказалась принимать даже букет с цветами от него.

За все это время они созванивались от силы три раза. Дамир старался не надоедать, хотя иногда ее голос был буквально единственным, что держало его на плаву. Естественно, отец не согласился просто взять и отпустить его.

Это были пять месяцев ада.

Помогали Дамиру два человека – его брат Тим и... неожиданно Карина.

Первое время она всячески его избегала, но в какой-то момент согласилась рассказывать мелкие детали о жизни Виталины в новом городе. Она молчала о ее мыслях, надеждах, молчала, с кем она проводила время, и кого встречала на своем пути, не давала никаких наводок на ее местоположение, однако делилась безобидными сведениями об успехах Виты. От Карины Дамир знал, что жена нашла квартиру и даже устроилась на стажировку в компанию не меньше

своей прежней.

Убедить Виталину встретиться Дамир сумел не сразу. Но через две недели его настойчивых электронных писем Вита согласилась дать адрес, заявив, что хочет лично рассказать ему – кто у них родится, мальчик или девочка. В тот момент Дамир едва телефон не выронил от радости. Ехать всего полтора часа! Через полтора часа он мог бы обнять Виту.

Сегодня среда и Дамир целый час вдавливая педаль в пол, мчась по междугородней трассе, приближаясь к точке на карте, которую он заблаговременно забил в навигатор. Он решил не продумывать, что скажет Вите, и действовать по обстоятельствам. Импровизировать. Главное, удержаться, увидев Виту – единственную девушку, которую он в этом мире любит и хочет.

По адресу, который дала Вита, располагается многоквартирный дом. Типичная панелька, даже без кодового замка на дверях. Тем лучше, думает Дамир, входя в подъезд. Их ожидает приятная встреча на пороге квартиры, объятия, возможно, даже легкий поцелуй.

Он поднимается пружинящей походкой, ощущая, что еще немного – и взлетит. Бредово так думать, наверное, но кто же его накажет за радостные мысли?

Пятый этаж, дверь направо, так велела Виталина. Дамир присматривается к номеру квартиры, убеждаясь, что он попал по адресу. В его душе бьется надежда, что Виталина не разозлится. Он приехал на несколько часов раньше, но у него

есть веская причина, без нее он бы умер уже.

Дамир нажимает на кнопку звонка.

Теперь он сомневается, а стоило ли приезжать совсем с пустыми руками? Наверное, он мог бы хотя бы за тортиком заехать. Тупой. Ладно. Если Виталина согласится, он отведет ее в лучший ресторан города или будет весь вечер кормить с ложки деликатесами. Любой ее каприз выполнит, сколько бы он ни стоил.

Он звонит снова и слышит непонятные разговоры за стеной. В этой квартире или в соседской Дамир не понимает. Его опыт проживания в панельке показал, что со звукоизоляцией в таких строениях совсем плохо. Тем не менее шаги к двери Дамир слышит отчетливо, он едва успевает пригласить холодный воротник куртки.

Ему открыли дверь.

Виталина.

Дамир отчетливо читает на ее красивом лице удивление, а затем...

Что-то еще, как тут разобрать от волнения.

Увидеть Виталину впервые за пять месяцев и прекрасно, и ужасно одновременно. Дамир видит ее округлившийся животик, и ему едва не до слез хочется прожить с ней каждый день упущенного времени. Его мысли галопом несутся вперед и обрушиваются на него нафантазированной картинкой, в которой они с Витой сидят на диване вместе с подросшей крохой, но не могут ответить, где же находился папа, пока

ребенок рос в животике мамы.

– Привет, Вит.

– Привет, – она кладет руку на живот, не торопясь его впускать.

Между ними повисает неловкость. Она, словно паутина, опутывает, мысли Дамира.

С чего начать?

Что ей сразу сказать?

О чем спросить в первую очередь?

– Знаю, что мы договаривались на попозже... А я не мог дождаться, – он нервно усмехается. – Как проснулся, так и поехал к тебе. Не мог ждать.

Дамир в мечтах бросался обнимать ее, но приехав и увидев Виталину вживую, слишком сильно боится необдуманных касаний. «У нас все должно быть по-другому», – твердит внутренний голос.

Он хочет не только ее тело, он стремится заполучить душу и сердце.

– Дело в том, что я собираюсь...

Виталина не договаривает, позади нее показывается мужчина – высокий брюнет в деловом костюме – абсолютно лишней персонаж. Дамир почти не видит его лица за своим удивлением. Шоком. Сердце неприятно сжимается, но Дамир игнорирует ощущение, словно только что сбылся его худший кошмар. Незнакомец видит, что Виталина стоит на пороге, и идет к ней. Останавливается за шаг от его жены – слишком

близко к ней, по мнению Дамира.

– Ты, должно быть, Дамир?

Она рассказала ему.

Какому-то черту рассказала.

– Это я, – пожимает ему руку Дамир без малейшего желания.

Вита стоит между ними и смотрит в какую-то «интересную» точку в подъезде. Неловкость – так это называется. Дамир шумно выдыхает. Меньше всего он хочет разговаривать с Витой при непонятных посторонних. Дождавшись, пока ее взгляд вернется к нему, он тихо спрашивает:

– У тебя какие-то планы?

Изо всех сил старается сохранить миролюбивый тон – без скрытой ревности.

– Мне нужно съездить к врачу. Все нормально, – она взмахивает рукой, опережая его вопросы. – Плановый прием.

– Я подожду тебя.

– Но... Где? – теряется Вита. – У тебя же здесь ни знакомых, ни жилья...

– Мне приятно, что ты за меня переживаешь. Я подожду в машине.

– А... Хорошо.

Она коротко улыбается.

Он ей тоже – абсолютно искренне.

Виталина хватает сумку и проходит мимо Дамира, не сказав больше ни слова и позволив тому типу закрыть двери.

Дамир видит ее бегство, но дает ей сбежать. Он успокаивает себя тем, что у них будет время наедине – будет шанс поговорить.

Глава 19

До автомобиля мы с Сергеем добираемся в молчании.

Он, наверное, не ожидал, что придется знакомиться с моим бывшим-тире-все-сложно-мужем, а я... Я в шоке. Просто в шоке. Меньше всего я хотела встретить Дамира так, словно его место занял другой. Сердце до сих пор выскакивает из груди, а смесь чувств захлестывает меня. Пока Сергей обходит автомобиль, я начинаю быстро и поверхностно дышать – как меня научили на курсах по родам и материнству. Но что-то дыхание, которое должно уменьшать схватки, не помогает уменьшить эмоциональный стресс.

– Получилось как-то... – начинает Сергей, устраиваясь за рулем.

Он не договаривает.

У меня тоже вариантов нет.

Мы думаем об одном – Дамир решил, словно между нами что-то было.

Не скрою, я обдумывала разные варианты, на случай, если наши с Дамиром дороги разойдутся навсегда, пусть мне бы этого и не хотелось. Но чтобы вот так... Сейчас? Нет! Ни за что. Нет. Все пять месяцев я была сконцентрирована на ребенке, а Сергей... Сергей – это подарок судьбы, добрый сосед, который ни разу не дал мне повода усомниться в его намерениях.

– Я ему объясню, – киваю я – больше себе, чем Сереже. – Все будет нормально.

– Мне кажется, объясняться должен как раз он, Вит. Не ты.

– Ты же понимаешь, о чем я.

– Ты ничего не сделала.

Я смотрю на Сережу, а он на меня – пока дорожная безопасность не вынуждает его отвлечься и повернуться. Я тоже отворачиваюсь и заглядываю в удаляющиеся окна своей съемной квартиры – словно мне кто-нибудь может помахать ручкой.

Пока мы едем, в салоне звучит быстрая иностранная песня по радио, я возвращаюсь к тем пятнадцати секундам на пороге, когда я смотрела бывшему мужу в глаза. Он похудел? Мне так кажется. И выглядел не лучшим образом. Бледный. Осунувшийся. Но какая же красивая улыбка сверкала на его лице в те секунды.

Он был рад мне.

А я была рада ему.

Черт. Теперь до меня, наконец, доходит в полной мере, что он приехал ко мне.

Меня начинают раздражать другие чувства – любовь, привязанность, радость, а еще... Толика любопытства. С чем ко мне приехал Дамир? Мне хочется верить и надеяться, что что-то в нем изменилось за пять месяцев вдали. Но еще боль-

ше мне хочется просто броситься к нему в объятия.

Я давно не испытывала ощущения защищенности, которое во мне будили лишь его объятия. Не ощущала себя «дома».

С врачами я отвлекаюсь, вроде прихожу в себя. Из меня снова выкачивают кровь – для биохимии, общего анализа и на сахар. Потом делают мазок, потом отпускают. Пока проводят медицинские манипуляции, я думаю, есть ли шанс, что хотя бы на роды меня привезет Дамир, а не Сережа?

Но затем решаю, что я не слабачка.

Я продержалась пять месяцев и не сдамся лишь по той причине, что приехал Дамир.

Смешно признаться, но я ведь из-за этого и избегала его столько времени.

Даже Карина мне говорила, что я могу встретиться с ним на нейтральной территории, что могу хотя бы говорить по телефону чаще, а не раз в месяц. Но я боялась. «Вдруг тоска победит, и я вернусь к нему без выполнения условий?» – шептал надоедливый внутренний голос.

А теперь Дамир где-то там, в нескольких километрах от меня, ждет.

Сидит в машине и думает обо мне.

Я думаю о нем.

Кажется, что мысли сливаются в клубок и греют меня в области сердца.

– Заедем по кофейку? – вмешивается в мои мысли Сере-

жа.

«По кофейку» у нас – это посещение маленького милого кафе с розовыми креслами, в котором он берет себе кофе, а я пью фруктовый сок – потому что стараюсь почти не употреблять кофеин.

Мне неприятно отказываться.

Но канаты, которые тянут меня к Дамиру, определенно стальные.

– Давай не сегодня...

– Торопишься к муженьку?

Пауза. Слышу вздох.

Вот зачем он так сказал?

Я познакомилась с Сергеем не так давно, отдаю себе отчет, что не знаю его, наверное, и наполовину. Однако такого сарказма я до сегодняшнего дня не слышала. С ним сразу становится неуютно.

– Отвези меня домой, пожалуйста.

– Извини, – говорит Сергей.

Он ничего не добавляет, вынуждая меня внимательнее присмотреться к его профилю. Что упускаю из виду? Что не замечаю? Или он просто сегодня не в самом лучшем настроении? Сосредоточенный и напряженный, смотрит на дорогу, не реагируя на мои попытки дружелюбно ему кивнуть или улыбнуться, наладив контакт.

Не понимаю, с чего у него так резко переменялось настроение?

Он знал, что Дамир приедет.

И, боюсь, я даже пару раз делала из Сергея «свою лучшую подружку», вываливая на него свой эмоциональный багаж.

Не знаю, что случилось, не хочу его задевать. Поэтому кладу руку на его ладонь и сжимаю один раз. Коротко, но ощутимо. Он опускает глаза на мою руку.

– Спасибо тебе за все, Сереж.

– Почему это звучит, как прощание? – со смешком отвечает он.

– Нет. Нет, просто... Мне кажется, я не говорила тебе ни разу.

Мы слишком мало разговариваем по дороге домой. Во дворе я сразу замечаю внедорожник Дамира. Прощаюсь с Сережей и иду к нему. Если Сергей и останавливается возле подъезда, чтобы взглянуть мне вслед, я этого не вижу.

– Ты приехал, – с этими словами я сажусь в машину к Дамиру.

Он посмеиваясь, отвечает:

– Прости, что не предупредил...

Мы как будто пытаемся переиграть неловкую встречу на пороге квартиры. И нет никого, кто мог бы нам помешать.

– Все нормально, я тоже ждала встречи с тобой, – признаюсь я.

Слова вылетают из моего рта раньше, чем осознание доходит до мозга.

Как это вообще возможно? Говорят, что происходит не так – думаешь, а уже потом рот открываешь, не наоборот.

Я выразительно и очень увлеченно поправляю шарф, забрасываю его на шею, приглаживаю свободную куртку, которая скрывает мой живот в сидячем положении. Проходит секунд десять моих попыток загладить признание, но когда я поднимаю глаза на Дамира, понимаю, что мои попытки провалились. Могла не стараться.

В его взгляде читается столько надежды, радости, торжества...

Он услышал и именно на эти слова обратил все свое внимание.

Хорошо. Ладно. Я не солгала.

– Насчет моего соседа... – начинаю я невпопад, – ну, ты видел его у меня. Сергея – он мой сосед. Просто мой друг.

– Я так и думал, – соглашается он.

Дамир постукивает пальцами по рулю, разворачиваясь ко мне полуоборотом.

То, как мы сидим в автомобиле, разговариваем о чем-то, разогреваясь в непродуваемом пространстве, отправляет меня к воспоминаниям из прошлого. Работа Дамира позволяла частенько выполнять функции моего шофера – подбирать с работы или подвозить к центру. Я могла взять свою машину, однако с ним ездить мне нравилось гораздо-гораздо больше.

– Тебе очень идет... беременность, – говорит Дамир.

Эти слова оседают на моей коже, как невидимое сияние.

Я развалилась на пассажирском кресле в плюс-сайз куртке, но начинаю верить в свою красоту.

– Спасибо.

– Можно мне? – он делает неопределенный жест рукой, смотря на мой живот.

– О, конечно.

Убить себя готова за «о, конечно», ведь мой живот за последние пять месяцев трогали – ну, кроме меня, – исключительно врачи, и с абсолютно рациональными целями. Я растягиваю куртку, а сама думаю, что это полное сумасшествие (или, возможно, очень символический момент?), Дамир впервые за столько времени коснется меня именно там, где растет жизнь. Он меня предал, а я все равно позволяю ему столько всего.

Дамир внимательно смотрит на мой животик, склонив голову набок – выражение у него такое же, как и во время просмотра видео с животными, но одновременно серьезное, задумчивое.

– Что ты делаешь? – не удерживаюсь я.

– Я читал в интернете, что пол ребенка можно определить по форме животика...

Он такое читал?

Волна жара проходит по моему телу, приятного жара от привязанности к нему.

Представляю Дамира, сидящего на сайтах со статьями о беременности...

Никогда бы не подумала!

– Ох, для таких опытов на мне должно быть поменьше одежды...

– Может быть, позже.

Он смотрит мне в глаза, как раньше.

У меня перехватывает дыхание.

– Дамир, – выдавливаю из себя, не зная, что еще сказать...

Жажда никуда не делась, я вижу, что он тоже ее чувствует.

К счастью, Дамир первым решает притормозить. Он усмеяется и пододвигается, чтобы опустить руку на мой живот. Делает это так осторожно и трепетно, вынуждает меня за вздохом скрывать усмешку. Через тонкий свитер я чувствую его теплую ладонь. Дамир гладит животик, периодически смотря мне в глаза. Он видит мою расслабленность и опускается ниже, прикладывает к животику ухо. Кажется, я сейчас расплачусь.

Его близость – мощный стимулятор эмоций. И не всегда позитивных...

– Я что-то чувствую! – говорит он громче, чем надо. Голос Дамира преисполнен эйфории. – Он шевельнулся!

Ух, я тоже это почувствовала.

Малыш спал, а сейчас начал активничать.

– Он меня почувствовал?

Дамир приподнимается, заглядывая мне в лицо, его глаза лучатся радостью – как у отца, который впервые ощутил своего ребенка, считай, лично познакомился с ним. До это-

го он только знал, а сегодня почувствовал, что внутри меня действительно растет маленькое чудо.

– Она, – говорю ему. – Она могла почувствовать.

Он бросается обнимать меня, но так же нежно, как и касался живота. Прижимает к своей груди и сразу отпускает, он растерянный и, кажется, не знает, как себя вести сейчас. Пытается что-то сказать, но все-таки пускает скупую мужскую слезу. Дамир старается взять себя в руки, прижимает пальцы к глазам, но я все равно вижу его слезы.

– Маленькая принцесса, – говорю с гордостью.

Мы вместе поднимаемся в квартиру, я открываю замок под пристальным взглядом Дамира. Сначала хочу сказать бывшему мужу, что у Сергея нет запасного ключа или чего-то в таком роде – он не вхож в квартиру без предварительного разрешения. Но потом решаю промолчать.

Возможно, это пойдет нам на пользу, нашим отношениям, ведь раньше я рассказывала Дамиру абсолютно все – не допуская недосказанности, о которой в свое время мне твердила Карина.

Дамир снимает куртку в коридоре, аккуратно ставит ботинки возле стены.

За квартиру мне не стыдно, хотя Дамир привык к состоятельным местам, дорогой мебели, первоклассной еде. Я человек попроще. Квартиру мы с Кариной искали, исходя из удобного расположения, а внутренне убранство я почти не

меняла. Здесь уютно – на полу ковер с толстым ворсом, в дополнение к батареям стоит обогреватель, на стенах висят картины с пейзажами. Пожилая дама Дарья Степановка, хозяйка квартиры, даже кота разрешила мне взять – если захочу потом...

– Кровать я заменила. Старая так скрипела от малейшего движения, что я даже просыпалась, спать не могла, – говорю я Дамиру, видя, как его взгляд скользит по постельному комплекту серого цвета. – Сергей помог ее дотащить.

– Сергей?

– У меня не так много друзей здесь.

Я присаживаюсь в единственное кресло – напротив кровати и в метре от Дамира. Малышка, как проснулась, так и не перестает пинать мамочку. Иногда сильно.

– Ты могла позвать меня.

– Не могла, – поднимаю подбородок.

Дамир вздыхает.

К счастью, он хотя бы не спорит. Не делает вид, что километры и дни порознь рассосали проблемы между нами. Мне немного стыдно, что дала слабину в авто, в моих планах был более холодный прием.

– Расскажи мне, как все было, – прошу я, поддерживая с ним зрительный контакт. – в тот день, когда я застала тебя в постели с Мартой. Что тогда произошло?

Дамир хмурится.

– Ты хочешь сейчас об этом говорить?

У меня едва не вырывается возмущенное: а о чем нам еще говорить?

Здорово, конечно, что он читал о форме живота и пришел в восторг, увидев меня с беременным животиком, но мне нужно от него другое. Ответы. Информация. Признание. Теперь я могу вспоминать о том дне без ощущения, что внутри меня все сжимается и растягивается, могу держать лицо и не плакать. Пришло время вернуться в тот день и выслушать, как все было на самом деле по версии Дамира.

– Мы на этом остановились.

Дамир разглаживает вьющиеся волосы на лбу и садится на край кровати.

Скромно так, стараясь не примять одеяло.

– Ладно.

– Ладно, – повторяю я.

Не даю ему увильнуть. Мысленно готовлюсь. Сцепляю руки в замок, чтобы не начать сдирать кутикулу от нервов. Я готова, но едва ли будет приятно слушать, как мой муж нашел любовницу.

– Я не изменял тебе.

– У нас были групповые галлюцинации? – вздергиваю бровь я.

Даже интересно, как он попытается оправдаться.

– Дело не в этом...

– Я все видела, Дамир. Видела, как вы целовались, ты... Лапал ее. Она сидела на тебе верхом. О чем мы вообще го-

ворим?!

– Она не была моей любовницей, – прерывает меня Дамир.

Всего за две минуты он вываливает на меня абсурдную историю, которую я даже воспринять сначала не могу. Дамир говорит, что Марта – просто женщина, которую он нанял (что?) сыграть роль его любовницы (что-что?), чтобы я получила мотив и бросила его. Он признается, что сделал это из-за своего гребаного отца.

– К тому моменту он уже был недоволен нашим с тобой союзом, Вит. Я понимаю, что все выглядит так, будто я специально хотел причинить тебе боль, но на самом деле – наоборот. Я надеялся, что измена станет причиной для тебя оборвать со мной связи, чтобы это не было для тебя так травматично, – заканчивает он.

Не знаю, мне смеяться.

Или плакать?

Или одновременно попробовать сделать и то, и то.

Менее травматично, значит.

Я едва ребенка не потеряла из-за его не травматичного разрыва.

– Долбаный психопат, – я закрываю лицо руками. – Ты долбаный психопат... ты ненормальный. Такой же, как твой отец.

– Виталина, пожалуйста...

– Не трогай меня, – отстраняюсь и поднимаюсь на ноги.

Меня начинает потряхивать. Я ко многому была готова. Я хотела послушать, как он нашел мне замену, притащил ее домой, чтобы заняться любовью на моей подушке, хотела услышать от Дамира, почему он выбрал именно Марту, и как много в его поступках было связано с желанием отца заиметь, наконец, внука. Но услышать, что он придумал худший день моей жизни, чтобы «дать мне мотив уйти» я не была готова. Я присаживаюсь на край кровати и стараюсь дышать быстро и неглубоко, успокаиваясь. Концентрируюсь на дыхании.

– Малышка, прости меня.

– Ты хотел, чтобы я увидела вас в постели? – спрашиваю я.

– Нет, нет, – он склоняется к моим коленям, приседает. – Ты раньше пришла с работы. Я хотел просто разбросать доказательства по комнате, сделать фото.

Ух, час от часу не легче.

Но первый шок проходит, дыхание замедляется.

– Не касайся меня, – повторяю я, смахивая руки Дамира.

Мне нужно еще несколько секунд. Или пару минут. Немного времени и свободного пространства, чтобы выдохнуть, понять.

Глава 20

Я не хочу дальше слушать.

Но Дамир не может перестать рассказывать.

Так между нами происходит, наверное, один из самых откровенных разговоров за годы отношений и моего замужества. Готовность Дамира посвящать меня в уголки его прошлого, которые всегда были покрыты замком «*да ерунда, ничего важного*», восхищает меня. Удивляет. Пугает даже. Я узнаю бывшего мужа заново и впервые настолько глубоко.

– Когда ты ушла, это был кошмар. Настоящий кошмар, Вит. Я каждый день хотел тебя вернуть, но если бы я ничего не сделал с моей проблемой...

Он говорит мне, что отец сломал его. Все-таки сломал, хотя внешне все было хорошо и прекрасно. Говорит, что я превратилась в его шанс стать нормальным человеком, но он сам у себя этот шанс отнял, как последний слабак и придурок...

Дамир остается у моих колен, но не предпринимает никаких попыток возобновить прикосновение. Он и выглядит иначе – как минимум надломленным мужчиной, за который прячется подросток. Все его детские травмы проявили себя сегодня. Он прятал их глубоко, я и не заметила, безупречно играя роль уверенного в себе харизматичного бизнесмена. Внешне Дамир был мечтой почти любой девушки, но внутри

его головы творился хаос, настоящий ураган.

– У меня отношений до тебя не было, Виталина. Нет, я не жалею об этом... Но откуда мне было знать, как себя вести? Я допустил столько ошибок, я так и не сделал тебя счастливой... – он говорит, не давая мне даже слова вставить. – Я так хотел семью с тобой, я жил этими глупыми надеждами, что все может быть хорошо рядом с ним. Я хотел ребенка, думал, что он, отец, отстанет от нас, надеялся, сможем защитить малыша и уже не будет у него такого детства. Но это же все бред, да? Просто бред. Я бы его не защитил... А я должен был, не ты, ты не знала ничего...

– Дамир...

– Нет, Вит. Ты слишком много не знала обо мне. Я не должен был делать тебе предложение, не посвятив в семейное дерьмо. Ты не заслужила такой подставы.

Еще громче, с большим надрывом.

Я прикладываю ладони ко рту, слушая его исповедь.

Выхода у меня нет.

Пусть я только что обозвала его психопатом, углубившись в душевную боль, его слова мгновенно перебивают ее, перенастраивая меня на сострадание.

– Я уже столько раз пожалел, что связался с Мартой, что придумал тот глупый план. Каким же он мне теперь кажется глупым, – грустно смеется Дамир.

Говорит, что он не нашел в себе достаточно храбрости признаться мне.

Я беру его за руку, стараясь успокоить, показать, что я рядом. Руки Дамира холодные, как лед, они всегда такие, если он нервничает. Боже, я ведь всегда была рядом. Если бы этот разговор состоялся пять месяцев назад, ему бы не пришлось рассказывать на полу съемной квартиры. Когда случилась Марта у нас, правда, были некоторые проблемы – много работы, много личной усталости. Не все идеально в постели. Но мы бы справились, теперь, когда я снова узнаю своего мужа, Дамира, в которого я так влюбилась с первого взгляда, я знаю, что справились!

Вместо этого, он все уничтожил.

– Дамир, – наконец, пока он переводит дыхание, я отвечаю. – Ты сделал меня счастливой. Честно. Ты делал меня счастливой много месяцев подряд, и все у нас было хорошо... Ты же помнишь, правда?

Он с готовностью кивает.

Глаза в глаза.

Сжимает мои ладони, я не возражаю.

– Но потом ты все уничтожил.

– Я знаю, знаю, малышка, я ненавижу себя за это... И буду ненавидеть...

– Послушай, – перебиваю, но потом делаю паузу, формируя свой вердикт.

Дышать легче стало после всего.

Мы с Дамиром стали ближе, вернулись к доверительному разговору.

– Послушай, – мой голос звучит увереннее, – я не могу тебе в данный момент ничего обещать, Дамир.

– Я понимаю.

Если он и ждал от меня прощения, то не показывает этого.

Кивает, медленно встает с колен.

Эмоциональная обнаженность Дамиру к лицу, думаю я мимолетно. Он таким родным и знакомым кажется, когда задумчиво поджимает губы, глядя куда-то в пол.

– Я тогда поеду найду себе номер в отеле, – говорит он.

Забирает с собой папку, в которой какие-то бумаги.

Видимо, еще не пришло время мне ее показать. Папка занимает мою голову на долю секунды, потому что я близка к тому, чтобы попросить его остаться. Нет, не так, предложить ему остаться.

Не хочу, чтобы он ехал.

– У меня есть диван, – выдыхаю я судорожно, останавливая его на пороге комнаты. – Если хочешь.

Мурашки по всему телу от мыслей, что мы с Дамиром останемся вдвоем ночью – в каких-то двух метрах друг от друга. Впрочем, Дамир может и не согласиться...

– Остаться у тебя?

– Угу.

– Ты десять минут назад назвала меня психопатом.

– Два раза, – напоминаю я, сцепляя ладони за спиной.

– Тем более.

– К твоему счастью, я изменила мнение, и думаю, что мне

не будет ничего угрожать.

Он грустно усмехается.

– Я с радостью посплю на твоём диване.

На том наш странный диалог и заканчивается. Собрав себя в кучу, я иду на кухню, а Дамир остается в комнате.

Стук в дверь я не слышу за шипением подсолнечного масла на сковороде. Понимаю, что ко мне кто-то пришел в момент открытия Дамиром замка. На пороге стоит Сергей и он, черт возьми, держит букет роз в правой руке. Боже мой. Мне хочется провалиться этажом ниже, а лучше телепортироваться куда-то далеко.

– Чем могу помочь? – спрашивает Дамир.

Я не вижу его лица, но голос у него по-змеиному доброжелательный.

То есть – абсолютно не доброжелательный.

– Я удивлен, что ты еще здесь...

– Привыкай.

– Вита, ты тут? – зовет меня Сергей.

Я выглядываю из-за угла, как будто боюсь попасть под перекрестный огонь – но Сергей даже не пытается оторвать взгляд от Дамира, он меня в упор не замечает.

– Она не настроена с тобой говорить, – отвечает Дамир.

– Боюсь, это не тебе решать.

Они все больше распалываются, как два молодых быка. И какая-то часть меня хочет оставить все как есть, звонко хлоп-

нуть дверь, прокричав: «я вообще-то нуждаюсь в тишине и спокойствии!» Но если я не вмешаюсь, ситуация может стать неконтролируемой. Они мне оба дороги – хотя и по другому. Оба дороги, несмотря на то, что один разбил мне сердце, а второй впервые решил подарить мне букет ровно в тот вечер, когда приехал Дамир.

– Успокойтесь оба! – кричу я.

Но слишком поздно.

Даже если они и начали соперничать за меня, то сейчас сфокусировались на ненависти друг к другу. Как же меня бесит эта мужская привычка решать проблемы. Я подхожу к Дамиру, цепляюсь за его плечи, чтобы он пропустил меня.

Если встану между ними, то сумею утихомирить ситуацию.

Но Дамир выше меня, сильнее.

Он выставляет руку, не давая пройти.

– Вита, оставайся в квартире...

– Дамир! – не добившись от него реакции, я поворачиваюсь к Сергею. – Давай мы поговорим позже, ок? Иди домой, Сергей.

– Потому что он так сказал? – бросает Сергей. – Вита, я давно хотел сказать...

Они снова вспоминают о причине своего конфликта. Обо мне.

– Давай ты скажешь мне это не сейчас.

– Нет. Сейчас, пусть он тоже слушает... – Сергей пытается

войти в квартиру, но заканчивается все тем, что Дамир хватается его за свитер, и толкает назад. – Вита, не надо возвращаться к нему из-за страха... Или неуверенности. Растить малышку одной тяжело, но у тебя есть я!

...И становится только хуже.

Широко открытыми глазами я смотрю на Сергея, не в силах пошевелиться. Как он... посмел. Я делилась с ним своими опасениями, но вовсе не за тем, чтобы он так опозорил меня перед бывшим мужем. Дамир, наоборот, начинает действовать. Он бьет Сергея в грудь, выталкивая из квартиры, Сергей отвечает таким же тычком, и они оба падают на открытые двери, которые с громким стуком, треском соприкасаются со стеной подъезда.

– Стойте, прекратите! – я кричу. Я стараюсь до них докричаться. Но с таким же успехом я могла бы быть немой... – Давайте решать дела цивилизованно! – собрав все силы, я кричу еще громче: – если вы сейчас же не прекратите, я звоню в полицию! Вам ясно?! – ноль реакции.

На моих глазах Дамир и Сергей едва не падают с лестницы...

Дамир пропускает удар по щеке, но сразу же отвечает Сергею. Он толкает его в грудь и вместе с ним ударяется об стену...

– Ладно, если так, пусть во всем разбирается полиция!

Я забегаю в квартиру, надеясь найти телефон... Но тут же бегу назад, чтобы проверить, не свернул ли кто-то кому-то

шею. Не могу их одних оставить, руку кладу на живот, стараюсь начать думать. Снова призываю их остановиться... Сюрреализм какой-то. В толкотне они спускаются на один пролет, и сразу же сбивают цветок, который заботливая тетя Ни на поставила на подоконник. О нет.

– Я сказала хватит!

Я нахожу взглядом букет роз, который принес Сергей.

Хватаю его и спускаюсь к мужчинам.

Близко не подхожу, не могу позволить обстоятельствам и взрыву тестостерона позволить навредить малышке. Но на вытянутой руке дотягиваюсь до Сергея. Наверное, со стороны это до смеха нелепо. И комично. Но у меня нет других вариантов! И мне совсем не смешно. Я бью его розами по затылку, по голове...

Почти без разбора.

Дамир пользуется моментом, и делает ему подножку. Господи...

С грохотом Сергей падает на пол... В самые мои ноги. По его щеке бежит струйка крови. Из-за меня. Из-за меня, черт возьми. Я так злилась на него, что сказал такое Дамиру, спровоцировал. Но теперь я чувствую, как ужас спускается по позвоночнику. Я поднимаю глаза на Дамира, он готовится врезать ему снова.

– Нет. Хватит!

Рукой со злополучным букетом я выставляю перед ним барьер.

Дамир тоже выглядит ужасно.

Ему, наверное, больше досталось...

Сергей же работает в спортклубе, конечно, у него сил больше. Мне хочется сразу же заняться его ранами. Но я сохраняю нейтралитет. И достоинство.

– Сергей, ты...

Он поднимается и отталкивает мою руку.

Признаю, меня это задевает.

– Если ты готова терпеть рядом такого человека, Вит... Я ничем тебе не могу помочь. – Он проходит мимо нас, стучит по ступенькам пятками, и захлопывает двери квартиры. Даже когда он уходит, в воздухе ощущается отголосок его фразы.

Я считала его другом.

Кем же меня считал Сергей?

Дамир перешагивает с ноги на ногу, видимо, чувствует боль, потому что хмурится. Старается не показать это. Я подхожу к нему, кладу руки на грудь.

– Где болит? Тебе надо к врачу?

– Нет, конечно. Все нормально. Зато я отстоял твою честь, – ухмыляется он.

Мне хочется сказать, что он скорее отстоял свою. Но когда он улыбается, я вижу, что губа у него разбита, и я решаю, что сегодня он может считать себя героем – если ему так хочется.

Если ему нужно.

– Пойдем я раны твои обработаю.

Дамир соглашается.

Покорно идет со мной в квартиру, садится на диван и позволяет мне следующие пятнадцать минут хлопотать над ним с ваткой и перекисью. Одна рана над бровью, еще одна возле носа, и самая крупная – возле подбородка. Я делаю это в молчании, но чувствую, что Дамир хочет что-то сказать. Возможно, про Сергея.

Я перехожу к его сбитым костяшкам, беру его за руку, и чувствую, как щеки заливает жаром. Он теплый, и несмотря на драку, ни о чем сейчас не переживает.

– Извини, что не сдержался.

– Оба хороши, – фыркаю я.

– И ты бы сдала меня в полицию? – в его голосе проявляются игривые тона.

– Если бы ты продолжил избивать Сергея, то сдала бы.

Я немного сильнее нужного сжимаю его пострадавший палец.

– Ауч.

– Терпи, мой защитник.

Я вздыхаю под его пристальным взглядом, опускаю глаза на его грудь.

– Мне надо посмотреть и... другие повреждения.

Итак, я говорю это.

Вслух.

Фактически прошу Дамира раздеться.

Боже, снова начинаю краснеть.

Наверное, меня можно понять и простить, правда? Почти восьмимесячное воздержание на фоне полной гормональной неразберихи и так неудобно повышенного либидо... Приводит к тому, что – да – я думаю о сексе. Прямо сейчас. Конечно, на моем лице Дамир это не прочтает и провоцировать я его не собираюсь. В голове всплывают слова моего гинеколога – о проблемой беременности. Первые месяцы я боролась с угрозой прерывания беременности, а вторая половина беременности, очевидно, пройдет под эгидой не дать малышке появиться на свет слишком рано. «Так что никаких интимных отношений, мамочка! Во избежание проблем» – сказала мне Лидия Михайловна.

Углубившись в противоречивые мысли, я выпадаю из реальности. Вернувшись, вижу, что Дамир позу не изменил, одежду не снял, смотрит на меня очень пристально.

– Что? – моргаю я.

– Я тут понял, что мне еще повезло.

– Например?

– Меня ты хотя бы не отхлестала букетом, когда я тебе его принес...

Смешок вырывается изо рта.

Дамир тоже усмехается.

Я ныряю в воспоминание, которое до сих пор колит уголками. Это было в больнице, сразу после того, как я едва не лишилась малышки. Я тогда понятия не имела, как сложится

моя жизнь, я тогда не представляла, что пройдет несколько месяцев, и я буду искренне смеяться на диване с Дамиром, чувствуя легкость...

– Боже, надо будет извиниться перед Сергеем, – я прикрываю рот рукой, и все равно смеюсь. Представляю, как комично это выглядело со стороны. Цветы остались в прихожей и пока мне не хочется смотреть на то, во что я их превратила.

– Да не переживай.

– Конечно, ты так скажешь, тебе он не нравится...

– Ну, – протягивает Дамир. – Главное, что ты чувствуешь по этому поводу.

Он неожиданно опускает руку на мое плечо и – прямо как раньше – берет за прядку, легко дергая на себя. Кажется, что с этой прядкой сбивается с ритма и сердце.

Как в чертовых мелодрамах.

Никогда не считала их правдоподобными, а теперь веду себя как главная героиня.

– Ладно. Давай закончим с твоими ранами. И я все-таки приготовлю ужин.

Дамир не торопится.

– Да все нормально, – говорит он.

Я вздергиваю бровь в немом подозрении.

Точно же помню, как он морщился, переступая на правую ногу, а в коридоре держался за бок в районе печени, думая, что отвернулась к двери. Не нужны мне скрытые переломы или необработанные раны, которые могут даже инфициро-

ваться.

– Дамир.

– Что?

– Покажи мне живот.

– Зачем тебе мой живот? – смеется он.

Но напряженно.

– А тебе есть что скрывать?

– Извращенка, – шутит он, когда я начинаю сама поднимать свитер. Под ним у Дамира черная кофта-лонгслив. В прошлом году именно я ее купила в магазине термобелья. Я хватаюсь ладонями за край кофты и поднимаю его выше. То, что здесь работы достаточно, понимаю сразу, утыкаясь в синеющую гематому на ребрах. Но нескольких взглядов мне хватает, чтобы понять – тут что-то явно не так.

Синяков слишком много и все они разные по свежести... Те, что Дамир заработал в драке с Сергеем, синие или красные, воспаленные. Но рядом с ними я замечаю другие – желтые, почти багровые, уже проходящие, но... Откуда они все у него?!

Следуя порыву, я касаюсь его груди, провожу рукой по синяку, пальцы находят зарубцевавшийся шрам. Рука скользит ниже, к животу, к еще одной гематоме.

На нем живого места нет.

– Дамир... Что случилось?! – возвращаюсь к его лицу. – Кто это сделал?

В уме я перебираю варианты.

Ввязался в драку?

Начал участвовать в каких-то... уличных боях? Или так только в кино бывает?

Может быть, связался с плохой компанией?

– Что случилось?

– Ты... Только не переживай, – он отстраняет меня от себя и опускает свитер. – Небольшой побочный эффект расстройства отца, что я ушел.

– Я не понимаю...

Хотя в душе я, наверное, уже понимаю.

Не зря я считала Алексея Сергеева чудовищем, да и чему тут удивляться? Он мучил своих детей годами, считая это «элитным воспитанием», почему же ему вдруг прекращать сейчас? Но я не думала, что увижу этот его гнев в виде побоев.

– Боже, Дамир...

Слова заканчиваются.

– Это в прошлом. И оно того стоило.

– Он тебя бил? – все-таки решаюсь я. Хватит – так как раньше, когда неудобные темы мы прятали под ковер – не будет.

– Нет. Он сам до такого не опускается. Для этого у него есть специально обученные люди, – иронично отвечает он. – Да все не так страшно, – добавляет Дамир. – Оно того стоило. Теперь у меня с ним нет никаких связей. Юридических.

– Как это?

– Я ушел из компании, малышка. Продал наш дом, – его рука осторожно ложится на мое колено, – но не из-за того, что нам было плохо или я тебя хотел забыть... Наоборот. Просто подумал, что если у нас все получится, то... купим новый дом в новом городе, начнем сначала, понимаешь?

– Продал дом?

– Все твои... Наши вещи хранятся в гараже. Временное решение.

Вторую руку тоже кладет мне на штаны, разворачивает обе ладонями вверх, без слов призывая меня взяться за руки.

Уступаю и кладу руки на ладони Дамира.

– От наследства тоже отказался, а то бы он решил, что снова можно меня шантажировать теми миллионами. Да бог с ними, с деньгами. Тимур же сумел, думаю, и у меня получится найти работу.

– Конечно, получится, ты же профессионал, – севшим голосом говорю я.

– Но ты не переживай. Для ребенка у меня сбережения есть. Плюс на депозитах деньги лежат, наши, не его, с них проценты приличные капаят. Малышка будет обеспеченной. Я ей весь мир подарю.

Я тяжело вздыхаю.

Одно понимаю четко, что моя жизнь без Дамира была спокойной и однообразной, а как только он появился в этом спокойном море поднялся ураган. И я, вопреки всему, рада, что он сейчас появился...

Не знаю, сколько проходит времени, мы с ним сидим, держась за руки, думая, наверное, каждый о своем. Мне хочется верить, что Дамир рад, что он со мной – несмотря на большой путь, который предстоит пройти. Потому что я – рада.

Но пока...

Пока я беру в руки ватку, прижимаю к банке с перекисью, чтобы пропиталась, и приступаю к обработке его ран.

Глава 21

– Карина, наконец-то! – вздыхаю я в трубку. – Я тебе звоню уже раз десятый...

– Что-то случилось?

– Нет, – спешу ее успокоить. – Ничего такого. Ничего ужасного.

– Тогда почему так рано?

Она стонет мне в трубку и – по звуку – плюхается обратно на кровать.

Восьмой час.

Я привыкла вставать рано во время беременности, даже когда на работу не нужно идти. Тревожность периодически выгоняет меня из постели, просто чтобы не лежать, не давать волю беспокойству о малышке... Сегодня я встаю, потому что в соседней комнате спит Дамир и это что-то очень непривычное для меня. Мне нужна подруга, чтобы привести в порядок мысли.

Потому что...

Мой бывший муж спит в соседней комнате.

И я безумно хочу в его объятия.

– Вчера Дамир приехал.

– Я знаю, крошка, – отвечает Карина. – Рассказывай, как все прошло?

– Странно. Очень странно.

Вчерашний день я перевариваю каждую секунду после пробуждения, уже около сорока минут, но по-прежнему почти ничего, кроме тотальной растерянности, не чувствую. «Почти» – потому что есть еще радость. Он сейчас спит, никак со мной не взаимодействует, а мне уже хорошо... Словно кто-то прикладывает к телу грелку, не к коже, сразу к сердцу.

– Мне нужны подробности! – кричит в трубку Карина.

Иногда она ведет себя так, словно моя жизнь – это реалити-шоу. Но если честно, два месяца назад я сама сказала, что чувствую себя, как чертовая героиня из реалити-шоу. Будто меня щипцами забрали из привычной жизни и отправили сюда, мол, давай, беременная, растерянная, напуганная, разбирайся с этим дерьмом.

– Все пошло... не по плану.

– То есть? О нет, не говори мне, что вы, красотки, переспали?

– Боже, нет, – шиплю я в ответ, делаю вид, что мне неприятна сама мысль. – Ничего не было, ты же знаешь, что мне нельзя... по медицинским показаниям, – добавляю спокойно. И немного прислушиваюсь к шумам в гостиной.

Будет очень неловко, если Дамир услышит наш приватный разговор.

– О, то есть, если бы было можно...

– Карина!

– Молчу, молчу. Рот на замке.

Мы одновременно фыркаем.

– Просто... Просто я думала, что буду чувствовать себя совсем не так, когда он придет. Знаешь, я все это время верила, что научилась жить без него. А теперь он приехал, – я поворачиваюсь к окну, сталкиваясь с еще одним приступом слезливости, связанным с гормонами, – и мне кажется, что я существовала и все.

– Ты его еще не разлюбила.

– Да, возможно, скорее всего, – сдаюсь я. – И он рассказал о том, что продал дом, и ушел из компании... А его синяки? Ты знаешь, что его избивали?! – голос срывается, слова будто толпятся во рту.

Карина выдерживает паузу.

– Я кое-что знала об этом. Но не собиралась тебе говорить раньше времени.

– Но почему?

– Ты сказала, что не хочешь ничего о нем знать, так?

– Да, но... – я накрываю ноги одеялом, борясь с дрожью.

– Я помнила твое лицо на следующий день после того, как ты почти потеряла ребенка, Вит. И мне кажется, что это даже... Извини, что я так скажу, но это правильно, что каждый из вас прошел свое чистилище сам, – эффектно завершает она.

– Чистилище?

– Именно. Дамир остался сам и, честно тебе скажу, – тянет Карина, – я не рассчитывала, что ему хватит мужества сделать все правильно. Разорвать связи.

– Поэтому ты и дала ему шанс?

Пазлы в моей голове выстраиваются в целостную картинку – в какой-то момент она прекратила злиться, говоря о Дамире. Видимо, тогда он чем-то доказал ей, что не будет повторять прежних ошибок. Карина сменила тон и начала толкать меня в сторону встречи с бывшим мужем.

Надо же. Даже Карина ему поверила.

А я сомневаюсь.

– Вит, мое мнение не должно влиять на твои будущие решения.

– Знаю. Но если бы я спросила?

Я задерживаю дыхание, ожидая ее ответа. Она прошла со мной весь путь предательства Дамира, видела, как я плакала, едва вставала на ноги, преодолевала себя. Конечно, ее мнение важно для меня – важнее, чем мнение отца и мамы, например. Оно всегда честное.

– Если бы ты спросила, – начинает она, – я бы посоветовала тебе не рубить сгоряча. Дамир подсуетился и многое сделал, чтобы не дать своему отцу-психопату украсть ребенка. Протестируй его. Поговори о будущем, об условиях.

– Да, поговорить точно нужно...

Теперь я отчетливо слышу скрип дивана – Дамир проснулся. Сегодня утром я чувствую себя хорошо и в руках почти зудит желание сделать ему кофе – как раньше. Простой ритуал, которого мы с Дамиром были лишены уже столько месяцев.

– Спасибо, что уделила время, Карин...

– Да ладно, ты чего? На тебя у меня всегда время будет, – отмахивается она.

– Я позвоню попозже.

– Договорились!

Мы прощаемся, не забывая сказать в конце, как сильно скучаем друг по дружке. Расстояние никак не повлияло на наши с Кариной отношения, и я первое время не могла нарадоваться этому, сохранившейся связи с очень близким человеком, который ни разу не предавал.

Итак, она свое мнение высказала.

Осталось примириться со своим цунами в голове. И – для начала – приготовить нам с Дамиром завтрак с привкусом дома.

Закончив разговор с Кариной, я, преисполненная утреннего энтузиазма, выхожу за дверь. Дамир в моей гостиной – зрелище по-прежнему завораживающее. Глядя на него, я тихонько смеюсь, вижу, что сменную одежду он с собой не взял, и всю ночь провел в джинсах и свитере. Теперь потягивается, стараясь справиться с затекшей спиной. Все привычки моего мужа мне хорошо известны, и они умиляют меня. Так продолжается несколько секунд, которые по моим ощущениям, растягиваются на минуты, а потом Дамир замечает меня.

От его взгляда, который сразу же спускается к голым но-

гам, внизу живота теплеет. Я привыкла ходить по дому в коротком халате, привыкла не завязывать пояс, чтобы не делать фигуру комичной, и не давить на живот. Привычки оказались сильнее меня даже сегодня утром... Я запахиваюсь, хотя под халатом непрозрачная ночнушка, но с голыми ногами сделать ничего не могу. Наверное, глупо будет идти и натягивать штаны...

– Доброе утро.

– Привет.

– Спалось не очень? – между делом спрашиваю я, идя на кухню.

Снова скрип дивана. Дамир натягивает носки на пятки, наверное, осознавая, что мужских домашних тапочек – к его счастью, на самом деле – у меня нет. И поднимается, чтобы пойти вслед за мной.

– Да нормально все...

После всего пережитого, я вчера мгновенно уснула.

– Кофе? У меня есть блинчики, уже готовые, могу разогреть на сковороде...

– Микроволновкой не обзавелась?

– Пока нет.

– Внесу ее в список, – говорит Дамир.

– В какой список?

Я достаю сковороду, ставлю на плиту, а Дамир садится позади, за столом.

Идиллическая картина, которая бросает в меня горсть

воспоминаний.

Дом, который раньше служил декорацией для наших утренних посиделок, теперь имеет других хозяев. Я не смогу вернуться, сесть на излюбленный диван, подняться в спальню, которая, увы, ассоциируется у меня с изменой мужа. Вчера новость о продаже дома проскочила мимо меня, задвинутая на второй план более вескими новостями. Но сегодня, со свежей головой, я понимаю, что... совсем не против. Я бы поступила так же.

– В список... – он неловко усмехается, – улучшения твоих жилищных условий. Кстати, я заметил, что ты еще не обустройстваешь детскую. Где ты хочешь?

– Дамир, – выставляю руки, – остановись.

– Я просто хочу помочь. Могу же я быть еще одним твоим доверенным лицом?

– Моим другом?

– Твоим другом, – кивает Дамир.

Понимает же, засранец, не меньше меня, что между нами уже воздух начинает нагреваться от притяжения. Какая там дружба? Не знаю, что сдерживает его, но меня сдерживает то, что люди называют «рацио», а сердце колотится от желания.

Пусть он и немного помятый ото сна, но такой красивый. И то, как он смотрит на меня...

Ни один мужской взгляд не воспламенял меня так быстро, и так мощно.

– Там, эм... По поводу детской...

Отрегулировав газ на блинчиках, я поворачиваюсь к нему.

– Я слушаю, – он подпирает щеку ладонью.

– Я думала. Но все откладывала и откладывала. Именно покупки, – уточняю я, потому что с психологической и медицинской подготовкой к родам у меня все отлично. Наверное, Дамир видел стопку книг в комнате, на обложках которых счастливые мамы держат малышей на руках. – Возможно, я хотела, чтобы ты участвовал в этих приготовлениях.

– Милая, я тоже этого хотел...

– Хочешь покажу фотографию нашей малышки? – спрашиваю я. Дамир смешно хмурится. – Я имею в виду УЗИ...

– А, конечно.

Я возвращаюсь в комнату и вытаскиваю из медицинской карты свежее фото.

Передаю ему из ладони в ладонь.

Когда речь заходит о малышке, то меня сложно остановить, поэтому его разглядывания я сопровождаю своим рассказом, говорю, что это был один из лучших моментов за последнее время. Я лежала на кушетке и на большом экране наблюдала за моим ребенком, видела, как он шевелился, чем занимается. Сдержанность никогда не была моей сильной стороной, на первом же УЗИ я расплакалась. Потому что тогда я чувствовала себя одинокой и брошенной, а на мониторе внезапно увидела смысл этого всего – лишений, которые прошла, пройду...

– Врачи говорят, что малышка здорова.

– Головка, да?

– Да, а это ручки, – указываю чуть ниже.

– Она улыбается или... мне кажется?

– Мне тоже так кажется, – смеюсь я.

– Какая красивая.

Мы молча рассматриваем снимок.

– Я думаю над именем Владислава... – внезапно говорю я.

Позади шипят блинчики и я вынужденно отвлекаюсь, закрываю газ.

– Владислава, Влада, красивое имя, – кивает Дамир. – И так точно будут звать очень... сильную девочку, волевою.

– Умеющую за себя постоять, – вставляю.

– Умную барышню.

– Очень нежную по отношению к близким.

Замерев, мы смотрим друг на друга... Разделяя момент на двоих. Утро становится теплее, пейзаж за окном вдруг перестает раздражать монотонностью, кофе, который никогда не отличался шикарным вкусом, пьется с удовольствием.

Я впервые про себя называю свою девочку по имени. Владислава.

Завтракая, мы продолжаем болтать о покупках, которые надо совершить. И в какой-то момент я забываю, что мы с ним разведены. Все кажется правильным.

Глава 22

Около двенадцати мне звонят с работы.

Выдергивают из комфортной среды, напоминая, что за дверью есть мир. И с этим миром нужно взаимодействовать, если я не хочу стать иждивенкой.

Мы с Дамиром к этому моменту уже проходим стадию будущей эйфории и возвращаемся к стандартным, скучным вопросам. Например, где он будет жить до рождения малышки, как мы с ним будем взаимодействовать. В идеале этот разговор мне бы стоило начать с заявления: «да, я тебя прощаю, Дамир» или «нет, я тебя пока не могу простить».

Но я снова не знаю, что делать.

Все мое сознательное стремится оставить Дамира внутри, сделать так, чтобы он даже за пределы квартиры не выходил, был моим, моим, моим... Но есть и другая точка зрения – может быть, я слишком рано принимаю его назад? Может, Карина имела в виду что-то другое, говоря, что я должна «его протестировать»? В голове у меня вспыхивает картинка, в которой Дамир преодолевает полосу препятствий...

Усмехаясь, я поднимаю глаза на настоящего Дамира у меня на кухне.

– В городе меня ничего не держит, – пожимает плечами, не переставая крутить в руках смартфон. – Ты не против, если я буду где-то рядом с тобой, малышка?

– Я не против, даже за.

Он кивает, легко усмехаясь.

Пока я обдумываю, как бы выразить свою следующую мысль – что Дамиру пока, наверное, лучше подыскать временную квартиру, – он сам об этом заговаривает:

– Кстати, у меня есть на примете несколько вариантов, недалеко от тебя. Даже пешком пройти можно.

– Звучит самоуверенно, – я приподнимаю бровь, хотя злости в моих словах нет.

Ехал сюда, и планировал, что останется.

– Это была надежда, Вит.

– Надежда, что...

– Надежда, что мы сможем создать семью. Сделать то, что из-за меня с первого раза не получилось, – он засовывает телефон в карман и поднимается. Идет ко мне, останавливается за шаг. – Я все понимаю, Вит. Не тороплю тебя. Просто я хочу, чтобы ты понимала, что я приехал за тобой. И я буду тебя добиваться.

Между нами остается сантиметров пятнадцать свободного пространства. И смотря ему в лицо, я не могу не заметить, что на губах у него осталась сахарная пудра – мой абсолютно не секретный банальный ингредиент для блинчиков и других домашних сладостей.

Рука на автомате тянется к его губам.

Я касаюсь большим пальцем нижней губы и провожу по ней, стирая белый след.

Он приоткрывает рот, скорее инстинктивно, чем осознанно, тянется ко мне. Руки Дамира оказываются на моих плечах, и почти сразу сползают к талии. Его парфюм, его теплота, его присутствие рядом кружат мне голову, мешая думать...

Я вспоминаю, как он касался меня этими руками везде, как нежно целовал и заставлял кричать. Гормоны, это все чертовы гормоны... Или нет? Оказавшись в объятиях, я безотрывно смотрю Дамиру в лицо, словно в замедленной съемке вижу, как он наклоняется ко мне. Паника смешивается в голове с похотью. Не в силах больше ждать и сомневаться, я тоже двигаюсь и сталкиваюсь с ним губами.

Стону в поцелуй, не в силах удержаться... Почти забытое ощущение. Его поцелуй.

Он осторожно раскрывает губы языком, и я позволяю ему, на слабых коленях упираясь в стол. Дамир определенно знает все тайны моих губ, знает, чего я хочу, к чему стремлюсь и от чего теряю голову. Я сдаюсь вихрю страсти, ощущая, как каждое касание его языка к моему приносит волнение в самых глубоких уголках души.

Мысли растворяются, а мир вокруг теряет форму, оставляя наше единение. Я чувствую, как он тяжело дышит, находясь на том же краю страсти, что и я. Его руки блуждают по моему телу, исследуя каждый изгиб, каждую крошечную деталь, щекоча и распалая. Язык Дамира танцует в ритме моих стонов, которые уже становятся совсем неприличными...

Мои руки, словно протягиваясь к нему, находят его волосы, и я берусь за них.

Стол дрожит под напором его движений...

Дамир скользит губами по моей шее, пряча дыхание в изгибах нежной кожи; находит чувственные точки, вынуждает меня прикрывать глаза от удовольствия. Я опускаю руки вдоль его спины. Он приближается к моему уху, слегка приоткрывая губы, шепчет, как ему давно хотелось сделать это со мной, это и многое другое... Он пробуждает чувства, которые давно были забыты, словно открывает дверь в замкнутый сад, наполненный ароматами страсти и желания.

Не знаю, что выводит меня из ступора... Сигнализация вдали, понимание, что меня ждут на работе, или что-то другое. Но явно не тот факт, что я целуюсь с бывшим мужем на кухне, чувствуя себя самой счастливой душой на свете... Хвала богам, я все же решаю оставить дверь в этот чертов сад пока что закрытой. Всему свое время – приоткрыли, заглянули, и вон.

Я отстраняюсь от Дамира, прекрасно понимая его растерянный, даже немного дезориентированный вид. У меня те же чувства! Те же чувства. Как будто дорогу мне преградил огромный шлагбаум, и я только что стукнулась об него лбом.

– Прости? – спрашивает он.

Я хихикаю, запоздало прикрывая рот.

– Не то. Не стоит.

Он кивает. И опускается на корточки. Смотрит на мой жи-

вотик и осторожно целует его – прямо через ночную рубашку.

Поднимается и тянется ко мне.

Дамир оставляет поцелуй у меня на щеке.

– До вечера тогда?

С трудом я вспоминаю, что он собирался съездить домой и взять вещи...

– До вечера.

Мое временное рабочее место – вплоть до декрета находится в уютном офисе бизнес-центра «Волна», на втором этаже и за дверью с золотистой вывеской «Катарина».

Именно так – владелица нашей небольшой «женской» компании пять лет назад была слишком восхищена тем фактом, что адвокат сумел отсудить у ее мужа почти сто тысяч долларов, а значит она могла начать дело своей жизни – открыть риэлтерскую контору. Думать о названии было некогда, на помощь пришла болгарская форма ее же имени – Катерина... Потом, как рассказывала мне начальница, подпирая мой стол внушительным бедром, у нее возникали иногда мысли поменять название на что-то «солидное и дорогое»...

– Но знаешь, милочка, – продолжала она доверительно, – как подумаю, сколько придется переоформлять... Пусть уже будет!

– Мне нравится ваше название. Оно выгодно выделяется на фоне всяких... «Олимпиков» и «Элитов», я так думаю.

– Милочка, а ты права, – посмотрела на меня внимательно Катерина. – Как ты говоришь тебя зовут, милая голубушка? Так, можно сказать, началась дружба.

Катерина велела обращаться к ней «на ты», в конце концов, между нами было всего двенадцать лет разницы; а я взамен попросила почаще называть меня по имени... Примерно раз в неделю мы ходили вместе в небольшой ресторанчик, где я ела какой-нибудь салат, наблюдая за тем, как Катерина поела второй бифштекс подряд.

Она говорила, что просто любит жизнь.

Любит еду, алкоголь, секс, мужчин, дорогие вещи. У нее все есть, хотя она и намекает иногда, что за ласку ей приходится платить. Катерина вообще не перестает удивлять меня своей открытостью, откровенностью, прямоотой.

От такой подружки ничего не скроешь.

– Вита! – громогласно объявляет она о моем прибытии даже раньше, чем я успеваю поздороваться с девочками. – Ко мне, – делает широкий жест и скрывается за дверями. Я смеюсь, бросаю сумку на свой рабочий стол, и медленно, немного покачиваясь, иду в кабинет начальницы.

– Привет, Кать.

– Ну?! Как там прошло воссоединение? Дамир просил прощения?

– Ох... Просил, просил. Дай отдышаться хотя бы, – я присаживаюсь на мягкий диванчик в углу. – Кстати, Павловы не согласились на тот дом, что я показы...

– Нет, пока нет. Да это и не важно, не согласятся они, согласятся другие, дом же чудесный, – на одном дыхании произносит она. – Ты мне про мужа скажи.

– Ну... Все прошло хорошо.

– Детали, – сотрясает она руками.

– Мы говорили, да... – киваю, и она тоже, – много говорила. Он рассказал, что оборвал связи с отцом, юридические я имею в виду, и... Ну. Вроде бы и все, да?

Я тяну время, отчетливо понимая, что рассказывать Катерине о Дамире было довольно опрометчиво. Правда, выхода у меня не было, Катерина устроила настоящий допрос, чтобы выяснить, как долго я смогу работать в офисе, как долго дома, и планирую ли я после декрета работать здесь на полную ставку. Мне пришлось честно сообщить об обстоятельствах хаотичной смены места жительства и причинах, побудивших меня.

– Ты что сама-то решила?

– Я позволила ему остаться в городе.

– В квартире? – охает Катерина.

– Нет, Дамир будет жить отдельно.

– Ну это разумно, да... Потому что тебе же нельзя, ну, ты понимаешь, – подмигивает Катерина, и усаживается рядом со мной. – А если такой мужик рядом, кто удержится?

Я тактично молчу.

Хочется сказать, что, вот, я бы удержалась, но на моих губах недавно высохла слюна Дамира, так что... Промолчать

– это и вправду разумно.

– Слушай, а ты же мне обещала его фото показать. Помнишь? Сказала: «как приедет и если мы что-то решим в позитивном ключе, бла, бла...» Показывай Дамирчика.

Катерина смешно закусывает губу, пока я берусь выполнять обещание.

В телефоне у меня множество фото мужа, но все они еще со времен «до измены». Я ничего не удаляла, не стирала, хотя, признаюсь, моменты слабости случались. Выбираю один из самых свежих снимков, на котором Дамир в черном пиджаке и белой рубашке усмехается прямо в мою камеру.

– Божечки мой! – давится воздухом Катерина. – Такой брюнет, а эти глаза... Линия подбородка, а фигура... Боже. Сейчас кислородное голодание у меня наступит от такой красоты... – обмахивается ладонью. – Так значит твоя малышка будет брюнеткой, и с карими глазами, вот это типаж!

– Почему брюнетка...?

– Ну, смотри, – отдает она телефон, – ты блондинка, глаза голубые. Это рецессивные гены. А у него – темные глаза и темные волосы – доминатные, – она неожиданно снова хватывает телефон. – Ух, я бы сказала, что у него не только гены доминантные, Вита...

– Так, – беру смартфон обратно. – Вернемся к моей дочери.

– Точно, да. Так что... Будет девочка больше на папу похожа.

– Папина дочка, – усмехаюсь я.

От дальнейших расспросов Катерины меня неожиданно спасает клиент.

До самого конца рабочего дня она то подмигивает мне, то посмеивается. Почему-то все вокруг уверены, что у нас с Дамиром что-то будет. Раздражает.

Еще больше раздражаю себя я сама, ведь думаю о всяких альтернативах, так сказать, приятных и безопасных для здоровья. Еще думаю проверить, как поживает моя плацента, вдруг ситуация выровнялась и мне уже можно... «Мда, – говорю я сама себе вечером, – ну ты даешь, Вита, ну и приоритеты у тебя»...

Глава 23

Вернувшись в съемную квартиру, Дамир бросает сумку в прихожей и всем своим весом плюхается на диван. На часах восемь вечера – его задержала пробка. Из-за нее он приехал так поздно и из-за нее сегодня будет ночевать здесь, на расстоянии от Виталины, прям как раньше.

Один день без нее ощущается таким же концом света, как и сотня дней.

Но если раньше он мучился от неизвестности, от незнания, чем занималась и что к нему чувствовала Вита, то теперь страдает по другому поводу. «Она меня почти простила! Она ответила на мой поцелуй! У нас есть будущее», – твердит сам себе Дамир, и в нем крепнет желание не потерять больше ни одного дня, ни одной секунды – каждую секунду посвятить ей и своей семье.

Посидев немного, он идет на кухню и достает из холодильника сделанный заблаговременно салат. Теперь он старается следить за своим питанием, полностью отказался от алкоголя, потихоньку работает над резюме – все ради того, чтобы Вита им гордилась.

Дамир старается гнать от себя сомнения, Вита как раз таки неоднократно доказывала свои чувства. Скорее всего, в нем говорит вина. И еще любовь. Он хочет, чтобы – если они будут снова вместе – Вита ни разу не пожалела об этом.

Даже на одну секунду не пожалела.

– У меня будет дочка, – говорит он своему отражению в окне. – Доченька.

Весь вечер Дамир пребывает в эйфории, поэтому с радостью принимает предложение брата выйти куда-нибудь поужинать вместе. По сути, его брат Тим остается его единственным близким человеком, с которым Дамир откровенен, на весь город.

Как Дамир удивлялся последние месяцы, когда один за одним из его поля зрения исчезали так называемые «друзья», люди, которые при каждой встрече твердили «звони в любое время» или «я обязательно тебя прикрою, друг, только скажи». Стоило ему публично отречься от империи отца, как все они сочли его малоинтересным, а то и полным придурком.

Марта, например, окучивает отца.

Дамир, наверное, и не удивится, если именно ее отец выберет для быстрого воспроизведения улучшенной и максимально послушной формы наследника Сергеевых.

Дамир о потере статуса не тоскует.

Статус, за которым гнаться его приучил отец, давил на него, как завязанный на шее галстук. Дамир отдает себе отчет, что руководить бизнес-империей у него получалось очень неплохо, но если и возвращаться в кресло гендиректора... То в другую компанию, в другом городе, начиная абсолютно с чистого листа – без идиотской статусной мишуры

Сергеевых.

– Удачно съездил да? – вместо приветствия кидает ему Тимур, и присаживается на боковую сторону диванчика в их любимом ресторане «Си».

– Не то слово, – откликается он.

– Как она, с животиком-то?

– Боже, Тим... Да еще красивее стала. Не знаю, что это за магия такая...

Дамир, хотя и ограничивает себя в спиртном, все-таки заказывает Тимуру шампанское, чтобы отпраздновать... Все сразу. Он рассказывает брату, что девочку они решили назвать Владиславой, а еще делится своими сумасбродными планами купить доченьке первые подарки...

– Ты ее завалишь игрушками, – шутит Тим. – Хотя вряд ли можно переборщить с игрушками для девочки, знаешь...

– Ты со мной завтра не съездишь в магазин?

– Я? – делает круглые глаза Тимур.

Дамир понимает его удивление, брат детей не имеет и пока не пытается завести.

Дамиру нужна компания и мнение со стороны – чтобы он не приехал к Виталине с неправильными подарками. Вот и все.

– Основное мы с ней вместе купим, – поясняет он. – Но я думаю, ей будет приятно, если я что-то куплю сам, понял?

– Не сам, а с чуткой поддержкой незаменимого брата.

– Спасибо, – вздыхает с усмешкой Дамир, пригубив свой

апельсиновый сок.

Опыта у него мало, зато желания хоть отбавляй.

– А когда примерно рожать? – интересуется Тим.

– Через восемь недель.

– Поверить не могу, что уже так быстро.

– А мне с каким трудом верится, – признается Дамир. –

Жду этого дня и боюсь, пипец как. Такая ответственность.

– Да вы же самые круглые педанты, которых я в жизни видел. Справитесь.

Перед глазами у Дамира продолжают мелькать вывески, товары, стеллажи с детскими товарами. Нелегко ему было в разлуке с Виталиной видеть маленьких детей, их счастливых родителей, даже банальная детская колясочка на остановке вызывала в нем волнения, колола иголками упущенной возможности. Дамир всегда хотел быть отцом, однако последние годы он хотел быть отцом ребенка исключительно одной женщины – Виталины.

Когда они через два часа выходят из ресторана, опьяневшие (Тим от алкоголя, а Дамир от личного счастья), Дамир думает, что мир, черт возьми, прекрасен, если у тебя в этом мире есть такой человек, как Виталина. И родной брат.

И скоро родится ребенок.

Он забрасывает голову брату на плечо, любуюсь звездным небом.

И вдруг говорит.

– Извини, что я тогда тебя кинул.

– Чего?

Он выпрямляется, пристально смотрит Тиму в глаза. Они остановились посреди тротуара, прямо под лампой. Не дошли до стоянки такси от силы десять метров.

– Извини, что когда ты ушел, я побоялся уйти с тобой. В юности.

– А, ты об этом, – кашляет Тим неловко. – Да уже вроде бы забыли.

– Я не забыл. Я жалею, что все так получилось, Тим. Я тогда был труслом.

– Знаю. Это я хорошо помню...

– Прощаешь?

Тим делает паузу, во время которой вздыхает и начинает усмехаться, видимо, смеясь над сентиментальностью Дамира, которой обычно просто не существует в видимом спектре. Он все держит в себе.

– Да прощаю, прощаю. Пошли уже в такси.

Глава 24

Проснувшись следующим утром и позавтракав, я устраиваюсь на диванчике и беру в руки телефон. Меня накрывает аномальной благодарностью по отношению к маме и папе. Да, они у меня совсем неидеальные, а мама иногда переходит все границы... Но свою роль будущей бабушки она играла хорошо. Если у меня возникали вопросы, которые я не могла задать врачу, я спрашивала у мамы, и она своими рассказами забирала у меня беспокойство.

Здесь, на расстоянии, между нами состоялось несколько длинных, обстоятельных разговоров по телефону, которые были такими честными и близкими, что я даже снова поверила, что мы с мамой можем стать настоящими подругами.

Карина даже удивилась.

– Серьезно? Вы говорили? Она советы тебе давала? Не как обычно, а советы? – спрашивала у меня подруга по телефону.

От мамы я узнавала то, о чем редко говорят в программах о беременности, и в книгах пишут отнюдь не всегда. Она призналась мне, что искренне полюбила меня, свою дочь, уже после рождения.

Не знаю, преувеличивала мама или нет, но она назвала это «огромным розовым облаком любви», которое накрыло ее в роддоме сразу после того, как меня, кричащую малютку,

положили ей на грудь.

Она сказала, что это нормально, что я пока «больше беспокоюсь, переживаю, чем *люблю*», сказала, что не стоит давить на себя, надо уважать себя, жалеть себя.

Слова мамы меня успокоили, потому что я уже чувствовала себе немного ненормальной от постоянного чувства, что я могу навредить ребенку неосторожностью, неправильным выбором ужина, неправильной позой для сна.

Папа... Мой папа – отдельный разговор.

Он делал все, чтобы я его простила за измену матери. Скажу честно, сделать это было не так просто – из-за Дамира. Я жалела свою маму, потому что, увы, досконально знала, что она чувствовала. Можно было сказать, что нас ударили одинаковым кинжалом, бьющим прицельно в сердце и один раз – от этого не легче.

Но папа не сдавался, звонил мне сам впервые за долгие годы. Рассказывал забавные истории из детства, подбадривал, предлагал приехать в любой момент, если что-нибудь понадобится. Именно ему я впервые призналась, что ужасно боюсь стать плохой мамой. «Что, если я уже ошиблась, возможно, лишив мою малышку отца?» – спрашивала я. Он был тем, кто напоминал мне о наших с Дамиром ролях. Разрушила не я, он разрушил.

И теперь, поджав под себя ноги, я набираю номер мамы, чтобы рассказать ей про Дамира. Про наше... Воссоединение? Сдавшись, я называю это так, и последние часы пре-

бываю в тихой эйфории, чувствуя, что постепенно обретаю именно то, что ценила в своей жизни больше всего.

– Мам? Мам, привет, – говорю я громче, услышав на фоне звук проносащегося грузовика. – Тебе говорить удобно там?

– Привет, дочка, в магазин иду. Горошек закончился... Ты же знаешь папину привычку добавлять его куда надо, и не надо тоже...

– Мам, ко мне вчера Дамир приезжал.

– Правда? – старается скрыть свое изумление мама. – Ты не говорила, что...

– Получилось спонтанно.

– И как у него дела?

Снова нейтральный вопрос.

Моя мама, можно сказать, проходит тест, ведь за прошедшие месяцы я тоже стала с ней откровеннее, начала говорить о своих желаниях и претензиях прямо. Я призналась ей в том, что обожание Дамира как бы ставило меня и мои интересы на второе место. А я ведь ее дочь, не Дамир ее сын, а я! Мама обещала постараться не наседавать на меня так, стать понятливее.

– Он останется со мной, мам.

– Погоди, останется? Хочешь сказать, что вы помирились? Ничего не пойму, – возмущается она. – Вы развелись! Ты сорвалась с места, уехала не пойми куда, а теперь вы снова вместе? Уже?

– Словно ты не рада, – трогаю губу пальцем.

– И что он сделал, что ты его простила? – вопросом на вопрос отвечает мама.

Конечно, она удивляется! Она же не знает, что измена была всего лишь способом «заставить меня его бросить», не знает, что с отцом Дамира теперь связывает только родовая фамилия, и все.

– Я тебе все расскажу, постепенно.

– Дочка, это уже окончательно?

Пялясь в ковер, я едва не плачу. Плаксивость. Эмоции. Любовь. Вот это все обо мне. Вздыхая, я сначала киваю себе, потом уверенным голосом заявляю ей тоже:

– Надеюсь, что окончательно.

– Вам надо снова заключить брак и до рождения малышки...

– Знаю.

– И пусть Дамир, наконец, начнет выполнять свои функции мужа!

– То есть? – повышаю голос я.

– Заботиться о беременной жене, Вита. Пока ты там была одна, у меня сердце от тревоги сжималось каждый день! Женщина должна быть рядом с любимым мужчиной!

Вот и понеслось... Но сегодня меня мама ни капли не раздражает.

Веселит, наверное, немного.

– Я ему передам, – усмехаюсь я.

– Дочка...

– Да?

– Давай я приду домой и мы с тобой еще поболтаем...

А то стою тут перед витриной с шампанским, не знаю, что выбрать, сосредоточиться не могу, – говорит она.

– Мам! – фыркая прямо в трубку. – Что праздновать собираетесь?

– А то ты не знаешь! Ну все, до связи, – и отключается.

Я, уже откровенно смеясь, тоже сбрасываю звонок.

Беру диванную подушку и прижимаю к себе, обхватывая двумя руками. Счастье пульсирует у меня в теле, и я представляю, как большой яркий шар любви расходится по всему организму маленькими импульсами. Так я себя чувствую.

Я была готова, что Дамир вернется не с пустыми руками...

Он с самого первого дня знакомства со мной показал, как любит баловать близких. Я хорошо помню первый день вместе, который незаметно превратился в первое свидание. Сначала я показала Дамиру офис, сдерживаясь, чтобы не начать беспардонно флиртовать, он – не имея таких моральных проблем – пригласил меня поужинать. Привел в роскошное место, в котором я сразу же почувствовала себя неуместным предметом декора. В большом зале под низкими люстрами, которые я видела только в фильмах, нас встретили люди в накрахмаленных белых рубашках. Даже не посмотрев, что я пришла к ним во «дворец» в поношенном черном пиджачке и джинсах, они провели нас в боковую секцию, где находи-

лись парочки, один из мужчин отодвинул для меня кресло.

Дамир элегантно устроился напротив и, посмотрев на меня, подавил смешок.

– Ты выглядишь напуганной, – потянулся он ко мне рукой.

Накрыл ладонь, погладив сверху.

– Ты, правда, ужинаешь в таких местах? – только и выдала я удивленно.

Он выдержал паузу.

И прыснул в сжатый кулак.

– Нет, если честно. Вит, здесь ужин стоит как моя месячная зарплата, но я очень хотел тебя восхитить, – произнес он, заговорщицки склонившись через стол.

Наверное, в тот момент, рассмеявшись над его шуткой и по достоинству оценив честность Дамира, я и влюбилась в него.

– Мы можем уйти отсюда, – предложила я.

Он сузил глаза.

– Уличную пиццу любишь?

– Обожаю! – громко объявила я.

Окончательно я отдала Дамиру сердце в тот самый вечер, когда он, схватив меня за руку, поволок к выходу, даже не обращая внимание на снобов, которые смотрели на нас, как на сумасшедших.

До этого момента я считала, что повстречала одного из них. Снобов. Но Дамир был другим, он был бунтарем – однако я тогда не понимала, что бунтарем он мог быть лишь в

те моменты, когда большое око его отца было направлено в другую сторону, на других людей.

Так и не расцепив руки, мы с ним добрались до ближайшей будки с горячими пиццами и хот-догами. Он купил мне кусочек, а сам взял пирожок с капустой.

Потом, конечно, мы сходили и в тот ресторан, и в другие – не менее шикарные. Дамир показывал, какой может быть жизнь миллионера, не забывая окунать в обычные житейские радости, за которые платить не нужно. Я привыкла, что он не считал деньги, потраченные на меня, хотя порой мне становилось неловко, что он их совсем не считал...

Но я однозначно не была готова, что Дамир завалит прихожую пакетами, коробками и свертками почти неопределенной формы, а он делал это прямо сейчас, на моих глазах. Третий раз он поднимался ко мне в квартиру, нагруженный покупками. И в этот раз он нес перед собой колясочку желтого цвета.

– Дамир! – беспомощно зову его я.

– Извини, крошка. Я должен был ее купить, – он осторожно проскальзывает мимо меня в коридор и ставит коляску. – Не удержался. У меня был... – он крутит свободной рукой у виска, – типа незакрытый гештальт. По поводу коляски.

– Какой еще гештальт?

– Ну, – он мотает головой, – когда я видел коляски, я думал о тебе.

– Ого, значит, я у тебя ассоциируюсь с колясками. Инте-

ресно.

– Милая, – вздыхает он. – Тебе нравится?

– Я... Не знаю...

Обвожу гору покупок.

– Тебе не кажется, что ты немного переборщил?

– Да ну, тут все нужное. Глянь, – и начинает показывать мне коробку за коробкой, – называется «детским развивающимся ковриком», думаю, Владе понравится. А тут у нас... – читает на боковой стороне, – интерактивные игрушки, я брал до одного года, потом посмотришь, что и как. А это «стул для кормления», детская посуда, бутылочка для кормления. Пинетки, – достает с горящими глазами из кучи два малюсеньких носочка кремового цвета с кружевом.

Дамир передает мне их, я вздыхаю и прижимаю к груди, как большое сокровище.

По моей щеке катится слеза счастья.

В последние несколько месяцев я до невозможности сентиментальна.

– Погоди... Ты плачешь...

– Это особенная разновидность слез, – объясняю я, – от счастья.

Дамир делает шаг ко мне, но натывается на свои же коробки. Наложённая на другие покупки, на пол едва не падает развивающая доска. Он ловит ее, но романтический момент, увы, уже упущен.

– Мне еще пару раз сходить нужно...

– Моя квартира этого не выдержит, – замечаю я шутя, но вполне серьезно добавляю, – Дамир, не стоило так много...

– Я хотел. Это же ничего, да?

Он пытается сказать, что это его искреннее желание. И я верю, в конце концов этот человек уже хотел построить детскую площадку, когда ребенка и в проекте еще не было. Я киваю и сама ступаю к нему, обходя коробки. Выпрямляю руки и обнимаю его за плечи. Дамир холодный с улицы, но пахнет божественно.

Дамир обнимает меня в ответ.

Я зарываюсь носом в его шею, вдыхаю аромат его кожи и чувствую, как по спине бегут мурашки возбуждения.

Затем Дамир начинает водить руками по моим лопаткам, задевая тысячи нервных окончаний на поверхности кожи, и я отстраняюсь лишь за тем, чтобы не поддаться искушению окончательно. В замешательства, Дамир оставляет руку у меня на плече, не требует большего.

– Я хотел спросить, крошка, – он натянуто улыбается. – Что между нами сейчас происходит? На каком мы этапе?

– На том этапе, когда я все еще злюсь на тебя, хотя... Хотя и по-прежнему люблю.

Вижу, как его улыбка лишается напряжения, ему польстило, что я призналась. Почему бы и нет? Он отец моего ребенка и он, судя по всему, постепенно отвоевывает свое место в моей жизни. Тем не менее, я повторяю первую часть

предложения, она важнее!

– Я злюсь на тебя, Дамир, потому что если бы ты признался мне, ничего бы не произошло, понимаешь? – он убирает руку, но я перехватываю ее, сжимаю ладонь своими пальцами, призывая его услышать меня. – Я не могу перестать думать, что эта каша, которую ты заварил... Она стоила нам столько нервов, времени, столько слез. Я могла потерять мою девочку.

– Я понимаю. И мне очень жаль.

– Извинений мне недостаточно, Дамир, – перебиваю его. – Если мы попробуем снова, ты должен пообещать мне быть откровенным, не скрывать от меня ничего.

– Да, конечно!

Слова настолько легко срываются с его языка, что в это сложно поверить.

Дамир, возможно, сам не осознает, что именно путь утешения он использовал всю свою сознательную жизнь. Он не сказал брату, что не убежит с ним из дома, не сказал мне, что отец давил на него, и в итоге едва не потерял двух своих самых близких людей. От таких привычек бывает слишком сложно отказаться в один момент.

– Мне кажется, ты меня не понимаешь.

Дамир вертит головой.

– Нет, нет, детка... Я же тоже думал о нас. И я понимаю, как накосячил.

– Стой, – отстраняюсь я. – Ты должен услышать меня. В

жизни всякое бывает, Дамир. Может быть, в какой-то момент твой отец захочет вернуться в твою жизнь или вернуть тебя, или у тебя будут какие-то проблемы на работе. Ты должен делиться со мной всем, ты согласен?

Он смотрит на меня серьезно.

– Я сейчас понял, что я обещал делиться с тобой всем на свадьбе. Помнишь мою клятву? – вдруг спрашивает он. – «Обещаю ничего от тебя не скрывать», – говорит.

– Ты нарушил обещание.

– Пришло время для новой клятвы, не находишь?

– Что ты имеешь в виду?

Он вдруг становится на одно колено передо мной, в коридоре, в узком просвете свободного пространства, занятого покупками для Влады, и достает из кармана мое обручальное кольцо.

Я сняла его, находясь дома у мамы с папой, оставила в тумбочке... Оно в руках у Дамира. Интересно, как именно он его достал?! Наверное, моя мама отдала Карине, зная, что она рано или поздно приедет ко мне, а Карина – уже Дамиру. Я скрещиваю руки на груди, стараясь выглядеть не настолько ошеломленной.

Моя подруга вступила в сговор с Дамиром!

– Извини, клятвы так не работают, – говорю занудным тоном, – нельзя ее нарушить, и просто придумать новую.

– Знаю. Но мы больше не муж и жена, так? Нам предстоит создать все это заново. Поэтому это кольцо уже не подходит.

Ты вольна делать с ним что угодно, – он кладет кольцо на тумбочку рядом со мной.

– И все-таки, что это значит?

Он прочищает горло, поднимает голову и берет меня за руку.

– Вита...

Я вспоминаю, как он делал мне предложение в первый раз. Я была другой, он другим. Мы хотели ребенка, но договорились «не торопиться». Мы были счастливы тем, что нашли друг друга, буквально охмелевшие от счастья и любви.

Сейчас все по-другому.

Я теперь знаю настоящего Дамира.

И точно знаю, что он может сделать меня счастливой. Несчастной тоже может сделать. Но, к сожалению, с такой дилеммой сталкивается каждая влюбленная женщина. Она передает сердце мужчине, лишь надеясь, что он окажется тем самым, кто будет его беречь, хранить и любить.

– Ты самый важный человек в моей жизни, Виталина. Ты и наша дочь... Я обещаю тебе, что ты всегда будешь самой важной, на первом месте, я буду делать все, что в моих силах для семьи, для тебя и малышки. Я больше не обижу тебя, Вита, – Дамир достает, словно настоящий волшебник, из одной из коробок с детскими вещами, шелковую коробочку синего цвета. Он открывает ее, протягивая, держа двумя руками. Кольцо поблескивает в свете лампы. – Виталина, ты выйдешь за меня? Уже навсегда.

Кольцо маленькое, миниатюрное.

Такое, к которому ладони сами тянутся, чтобы надеть его на палец.

Но я этого не делаю.

Стою, не двигаясь, рассматривая лицо своего мужа. Не знаю, к какой магии он обратился, но всего за два дня не осталось и следа от его усталости, разбитости и отчаяния, которые я увидела у него на лице в первый раз. Знаю, что у Дамира под свитером медленно заживают синяки, а некоторые, наверное, по-прежнему побаливают, но его глаза, такие большие, и такие гипнотически прекрасные, отражают настоящее счастье.

Мне бы хотелось и себя со стороны увидеть. Разве я не изменилась с нашей первой встречи? Разве не оставила в прошлом большую часть своих страхов?

Одной рукой я поддерживаю животик – прикосновения к тому месту, где растёт малышка, уже стали необходимостью, – вторая моя рука греется в ладонях мужа.

Бывшего мужа.

Бывшего мужа, который сделал предложение и остановился в шаге от того, чтобы стать моим женихом. Круг так замыкается...

Из моего рта вырывается нервный смешок, Дамир тоже улыбается.

Я понимаю, что жизнь не перестанет меня удивлять. Я

продумывала столько вариантов того, что может быть дальше. С нами. С ним. Со мной отдельно от него.

Я прокручивала в голове наши расставания и наши воссоединения, но ни разу не прочувствовала и десятую часть того, что ощущаю прямо сейчас. Это радость, приплавленная горечью потерь, это эйфория, которую опутывает страх, это любовь с капелькой страха, что выбор будет сделан не разумом, а только душой.

Я перевожу взгляд на колечко, в центре которого переливается всеми цветами радуги бриллиант в форме сердца. Дамир знает, что я люблю банальную классику. Я люблю сердечки на четырнадцатое февраля и тюльпаны на восьмое марта, я помню дату нашей первой встречи и я умиляюсь, если вижу котенка. Я банальная, я обычная, но рядом с ним я никогда себя такой не чувствовала. Никогда. Никогда!

Я гоню сомнения прочь и говорю: «Да». Сначала едва заметным жестом, резко опустив подбородок, а потом и словами. «Да», – опускается между нами, и я чувствую, как сразу после этого Дамир сильнее сжимает мою руку. Кажется, у кого-то из нас трясутся ладони, когда он неловко надевает мне кольцо на палец. Может быть, у двоих сразу. Наши улыбки могли бы освятить самую темную комнату в этот момент. Мне даже чудится, что я сейчас счастливее, чем в тот первый раз...

– Все-таки ты самоуверенный гад, – бросаю я, намекая, что кольцо он тоже приобрел заранее, ожидая получить свой

позитивный ответ. – Давно купил?

– Пару месяцев назад.

Он поднимается, держа меня за руки.

– Вообще ни в какие рамки, – смеюсь я.

Дамир приподнимает мою руку, пристально смотрит на кольцо, которое только что надел на мой палец. Его взгляд сияет от смущения и радости одновременно. Я чувствую, как сердце начинает биться быстрее, когда его глаза встречаются со мной.

– Понимаешь, Вит, – отвечает он, не отпуская моих рук. – Я не мог знать, как сложится. Но каждый раз, когда думал об этом моменте, представлял, что ты улыбаешься мне точно так же, как сейчас.

– О чем еще ты думал?

– Как буду тебя целовать после.

Я чувствую, как обжигающее тепло распространяется по всему моему телу.

Мы стоим, словно неподвижные статуи, время замерло, чтобы дать нам возможность впитать этот момент в свои сердца. Я хочу, чтобы все сложилось хорошо, идеально, чтобы мы с Дамиром творили историю со счастливым концом.

Он приближает губы к моим, мир вокруг исчезает.

Губы Дамира прикасаются ко мне с невероятной нежностью, будто он хочет передать через поцелуй все невысказанные чувства. Я отвечаю на поцелуй так же нежно, сливаясь в едином ритме и волнении. В этот момент я забываю обо

всем, кроме нас двоих. Вся моя жизнь сжимается в комок у сердца, и я чувствую, как вся переполняюсь счастьем.

– Я люблю тебя, Виталина.

Я не отвечаю, не могу ответить, громко втягиваю в себя воздух, стараясь совсем не расплакаться, как слабачка. Я хватаюсь за плечи Дамира, прижимаюсь к нему и прячу свое лицо у него на плече.

Я заслужила свое счастье.

Я заслужила, черт возьми, я получу его.

После долгих и теплых объятий, Дамир снова целует меня. Его язык врывается в мой рот и зажигает внутри меня огонь страсти. Моя рука опускается на его пояс, я понимаю, как Дамир соскучился.

Глава 25

Чувствуя себя любимой, видя, как на пальце поблескивает кольцо, любуясь теплой и приятной улыбкой Дамира, ощущая его прикосновения на своей коже...

Я становлюсь собой.

Возвращается потерянная после измены способность радоваться жизни, просыпаться с улыбкой на губах, что-то планировать, о чем-то мечтать. Моя малышка все это время была моим единственным спасательным кругом в штормовом море, но оно, кажется, наконец, успокаивается до полного штиля.

Дамир делает то, с чем бы никто другой не справился настолько хорошо.

Он «сшивает» наши отношения нитками из памяти и конкретных воспоминаний. Словами, жестами и действиями дает мне понять, что хорошо меня знает, и что он ничего не забыл. Моя временная квартира постепенно заполняется его вещами, холодильник теперь всегда встречает меня самыми разными вкусами (Дамир ходит за ними, как по часам), а вечерние прогулки превращаются в романтический ритуал. Перед еще одной прогулкой, взяв и засунув мою руку под свою, Дамир говорит, что мы «ходим на свидания».

Я не отвечаю, хотя чувствую то же самое, знакомое трепыхание сердца в груди.

Мне нравится ходить с Дамиром по незнакомому городу среди незнакомых людей, чувствуя себя полным инкогнито. Но я бы соврала себе, если бы не призналась, что вместе с радостью, надеждой и другими светлыми чувствами ко мне вернулась старая добрая нервозность.

Я не переживала, что станет хуже, когда было плохо, но как только судьба дала мне подарок, опасения и страхи вернулись и подмигнули мне из темного угла. Я часто думаю, что наша с Дамиром идиллия временная, точнее, я боюсь, что все закончится новыми проблемами. Опасаюсь, что нашей любви будет недостаточно. Стараюсь держать эти дурацкие мысли в себе, стараюсь ради Влады не нервничать, не впадать в истерики, но страх при мне...

Сегодня вечером, сев на диван и положив руки на живот, я тоже позволяю себе минутку пессимизма, но даже не довожу до конца тревожную мысль: «а что если Дамир снова...» Потому что в комнату входит Дамир, он несет в руках плед – для меня.

Он согревает меня еще до того, как плед ложится на плечи, а сверху – прохладные, после прогулки, руки. Почти неосознанно я тянусь, жестом показываю, что хочу посидеть вместе, возможно даже в тишине.

– Ну что, продолжим по списку?

Дамир садится рядом, его рука опускается на мое колено. Несколько дней мы смотрели фильмы, в которых неизменно в беззаботной или комедийной форме обыгрывались

роды или первые месяцы жизни детей. Так мы с моей подругой, Кариной, планировали справиться со страхом родов. Но я все равно благодарна, что вместо Карины по телефону, у меня есть живой Дамир рядом.

Дамир выразил готовность помочь, прямо сказал, что готов обсуждать любые темы.

Но мне пока хватает, что он со мной рядом, и будет со мной, когда на свет появится Влада. Остальные – девчачьи разговоры – я веду с мамой и Кариной.

Сегодня я хочу сделать по-другому, посмотреть что-нибудь глупо-романтическое. Пока Дамир поглаживает меня по голове, как дитя, я выбираю фильм «Дневник Бриджит Джонс» с вызовом смотрю на мужа. Дамир делает большие глаза, но потом смеется и прижимает меня сильнее к себе.

– Как тебе будет угодно, малышка.

Мы устраиваемся, обнявшись, и начинаем смотреть фильм. Веселые моменты и романтические сцены заставляют нас смеяться и чувствовать себя ближе друг к другу. По мере того как сюжет развивается, обмениваемся шутками и смешными комментариями, и все кажется таким правильным, словно не было измены, развода и слез, словно мы просто поставили жизнь на паузу, а теперь нажали на воспроизведение своими руками.

Дамир нежно целует меня в волосы или в лоб, даря простые нежности.

Уделяет внимание и мне, и малышке.

Иногда поет детские песни, которые подкинул «Спотифай», прижимаясь к моему животу, да так основательно, что я даже чувствую вибрацию его голоса. В такие моменты я смеюсь и говорю ему с улыбкой:

– Что ж будет, когда Влада родится?

– Не буду отходить от нее целыми сутками, – признается Дамир, но потом добавляет. – Нет, все же буду, к тебе.

Он будет хорошим отцом.

И он должен быть юридически связан со мной браком до того, как родится Влада.

Об этом мы говорим на следующий день на кухне. Я сижу с чаем за столиком, а Дамир смотрит на чужой для него пейзаж чужой квартиры. Сейчас женитьба уже давно потеряла сакральный антураж, документы можно подать онлайн, заплатить пошлину и зарегистрировать брак в ЗАГСе в указанное время. Меня такой вариант вполне устраивает. Во-первых, из-за беременности переживания мне абсолютно ни к чему, во-вторых, я не вижу смысла праздновать наш брак. В первый раз мы с Дамиром сделали все правильно – организовали роскошную свадьбу с обилием гостей, музыки и алкоголя. Я помню, как меня поздравлял отец Дамира, как оставлял на щеке слюнявый поцелуй, желая мне «чтобы детки побыстрее родились».

Хватит, достаточно этого.

Я знаю, что юридически наш брак прерван и мы находимся в разводе.

Но для меня Дамир как был мужем и единственным мужчиной на земле, так им и остался. Можно сказать, что регистрация брака – это формальность. И меня неожиданно окутывает приятным теплом, когда и Дамир начинает говорить об этом.

– Знаешь, а я так и не смог принять наш развод. Умом понимал, но ощущение, что ты моя жена так никуда и не делось, – пожимает он плечом, повернувшись ко мне.

Я молча смотрю на него, сердце замирает от его слов. Как можно описать смесь чувств, которая волнует меня сейчас? Воспоминания о прошлом пронизывают меня.

– Да, это было странно, – наконец, я нахожу слова: – я тоже чувствовала, что мы по-прежнему связаны, несмотря на бумаги и все эти официальные процедуры.

– Но это будет приятно.

Дамир неожиданно подмигивает мне.

– Что?

– Ты – моя. Это приятно.

Спустя неделю того, что моя подруга, Карина называет «платонической влюбленностью», я позволяю Дамиру остаться в моей постели. Это происходит спонтанно. Нет, наверное, честнее будет сказать, что это происходит по-идиотски.

Вечер. Понедельник. Дамир расслабленно стелет простынь на диван, его временное спальное место, а я стою, при-

жимая к себе его подушку. Мы только что поужинали, обсудили варианты с роддомом и страстно поцеловались возле окна...

Итак, подушка.

Моя роль заключается в том, чтобы поддержать ее всего минутку, а потом отдать Дамиру. Что-то идет не так, и пока Дамир стелет диван, я принохиваюсь к этой подушке... Дальше, все как в тумане. Его запах ударяет меня по голове воспоминаниями и эмоциями, я буквально вижу его перед собой, абсолютно голого, игриво запрыгивающего на вторую половину моей кровати, чувствую на коже поцелуи, о которых я любила вспоминать, оставаясь одной – а рядом лежала теплая подушка.

Меня бросает в пот, в жар...

Возбуждение окрашивает мои щеки в стыдливый, нежно-розовый румянец. Дамир, естественно, видит, как я изменилась в лице. Он подходит ко мне, всматривается в мои, вероятно, огромные зрачки.

Забирает у меня подушку.

– Что-то случилось? – срывается с его языка. Он беспокоится.

Не думает о том, о чем я.

Я знаю, что нам нельзя, но я знаю, что я хочу и могу сделать ему приятно, позволить себе больше, и перестать делать вид, что мы не сгораем от нетерпения при виде обнаженных участков тел друг друга. Я знаю, что не запрещено его цело-

вать, и врач точно не будет против того, что я собираюсь сделать. Я хватаю его за шею и вынуждаю наклониться. Между нашими губами остается крохотное пространство в пару миллиметров. Дамир замирает на мгновение, словно в оцепенении, а потом его руки обвивают талию, притягивая меня ближе, губы резко впиваются в мои.

Мы оказываемся в объятиях друг друга, пока наши губы сталкиваются с неожиданной силой. Я чувствую, как Дамир сжимает меня еще крепче, толкает к стене, создавая ощущение безопасной пленки вокруг нас. Руками он разводит мои ладони в стороны, фиксируя одну руку над головой, а другую отводит влево.

Нетерпение не позволяет ему медлить, и он набрасывается на мои губы вновь. Руками бесстыдно скользит по моему телу, прекратив удерживать меня за запястья. Дамир шумно дышит мне в губы. Он сдерживался даже дольше, чем я, и теперь страсть прорывается в его поцелуе с особой интенсивностью. Я притягиваю его за шею, позволяю целовать меня так глубоко и долго, как ему этого хочется.

Этот мужчина...

Иногда, мне кажется, что он единственный, кто знает меня. Знал даже до того момента, как мы познакомились. Как такое может быть? Фантастика! Не знаю. Но я улыбаюсь и смеюсь, едва Дамир ненадолго отрывается от меня. Он крепко удерживает меня рядом, словно боится, что я могу исчезнуть. Но в то же время он так бережно накрывает рукой жи-

ВОТИК.

Помнит, что нас сейчас трое.

Я беру его за руку и веду в спальню – как когда-то...

Как тысячу раз до этого...

Там мы обнимаемся и целуемся на свежих простынях, в темной комнате, словно спрятанные от всего мира. Я наслаждаюсь тем, что могу отдать и взять одинаково – я любима и я влюблена. Время кажется замедленным, словно каждый момент продлевается, чтобы мы могли насладиться этой мгновенной нежностью друг друга.

– Девочка моя, – шепчет Дамир, забрасывая мою ногу себе на бедро рукой. – Я ни о ком даже думать не мог...

Я сглатываю, возвращаясь в реальность примерно наполовину...

– Ты не... – начинаю спрашивать.

– Ни разу. Ни с кем. Ты одна мне нужна.

Он целует меня в скулу, стараясь отдышаться. Вижу капельки пота на его лице, дотягиваюсь и убираю одну из них.

– Я люблю тебя, – отвечаю ему.

После того, что случилось, у меня нет никакого желания отправлять Дамира на диван. Он лениво забирает свою подушку, которую я позже назову «роковой подушкой» или как-то так, и ложится ко мне. Кровать большая, на ней мы прижимаясь друг к другу, как будто пытаемся согреться. Мне тепло и уютно в его объятиях. Его ненавязчивые прикосновения к моей голой коже вызывают дрожь и благогове-

ние, словно я снова переживаю первую встречу с ним. И он, кажется, чувствует то же самое сегодня.

Впервые за долгое время я засыпаю так быстро, не успеваю подумать о всех тех вещах, о которых обычно переживаю будущая мама. Дамир рядом – это как инъекция спокойствия, а когда его рука обнимает меня за талию – то инъекция прямо в сердце, от которой не спастись.

Я и не хочу.

Влюбленность – это кокон, в который не хочется тащить переживания.

Я укладываюсь спать на спину и, по всей видимости, сплю без сновидений, не шевелясь до самого утра. Я просыпаюсь с привычным для меня небольшим дискомфортом в пищеводе – не изжога, а так, легкий намек на нее. Делаю еще один свой обязательный ритуал, провожу пальцами по животу. Влада спит, не беспокоит мамочку. Но я чувствую ее так отчетливо, словно она лежит на мне – осязаемая, теплая, приятная, моя дочка.

Поворачиваю голову и останавливаюсь на лице Дамира. Ему тоже хорошо спится.

Морщинки разгладились, брови распрямились. На его лице сейчас нет ни забот, ни переживаний. Красивый. И он как никогда близкий, сопя в мою подушку с видом полного удовлетворения. Мне было с ним хорошо ночью. Всю ночь, словно он оберегал мой сон одним своим присутствием. Бу-

дить его я не хочу, но все равно не удерживаюсь от соблазна, тянусь к его лицу и нежно убираю со лба несколько черных как смоль волосков.

– Привет, – отвечает он, будто вовсе и не спал последние восемь часов.

Попавшаяся на горячем, я молниеносно отстраняюсь, стараясь сделать вид, что ничего такого не делала, не рассматривала его пристально... Знаю, что в нашем случае условности давно и окончательно сняты, но неловкость никто не отменял. Я вздыхаю и отворачиваюсь.

– Мог и сказать, что уже проснулся, – ворчу, натягивая на плечи халат, который висит на спинке стула возле меня.

– Напугал тебя?

Его рука тянется ко мне, накрывает бедро. На мне, если не считать попыток надеть халат, только майка для беременных и специальное белье. Рука, которую Дамир виртуозно кладет на голую кожу, чуть стискивая пальцы, бросает меня в воспоминания о ночи, о том, как этими пальцами он касался меня, вынуждая почти просить, чтобы продолжал...

– Не переживай, я тоже рассматриваю тебя, когда ты спишь.

Я фыркаю от такого заявления.

Потом все-таки добавляю:

– Это странно.

– Нет, это романтично.

– Нет, странно, учитывая, что я закрываю двери на за-

мок, – шучу я.

– Ничего ты не закрываешь, крошка.

На самом деле – нет – не закрываю.

И в первые дни Дамира здесь я иногда и сама вставала посреди ночи. Убеждала себя, что мне нужно сходить в туалет или выпить воды, а по дороге бросала взгляд на спящего Дамира. Иногда «бросала взгляд» растягивался на десять минут.

– Так ты заходил ко мне?

– Пару раз. Прости?

Вряд ли ему стоит извиняться за то, что скучал. Или за то, что переживал. Я взмахиваю рукой, мол, проехали тогда. Хотя на самом деле мое сердце начинает биться быстрее. Перед его изменой, перед катастрофой, которая утащила нас в водоворот страданий, мы с ним перестали говорить друг с другом вот так. Перестали шутить, делать комплименты, показывать свою любовь, делать приятно.

Я, можно сказать, переживаю второй медовый месяц, но он даже слаще первого.

– Не уходи, пожалуйста, – просит он.

Развернувшись, я долго смотрю в его глаза, а он в мои.

– Нет, – отвечаю.

– Ну ладно, – ненавязчиво отвечает Дамир. – Я-то хотел по-хорошему, – добавляет с озорной улыбкой, – учитывая твоё особенное положение, крошка...

– Что ты...

Мои слова превращаются в возмущенный писк, а руки Дамира гораздо крепче берут меня за ноги, не оставляя выбора, не позволяя уйти от него. Он прытко поднимается с постели, встает на колени и забрасывает мою правую ногу, которую я уже успела поставить на пол, к левой, остающейся на кровати. В таком положении он устраивается возле меня. Смеется.

– Я твоя пленница? – тоже улыбаюсь.

– Разве что на несколько минут.

Дамир ложится на бок, возле моих ног, берет мою пятку в ладони и начинает медленно массировать. «Боже!» – хочется сказать мне. Отекшие ноги и лодыжки, кажется, готовы начать поклоняться рукам Дамира. Они нежные, но твердые, а мои ноги – слишком чувствительные – мгновенно расслабляются. Груз уходит.

– Ну как? – подначивает Дамир.

– Ради такого я бы и добровольно осталась.

– А ради этого?

Продолжая массировать мне пятку, Дамир опускается и оставляет отпечаток губ у меня на лодыжке, потом выше, еще один возле колена. Рука Дамира продвигается выше, явно не желая останавливаться. Но до того момента, как мы пережим черту, он снова возвращается к массажу. Смотрит на меня так, будто считал все мои мысли правильно. Я собираюсь сказать ему, чтобы «не смотрел на меня так», но отвлекаюсь на шевеление малышки. Ее движения приносят небольшой дискомфорт и просто огромное облегчение – все

хорошо.

– Проснулась? – кивает Дамир на живот.

Он в этом идеальный? быстро соображает, все отлично запоминает, чутко чувствует не только меня, но и даже нашу малышку.

– По ней можно сверять часы.

– Приготовить тебе зеленый чай?

– Не откажусь, – киваю я.

Дамир щекочет мою стопу, прежде чем встать и пойти на кухню. Уйти, оставив меня нежиться в той ауре тепла и любви, которую Дамир построил между нами.

Я опускаю взгляд на руку, на ней кольцо, обозначающее нашу новую жизнь. И мне кажется, что никогда еще я так сильно в нас не верила. Но... Как часто случается в жизни в моменты абсолютного счастья, судьба вдруг решает, что еще не до конца испытала нас с Дамиром на прочность.

Глава 26

Я не забыла, что в моей жизни до недавнего времени был близкий друг.

Я переживаю, как там Сергей.

Дня не проходит без мыслей о нем.

Несколько раз я порывалась пойти к нему, попросить прощения, что так получилось с его цветами, наладить контакт. Но в редкие моменты, когда Дамир отпускает меня одну на улицу, я не нахожу в себе столько смелости, чтобы постучать в двери Сергея. Вспоминаю вместо хороших дней плохие, вспоминаю, как он унизил Дамира, не попытавшись понять, и прохожу дальше; а потом, уже в своей квартире тяжело опускаюсь в кресло, начиная ругать себя, за то что снова струсила.

Мне не хватает Сергея.

Но я не говорю об этом Дамиру.

В конце концов, он лишь косвенно виноват в нашей с Сергеем ссоре, но не прямо.

Сегодня, дойдя до квартиры Сергея, я снова замираю. Страшно? Да. Но в микрофоне Катя заканчивает свой рассказ о пережаренном куске мяса в каком-то элитном ресторане, и я плаваю между ее словами и своими чувствами. Я просто не даю своему страху до конца сформироваться, и ставлю на пол сумку.

Когда-то же мне придется постучать, так?

Я скоро стану мамой и я бы хотела, чтобы малышка, когда подрастет, познакомилась с Сергеем тоже. Иногда я даже подумываю, а не сделать ли его крестным Влады (но почти сразу вспоминаю, что Дамир его на дух не переносит, а я с Сергеем так и не помирилась). Крестный – видимо, перебор.

Но так по-глупому вычеркивать его из своей жизни – это точно не про меня.

Я прочищаю горло и говорю Кате, что у меня появилось срочное дело.

– Вит, мы с тобой итак редко видимся, ты чего? – смеется Катя.

– Мы видимся каждый день.

– Это другое.

– Правда? – тоже усмехаюсь я.

– Работа мешает общаться!

Я все-таки прощаюсь с Катей, хотя с обещанием перезвонить ей сразу как закончу со своими «срочными делами». Сбрасываю звонок, кладу телефон в сумку и... Стучу. Звонка у Сергея нет. Но он точно меня услышит. Если вообще дома...

Уже после этого до меня доходит, что я не придумала речь, даже не спланировала, что конкретно буду говорить. Боже... Я даже думаю, а не сбежать ли до того, как он покажется на пороге... Но мне же не пятнадцать лет! Я скоро стану матерью.

Спокойно, спокойно.

Мне кажется, что я слишком громко дышу, и что волнение мое просачивается под двери. Наконец, замок щелкает и в мои глаза смотрит Сергей. Он не изменился за это время, стрижка такая же короткая, а на щеках его излюбленный вариант «вчерашней щетины». Дамир всегда гладко выбрит, и мне очень удобно его целовать.

– Привет, – здороваюсь первая.

– И тебе доброго денечка.

Мое приветствие звенит, а его почти сразу растворяется.

Он не рад меня видеть.

– Мы давно не виделись.

– Не стоило тебе приходить, Вит.

– Почему? – стою и моргаю.

Он так отстраненно держится.

Собственно, Сергей даже из квартиры не выходит. Как будто к нему пришел какой-нибудь надоедливый контролер или показания счетчика спросили. Его реакция остужает и мой пыл, но я решаю все-таки сказать, ради чего, наконец, пришла.

– Сергей, я извиниться перед тобой хотела. Ты можешь не одобрять мой выбор, можешь считать, что я поступаю неправильно, но... Мы же были друзьями.

– Разве? – хмурится.

– На что ты намекаешь?

– Боже, – начинает он иронично усмехаться. – Ты хотя

бы со стороны на это все посмотрела, Вит. Приехала с разбитым сердцем и ребенком, позволила помочь себе, звала гулять вместе, обедать вместе... Рассказывала, какой у тебя муж кретин, что я должен подумать?

Смотрю на него большими глазами, не знаю, что ответить...

– А что ты подумал? – в итоге спрашиваю. – Что меня надо пожалеть?

– Пожалеть, пригреть, взять к себе.

– Я не кошка, чтобы меня к себе брать!

– Почти кошка, – пожал он плечами. – Одна в чужом городе и с ребенком на подходе. Ты думала, без меня справишься?

Я сглатываю.

Не только слюну, но и свои надежды, что у меня был настоящий друг.

Какой же я была дурой!

Ну ясно. Все понятно. Он считал, что за его услуги я должна была заплатить.

Как мерзко и низко.

– Я думала, что у меня появился близкий человек, которому не все равно.

Он отводит руку в сторону, мол, «ничем не могу помочь, все было не так». Я киваю, не знаю, что еще ему сказать, такому злему, закрытому, и старающемуся меня унижить. Взявшись за сумку, я отхожу от него, не сказав ни одно-

го слова. Спустия семь или восемь ступенек позади раздаётся стук двери. Такой резкий и громкий, что я вздрагиваю. Странно, что на меня не посыпалась пыль с потолка. Я на полном автомате захожу в квартиру, кладу ключи на столик, перевожу дыхание. Мой нос щекочет запах жареной свинины, мои рецепторы улавливают Дамира на кухне. Я медленно успокаиваюсь и перестаю злиться.

Где-то на середине между страхом и радостью меня и застаёт Дамир.

Он держит в руках лопатку, которой переворачивает мясо. Радостный, почти счастливый. Его губы находят мои, как будто и не было месяцев разлуки.

– Как сходила? – спрашивает он, оставляя руку у меня на спине.

– Это было... немного тяжело, – отвечаю я, намекая на то, что с довольно крупным животиком я уже не такой хороший марафонец, как раньше. – Но интересно.

– Вечером обещали снег.

Дамир помогает мне снять куртку.

– Правда?

– Можем спуститься, погулять.

– Или постоять на балконе, – предлагаю.

– Или постоять на балконе, конечно.

Дамир протягивает мне руку, зовет пойти на кухню, попробовать его «королевский ужин». Я использую давно проверенный метод «не думать» о проблемах, чтобы не портить

нам вечер. Проблемы, в данном случае Сергей, остались на другом этаже.

Глава 27

Книги по психологии, которыми меня в свое время пичкала мама, дали мне много интересных знаний. Большинство из них, конечно, были исключительно теоретическими. Но сегодня, проснувшись с дико неприятным, почти трагическим предчувствием, я вынуждена констатировать, что травмирующий опыт существует. И он способен играть с нашим подсознанием. Иногда жестоко играть.

Не до конца проснувшись, я нахожу руку Дамира на своей талии, сжимаю его ладонь и подтаскиваю ближе к себе. Обнимаю себя его рукой, но знаю, что он был бы не против. Снова прикрываю глаза, пытаюсь вспомнить, снилось ли мне что-то плохое.

Вроде бы нет.

Сегодня мы с Дамиром собираемся оформить наши отношения в ЗАГСе по заявке, поданной две недели назад. Я совсем не чувствую себя невестой, но я чувствую себя любимой. И счастливой. Мы с Дамиром напланировали на этот день кучу дел, собираемся сходить в ресторан, устроить небольшую фотосессию, но плохое предчувствие меня не отпускает. Даже в этой постели, рядом с любимым мужчиной.

Я перелистываю все эти книги по психологии у себя в голове, словно папки с файлами, и, наконец, нахожу нужную. В ней какой-то авторитетный психолог, имени которого я уже

не помню, рассказывал о травмирующих событиях в повседневной жизни. Принято считать, что травма у человека возникает вследствие серьезного стресса и трагедии, писал этот специалист, но это не так. Даже повседневные заботы могут становиться травмами, а триггерами этих событий – определенные места, годовщины или люди.

Моя травма – это едва не потерянная малышка, а ЗАГС – то место, куда я вопреки необходимости, не хотела бы возвращаться. Я слишком хорошо помню свое отчаяние, я помню Дамира, который, идя со мной рука об руку, был как никогда далеким и отстраненным. И пусть сейчас он теплый, любящий и заботливый, а здание совсем другое, слово «ЗАГС» всегда будет отзываться в сердце холодом и грустью. Вот почему мне паршиво, хотя на пальце поблескивает красивое кольцо.

По всем канонам я должна быть счастливицей. Беру телефон, а там меня поджидает сразу четыре сообщения – Катя поздравляет «с днем свадьбы», пафосно-то как! День свадьбы... Я о нем ни разу в таком ключе не думала, но мне приятно!

Второе сообщение от Карины, в котором она в весьма фривольной форме советует, какой я могу сегодня преподнести подарок Дамиру. Прямо с утра. Что за человек?!

Третье сообщение – от Тима, брата Дамира, он прислал мне отвратительно-милую картинку с зайчиком и обручальным кольцом. Мое сонное сознание никак не может уловить

связь между зайцем и свадьбой – это он специально издевается.

Самое свежее сообщение от мамы, она пишет: «Мы с тобой, девочка наша! Пусть у тебя сегодня будет лучший день!»

Вся моя родня, очевидно, считает регистрацию брака важным шагом, и я впервые за утро отвлекаюсь от своего предчувствия, задаваясь вопросом, а почему я сочла, что это рутинная? Дамир и я через несколько часов юридически вернемся в статус семьи и это... важно.

– Доброе утро, невеста.

И Дамир туда же. Хотя от его слов у меня мурашки по всему телу.

Его рука скользит под одеяло, касается меня под футболкой, гладит по животу, но затем поднимается к груди. От его ласк я закусываю губу, чтобы вслух не застонать. Я должна велеть прекратить, потому что... Дел много, нежиться некогда, но я слаба, как я чертовски слаба с ним.

Вместо того чтобы встать, я прижимаюсь к груди Дамира спиной, чувствую его интерес и неожиданно решаю воспользоваться советом Карины (все-таки она на меня плохо влияет). Спустя пять минут я отрываюсь от Дамира, покрасневшего и вспотевшего. Он скользит по моему телу влюбленным взглядом, ласкает глазами с огромными зрачками. У меня вырывается признание, он отвечает, что тоже любит меня.

– Кстати, – задумывается Дамир, – а как ты относишься к сексу до свадьбы?

Я бью его подушкой в ответ.

Я стараюсь сохранять позитивный настрой все то время, пока собираюсь, пока еду в автомобиле и даже когда поднимаюсь по ступенькам ЗАГСа. На улице мороз, а внутри так тепло, что мне хочется снять куртку. Я расстегиваю ее, надеясь, что регистрация не займет много времени. Рука Дамира лежит у меня на плечах, и он кажется таким довольным и расслабленным...

По крайней мере, до звонка телефона.

Смартфон в его кармане начинает вибрировать и издавать неприятные, резкие звуки. Он поставил на этого абонента отдельный сигнал, и звонит он, судя по всему, нечасто. Дамир смотрит на экран, замирает, но берет себя в руки.

– Я на секунду... Это по работе, – он помогает мне сесть в холле, а сам отходит на несколько шагов, заходит за колонну и отвечает кому-то: «Я слушаю».

Мне не нравится его интонации.

Не нравится звонок.

Не нравится, что нас так нагло прервали.

Сначала я вижу только кусочек спины Дамира, но потом не вижу и этого... Волнение поднимается к моему горлу, я начинаю смеяться, осознавая, что с нашими попытками выйти замуж и развестись что-то постоянно не так. Кладу руки на животик и начинаю беседовать с Владой. Все хорошо, го-

ворю я ей, папа скоро вернется, и мы уйдем.

В холле кто-то резко закрывает двери. Мне их не видно за еще одной колонной.

Дамира все еще нет. Так, я начинаю серьезно волноваться. Тянусь за сумочкой, чтобы позвонить, спросить, что происходит? Я слишком много пережила за эти несколько месяцев, и всевозможные страхи возвращаются проторенными дорогами в мое сознание. Я уже нажимаю на кнопку вызова абонента, когда вижу, как передо мной появляется силуэт человека, которого я боюсь больше всего.

Алексей Владимирович Сергеев.

Отец моего мужа.

Дедушка моего будущего ребенка.

Психопат – и это я выделила бы жирным шрифтом, если бы пришлось когда-нибудь составлять характеристику Алексея.

Он идет ко мне, уверенно переставляя ноги, как акула. Возраст на нем абсолютно не отражается – даже и не скажешь, что разменял шестой десяток.

– Привет, Вита. Давно не виделись с тобой, – он садится рядом.

У меня ощущения, что я впервые вижу этого человека. Поправка – настоящим. Как все-таки играет с нами восприятие, Алексей даже рубашки носит одинаковые, но после всех ужасов, которые о нем открыли сыновья, я совсем не узнаю

его.

И куда запропастился Дамир?

На секунду я утопаю в панике, что все это спланировано... Что Дамир приехал ко мне, вынудил меня простить его, почти сделал своей женой, чтобы отдать Владу своему отцу-тирану... Паника сжимает горло, потому что спустя столько месяцев лишений и надежд я оказалась там, где и была вначале. Алексей, от которого я всеми правдами и неправдами держалась на расстоянии, сидит в полуметре от меня.

– Поздравляю, – кивает он на мой живот.

Спрятать его не представляется возможным даже под плюс-сайз курткой.

– Случайно зайти решили? – вырывается из моего рта саркастическое заявление.

Внутри дрожу, но всеми силами строю из себя боевую девочку.

– С тобой повидаться хотел, – простодушно заявляет он. Приходится напоминать себе, что он – чудовище. – Познакомиться с внучкой своей хотел.

Откуда он знает, что у меня будет девочка? Моя голова сейчас разлетится на части от напряжения. И где Дамир?!

– Вита, – начинает он мягко так, накрывая мою ладонь своей рукой, – мне кажется, что нам нужно поговорить с тобой. Я знаю, что мои сыновья кое-чем с тобой поделились. Но я уверяю тебя, что они... Они преувеличили, серьезно.

– Преувеличили? – поднимаю брови.

Мне хочется уйти. Но далеко ли я уйду на восьмом месяце беременности?

Я все-таки поднимаюсь.

Не желаю я ничего слушать.

Поднимаюсь и чувствую глухой хлопок где-то в животе. Ощущение такое, будто напряженные внутренности вдруг расслабились. Я вроде бы что-то такое читала... Но что? Голова болит, эмоции мечутся по черепной коробке, мешая мне все осмыслить. Ответ приходит вместе с теплой жидкостью, которая стекает по внутренней поверхности моих бедер под джинсами. «О нет!» – единственное, что приходит мне в голову. Еще слишком рано!

Когда-то мы, конечно, посмеемся над нелюбовью Влады к ЗАГСу, посмеемся и над тем, что девочка определенно склонна к феерическим появлениям, даже если они до ужаса пугают мамочку. Но это все будет позже, а сейчас я до смерти напугана – и не хочу ехать в больницу с этим человеком. Но что мне остается? Дамира нет, а Алексей подхватывает меня, что-то говорит мне в самое ухо... Мне кажется, что я сейчас потеряю сознание. Но делать этого мне ни в коем случае нельзя.

Я должна все контролировать.

– В роддом? – спрашивает Алексей.

Я киваю и даю ему проводить меня до самых дверей. Я сажусь во внедорожник, на заднее сидение, обнимая животик и призывая Владу подождать еще немного. Если доедем до

роддома, будет легче. Там я скажу медикам, чтобы никогда не подпускали ко мне этого человека. Несмотря на боль, я внимательно слежу за ним и ни на один процент не верю, что он переживает за меня. Разве что переживает, как за сосуд, который вынашивает его внучку. Не получит он ее!

– Вита, все будет хорошо.

– Куда ты дел моего мужа? – спрашиваю я, отбросив мнимое приличие.

Первый шок прошел, и я возвращаюсь к константе своего нового мира – Дамиру. Он бы не стал меня предавать. Если он не рядом, значит, не может быть рядом.

Но где он?!

– С ним все нормально. Я хотел поговорить с тобой с глазу на глаз...

Я отстраняюсь, Алексей пытается обнять меня за плечи. До чего же больно...

До чего противно находиться с ним! Сбывается мой худший кошмар, в чужом городе мне абсолютно не к кому обратиться. Внедорожник несется по улицам, унося меня прочь от Дамира.

Я держусь. Держусь ради Влады, хотя внизу живота все горит огнем, тянет до ужаса просто, и согнуться хочется, и упасть на спину, лишь бы боль прошла...

Я успеваю увидеть перед собой здание родильного дома, а потом на мое сознание начинает медленно наползать тьма.

Дамир просыпается на холодном асфальте.

На дороге...

Просыпается от пощечины.

Так его пытается привести в себя женщина в ярко-розовой куртке.

– Вы как? Скорую вызвать?

Первое, что он чувствует, холодный ветер на лице.

Дамир резко распахивает глаза, и воспоминания загружаются в его голову быстро и последовательно. Виталина, Влада, его отец. Он поднимается, невпопад благодарит женщину, которая не прошла мимо. Дамир, конечно, и сам по себе очнулся бы, но время... Все решало время. Эта незнакомка, возможно, поможет ему спасти ситуацию, спасти Виталину.

Вернувшись в холл, Дамир никого там не находит. Это было бы чудо, если бы Вита ждала его здесь, но он все равно психует. Дамир набирает номер Виты, но и здесь интуиция его не обманывает – телефон отключен, как он и опасался.

Выйдя на свежий воздух, Дамир шагает к авто, стараясь игнорировать эмоции, игнорировать страхи. В голове у него творится целое цунами, но если он позволит себе подумать об этом, то страх станет парализующим. Он мыслит, как мыслит отец. Ему нужна не Виталина, ему нужна Влада. Они обе пока что в безопасности. И время до родов – его золотой час, чтобы вернуть свою семью.

Он набирает брату.

К счастью, он хотя бы на месте, и телефон не включил на

беззвучный режим.

– Приветик, уже можно поздравлять счастливых молодоженов? – спрашивает брат. Дамира раздражает его легкомысленный тон просто потому, что он уже весь на иголках. – Шампанское купил?

– Он здесь. Отец.

– Что?

В салоне становится теплее, Дамиру кажется, что размораживается и его способность думать. Отец нашел их по регистрации в ЗАГСе. Точно. Не стоило им с Витой подавать заявление онлайн. Дамир потерял бдительность, разнежился, успокоился в умиротворении, которое на него накатывало рядом с женой.

Видимо, отец пробил их фамилии по закрытым базам, осознавая, что они захотят расписаться еще до рождения Влады. Дальше дело техники – позвонил Дамиру, вынудил его отойти (а тонкий все-таки ход, Дамир не стал бы говорить с ним при Вите, чтобы не волновать лишний раз), а потом отвез ее куда-то.

– Он забрал Виталину. Я отключился, когда меня по затылку шарахнули камнем.

Дамир смотрит на себя в зеркало заднего вида, замечает свежую ссадину под глазом. Скользит рукой по затылку и чувствует запекшуюся кровь в волосах.

Кровотечения вроде нет.

Жить будет.

– Охренеть. Полный абзац.

– Полный абзац был бы, если бы я не подготовился, – Дамир впервые с момента прихода в себя немного усмехается. Веселья он не чувствует, но мысль о мести отцу неожиданным образом радует.

– Документы, – подхватывает Тим.

– Да. Я сейчас заеду, распечатаю копии. Ты держи, пожалуйста, при себе оригиналы. Он быстро догадается, что я отдал их тебе. И постарается забрать.

– Конечно, догадается, других друзей у тебя же нет.

– Если ты их просрешь, я тебя убью, Тим. Я серьезно говорю...

– Успокойся, выдохни, – перебивает Тим. – Я тоже переживаю за девочек.

– Ладно, – соглашается Дамир.

Перед тем как поехать к Вите и порвать все связи с отцом несколько месяцев назад, Дамир решил немного перестраховаться. В свой последний рабочий день в компании отца, используя полноценный пропуск, Дамир скачал на флешку информацию обо всех его мутных делишках. Надо сказать, что мутных дел оказалось даже больше, чем он ожидал...

Одни могли заинтересовать полицию, другие – прокуратуру, а третье – если показать их нужным людям – создали бы отцу смертельных врагов в лице конкурентов. Отец играл нечестно, он никогда не играл честно. И теперь, вооружившись бумажками, Дамир собирался отправиться на перегово-

воры с отцом.

Компромат в обмен на Виталину.

Он заехал в наименее приметный магазинчик с принтером и попросил распечатать первых десять страниц похищенных из офиса файлов. Этого достаточно, чтобы отец осознал, Дамир не просто так угрожал ему. Если потребуется, он без промедления опубликует файлы – отец уже давно стал для него чужим человеком. Никем.

По дороге к автомобилю, Дамир вспоминает, как просрал жизнь и любовь, чтобы угодить ему. Дамиру кажется, что план с Мартой придумывал другой. Ему от одной мысли, что Виталине может быть больно самому паршиво. Где бы она ни находилась, ей точно страшно, плохо и некомфортно. Дамир подгоняет сам себя, чтобы побыстрее вытащить ее из лап отца.

Хлопнув дверцей, Дамир отъезжает от магазинчика на двадцать метров.

Останавливается под низким деревом, переводит дыхание и нажимает на иконку с номером отца. Вряд ли это будет легко или приятно, но Дамира тешит мысль, что нелегко будет не ему одному, а и отцу.

Он прикладывает телефон к уху.

Глава 28

Больно. Слишком больно, чтобы думать...

Мне больно и из-за этого я даже перестаю переживать обо всем на свете.

Алексей придерживает меня за плечи и передает врачам, на лицах которых отчетливо виден рафинированный холодный профессионализм. Другого мне и не нужно.

Если бы Дамир был здесь...

Ох, если бы он был, я держала бы его за теплую руку, смотрела ему в глаза и чувствовала себя гораздо лучше. Но я одна. Чтобы немного прийти в себя, я вспоминаю, что в начале беременности я и планировала рожать сама. Сейчас это кажется катастрофой, а тогда – нормой.

Главное – моя дочь.

Меня сажают в кресло-каталку...

Я мельком замечаю, что здесь очень дорогая отделка, и врач, который склоняется надо мной, носит зеленую униформу, а не врачебный халат. Алексей привез меня в частный роддом, и я пока не могу понять – это хорошо или плохо.

– Какая неделя? – деловито спрашивает врач. – Первая беременность? Были какие-то проблемы в процессе вынашивания?

Я как раз собираюсь сказать, что едва не потеряла Владу на ранних сроках, как живот скручивает новый спазм. Схват-

ка. Они становятся чаще и сильнее. В книгах о беременности сокращение частоты схваток называют верным признаком скорых родов. Боже, неужели именно так все и случится? В непонятном месте с непонятными людьми, еще и с Алексеем где-то поблизости. Я хватаю за руку врача, он смотрит на меня взволнованно.

– Только не отдавайте никому мою девочку. Никому, – повторяю я. – Тот мужчина, что меня привез... Он никто. Если будет говорить обратное, не верьте.

Он щурится.

Замечаю, что моему акушеру лет сорок. Но судя по лицу, ему почти никогда или очень давно не говорили таких слов. Я сама знаю, что звучу словно сериальное клише. Но в чистоту намерений Алексея я не верю совсем – лучше перестраховаться.

– Конечно. Значит, у вас девочка? – мы возобновляем движение.

Он пытается меня отвлечь... Снова возвращается к стандартным вопросам. В какой-то момент я, не выдержав, вскрикиваю, наклоняюсь вперед, едва не выпав из коляски. Не знаю, все происходит быстро или медленно, мне так больно, что реальность я начинаю воспринимать не целостно, а слайдами. Внезапно оказываюсь на кушетке и заботливые женщины начинают руководить моим дыханием, и моими движениями.

Осознаю, что меня переодели.

Но когда – не помню...

– Шейка матки сглажена, открыта, – переговариваются между собой врачи.

– Она рожает. Какая неделя?

– Тридцать вторая.

Слушаю их лишь отчасти...

– Вита, выдыхай воздух маленькими порциями, ритмично так, – и рыженькая пухленькая медсестра показывает на себе.

Да знаю я, как рожать!

В книгах читала об этом раз пятнадцать. Но на практике это сложно.

Они продолжают говорить со мной. Точнее, говорить мне, что делать. Когда напрягаться, когда расслабляться. Выглядит, как настоящая группа поддержки. Одна из женщин даже подходит ко мне и вытирает пот с лица салфеткой.

Все вокруг меня становится размытым, так что я сосредоточиваюсь на их голосах, которые наполняют все пространство. Они подбадривают меня, они дают мне веру.

– Все будет хорошо, Виталина, давай, еще немного... Ты умница, ты справишься!

Мужчина, который вез меня в коляске, тоже здесь, готов помочь Владе родиться.

Я не спросила, как его зовут...

Еще один приступ боли, еще раз мне велят постараться.

Кажется, что эти мучения никогда не закончатся. Истери-

ческая мысль, я понимаю, но на другую я пока неспособна.

Хватаюсь за кушетку, надеясь протолкнуть ребенка.

Откидываю голову назад и утыкаюсь глазами в безумно яркую лампу на потолке. От нее в глазах сразу же появляются белые круги. А потом я чувствую это, чувствую, как ребенок выходит, слышу, как врачи начинают подбадривать меня, просят сделать несколько попыток... Суетятся, радостно смотрят. Дело почти сделано, ведь так?

Все заканчивается за секунду.

По моему лбу стекает капелька пота, я даже не замечаю ее...

Мои глаза прикованы к малюсенькому человечку на руках у акушера. В глазах по-прежнему мутно, но я вижу ее. Вижу, мою маленькую девочку, слишком маленькую, но полностью сформированную.

– Вы сделали это, Вита, все хорошо, все уже хорошо, – говорят мне.

– Почему она не плачет?!

Я сама не замечаю, как срываюсь на крик. И эти секунды, клянусь, длятся невероятно долго, вечно. Я успеваю возненавидеть себя за то, что не позаботилась о ней, как следует. Я виню себя, что родила раньше срока... Мыслей так много, что я хватаюсь за голову, чтобы успокоиться. Но все они рассеиваются, потому что Влада кричит. Она кричит и я от облегчения, не рассчитав силы, резко падаю на кушетку.

На меня накатывает вселенское облегчение.

– Вот ваша красавица! – мне дают Владу в руки. Осторожно, словно я могу что-то сломать одним своим прикосновением, я беру ее, устраиваю на груди. Смеюсь, наблюдая, как малюсенькими ручками она тянется ко мне. Первая мысль: как мы могли создать такое чудо? Мы с Дамиром.

В этом маленьком тельце целый мир, который я с нетерпением хочу узнать и освоить. Не прекращая плакать от счастья, я начинаю покачивать Владу, как читала в своих книжках. Этот момент идеален. Если бы только Дамир был здесь...

Дипломатичность у Дамира от отца.

Он абсолютно не удивлен, что отец предлагает им встретиться в кафе за обедом, чтобы «обсудить сложившуюся ситуацию». Не будь у отца Виталины в заложниках, он бы послал его в одно известное место, а не пошел на переговоры... Но в назначенное время Дамир приходит и садится за свободный столик.

Что ему еще остается.

Есть Дамиру не хочется, пить тоже...

Желудок сжался и чувствуется как кирпич. Но Дамир, не желая привлекать к себе лишнего внимания, доброжелательно заказывает у подошедшей официантки чай и кусочек лимонного пирога. Поблагодарив девушку, он утыкается в белую скатерть.

Не хочет злиться, а злится, что отец еще и заставляет его

ждать.

Он в это время планировал праздновать с Виталиной их официальный брак, планировал держать ее в объятиях и шептать на ухо нежные глупости, потому что так он себя и чувствовал сейчас...

Где это все? «Да черт возьми», – бросает он, снова посмотрев на вход...

Лишь бы с Виталиной и малышкой все было хорошо. Об этом Дамир думает чаще всего. Не в силах отогнать от себя беспокойство, просто не в силах прекратить воспроизводить в голове лицо жены таким, каким оно было перед разлукой... Нет, отец не навредит им, у него не такая цель. Он приехал вернуть Виталину, малышку в свою орбиту влияния. Собирался ей врать, обещать золотые горы, подкупать, возможно, и угрожать.

Но откуда он узнал о ребенке? Дамир молчал, брат молчал, Карина тоже не стала бы говорить. Единственными людьми, кто знал о беременности, но был не в курсе биографии Алексея Сергеева, остаются родители Виталины. Они могли предать ее, даже не осознав факта предательства... Но Виталина, вероятно, и им говорила держать язык за зубами...

Ответ на вопрос о личности крысы появляется спустя секунду... Отец входит в кафе – и здесь ничего необычного. Он такой же, как и всегда. Уверенный в себе, в том, что ему никто даже перечить не станет. При ходьбе он держит под-

бородок высоко, а на людей смотрит сверху вниз – благо рост позволяет.

За ним идет Марта – но и она не особенно удивляет Дамира.

Когда он увольнялся из компании, Марта уже взяла за привычку находиться у отца под столом несколько раз в неделю, расширяя грани сотрудничества с ним, (а возить с собой любовниц в загородные поездки – фишка отца, знакомая Дамиру с юности). Но третий человек... При взгляде на него Дамир на автомате поднимается на ноги. Вся его дипломатичность утекает в никуда... Еще этого придурка не хватало.

– Ты что тут делаешь? – спрашивает Дамир агрессивно.

Сергей усмехается и подтаскивает к столику четвертый стул, для себя.

Дамир продолжает сверлить его взглядом, пока отец и Марта усаживаются рядом. Этот козел, которого Виталина считала своим другом, работает на его отца? Он шпионил за ней, докладывал обо всем Алексею Сергееву. Не родители Виталины выдали ее отцу, а этот... Кусок дерьма!

Дамир тянется к Сергею и хватает его за воротник свитера под расстегнутой курткой... Так сильно хватает и тянет на себя, что Сергей, потеряв равновесие, едва не валится на их стол. Тот отъезжает по полу в сторону с громким писком, привлекая внимание всех посетителей кафе. Марта хватает перевернутую салфетницу, ставит обратно на стол. Разгово-

ры вокруг них стихают.

– Дамир, мы не дикари, отпусти его, – велит ему отец.

Дамир и на него не реагирует.

– Лучший друг, значит? – саркастически заявляет Дамир Сергею в лицо.

– Отвали.

– Долбаный предатель, вот ты кто. Виталина верила тебе!

Сергей после паузы отталкивает его и молча садится на свое место.

Официантка, которая все это время стояла в двух шагах от них с чаем и пирогом, решается, наконец, подойти. Она ставит перед Дамиром его заказ, но руки у нее, кажется, немного дрожат. Дамир не собирается срываться, но лицо Сергея по-прежнему вызывает в нем жгучий импульс дать кому-то в лицо. А он еще извинялся, что зарядил ему в подъезде... «Надо было бить побольнее», – думает он мстительно.

– Ваш заказ, приятного аппетита.

– Спасибо, – благодарит Дамир девушку.

Она хмурится, делает шаг назад и не спрашивает, хотят ли чего-то прибывшие...

– Надеюсь, ты успокоился, – обращается к нему отец. – И мы поговорим, как цивилизованные люди, да, сын мой? – он даже имеет наглость улыбнуться ему.

Боже...

Дамиру кажется, что его сейчас вывернет. От нервов и от вращения.

Улыбка отца напоминает ему оскалившуюся гиену. Она даже не скрывает его намерений, не скрывает все гнилое нутро.

Привел с собой группу поддержки. Строит из себя великого дипломата на людях. Зато оставаясь со своими сыновьями один на один, отец никогда не говорил так высокопарно, он никогда не называл Дамира «сын мой», только «ничтожеством», «пустым местом», «недостойным», «разочарованием», «подонком» и прочим...

– Где Виталина?

Отец хмыкает, тянет костлявые пальцы к его чаю. Делает мучительно медленный глоток и потом поднимает глаза на сына.

– Слишком сладкий, – кривится он.

Дамир повторяет громче:

– Где Виталина?

– Зря ты думаешь, что я ее у тебя забрал, – заверяет его отец.

– Если не забирал, то где она?

– Рожает, – заявляет отец. – Я так понимаю, ребенок будет недоношенным?

– Что ты сказал?

Дамиру послышалось.

Да? Или нет?

Виталина не должна была рожать, еще как минимум несколько недель...

Нет, быть такого не может.

Она все досконально просчитала – роды должны быть в апреле, не сейчас!

– Ты лжешь, – говорит Дамир, но его слова звучат почти как вопрос, а не утверждение. Он отодвигается, продолжая смотреть на отца в упор. – Где она?

– Я же сказал.

Дамир нутром чувствует, что отец втягивает его в какую-то игру. Но что он пытается этим добиться? Мог ли он сказать правду. Дамир понятия не имеет, были ли у Виталины предпосылки для преждевременных родов. И существуют ли эти предпосылки... Но если Вита рождает...

Дамир знает, где ее искать.

Черт возьми, если она рождает, то зачем он вообще разговаривает с отцом?

Дамир знает, где ее найти!

Отец отвез Виту в родильный дом, наверняка приватный, потому что государственную медицину отец презирает, и приехал сюда. Дамир нажимает на экран мобильного и вводит поисковый запрос.

Что ж... Город небольшой и помимо государственного роддома здесь есть частные клиники, Дамир в курсе, ведь они с Виталиной тоже планировали роды. Осталось уточнить адрес. Одна клиника находится в десяти минутах езды от ЗАГСа, вторая – на краю города, ясно.

Дамир выключает экран, достает из сумки распечатанные

бумаги, и бросает их на стол пафосным жестом, фактически прямо в руки отцу. Тот поднимает глаза на сына.

– Если ты хоть пальцем Виталину тронешь... Если еще когда-нибудь появишься на пороге моего дома или попытаешься выйти с ней на контакт... Если хотя бы помотришь на мою дочь, я опубликую все твои секреты. Это, – он кивает на бумаги, – анонс. Приятного аппетита вам.

И – не случайно – толкнув стул Сергея, Дамир почти бегом встает из-за стола и выходит из кафе. Он найдет ее. Он найдет Виту и свою новорожденную девочку.

Владу забирают врачи.

Недалеко и ненадолго, но когда ее отстраняют от меня, я чувствую, как что-то обрывается внутри. Как если бы меня и Владу связывала невидимая пуповина.

Доктор, который вез меня сюда, сидит рядом, на краю кровати.

У него в руках первые документы Влады – записи о рождении.

Теперь я знаю, что его зовут Руслан Игоревич. «Просто Руслан» – уточняет он.

– Какое-то время девочка побудет у нас, – говорит он. – Ваша дочка будет находиться в специализированном боксе, с одинаковой температурой, в тишине и спокойствии. Это идеальные условия для завершения развития за несколько недель.

Я киваю, стараюсь вникнуть во все.

Победить туман в голове, понять смысл слов, которые произносит Руслан.

– Мы проведем несколько сеансов фототерапии, чтобы помочь печени, и также может потребоваться поддержка дыхания в первые несколько дней...

– Она же будет жить? – перебиваю я его. – Ей ничего не угрожает?

«Поддержка дыхания» звучит не очень хорошо...

– Да, конечно.

Он улыбается, и я расслабляюсь.

Страх за Владу, видимо, будет еще одним обязательным спутником моей жизни.

Но если все хорошо, можно выдохнуть.

– Мы будем кормить ее через капельницу, а потом перейдем на зонд. Постепенно введем стандартное кормление через рот.

– Я смогу ее видеть?

– Разумеется, – кивает Руслан. – Это будет полезно и для Влады тоже. Можете приходить на кормление, купание или взвешивание, будете видеть, как малышка развивается, говорить с ней. Знаете, дети в таком возрасте чувствительны...

Я отворачиваюсь, когда Руслан отвлекается на мобильный.

И стараюсь погасить в себе приступ ревности. Другие люди будут делать для Влады то, что должна делать я – менять

подгузники, купать, кормить и оберегать... Я не ненормальная, я понимаю, что Влада должна находиться в руках самых компетентных людей. Но сердце все равно сжимается от мыслей, что какое-то время я не смогу быть с ней каждую секунду.

– Скоро вам ее принесут, – говорит мне Руслан, по-дружески сжимая руку. – Пока отдыхайте. Может, вам что-нибудь нужно?

– Нет. Нет, спасибо...

Он выходит и я сразу же падаю на подушку.

Медсестра сказала, что роды были быстрыми – Влада появилась на свет за каких-то пятнадцать минут – и в целом несложными. Я смотрела на нее и просто поверить не могла, быстрыми? Время на кушетке растянулось для меня буквально на вечность. До сих пор все болит... В голове сплошной туман и эйфория. Если меня так развезло после «легких родов», то как женщины переживают роды сложные?

Я смотрю в окно.

Вспоминаю Дамира.

Я бы позвонила ему, но телефон остался в сумке в машине Алексея.

Без Дамира я чувствую только половину радости, а его радость – эхом.

Все те дни, пока мы находились на съемной квартире, он повторял, как сильно хотел бы быть здесь со мной, он хотел увидеть Владу в первые минуты ее жизни. Наш идеальный

план развалился на куски из-за идиотского Алексея. Но он хотя бы ушел, как сказали врачи, не став испытывать мое терпение и дальше.

В палату стучат.

Я на долю секунды представляю, что за дверями стоит Дамир...

Что он каким-то чудом узнал, где я, почувствовал, что нас теперь трое, что в его семье счастливое пополнение...

Но в палату входит не он.

Медсестра Татьяна широко открывает двери и дает мне увидеть маленький бокс на колесиках. Внутри спит моя Влада. К ее ручкам и лицу тянутся проводки, а рядом плачет прибор, считывающий ее сердцебиение. В остальном она кажется абсолютно нормальной и здоровой. На моем лице поселяется широкая улыбка, радость распирает внутренности. Татьяна останавливается и поворачивает бокс так, чтобы он стал параллельно кровати.

– Можете пока с ней побыть, – предлагает она. – Зовите, если проснется.

– Спасибо. Спасибо вам, – шепчу я ей в спину, а сама неотрывно наблюдаю за Владой. Она такая хрупкая и беззащитная, что и дышать над стеклом не хочется... Спит, прикрыв глаза, беззаботно, мирно. Смотрю на маленькие розовые пальчики и осознаю, что уже люблю ее. Безумно люблю, без причины, просто так – потому что она наша дочь. И она плод любви, которая сумела выжить в условиях предатель-

ства, вранья, неуверенности...

– Я никогда–никогда–никогда не оставлю тебя, – шепчу я над боксом.

Влада почмокивает во сне, выбивая из меня еще один смех.

– Скоро наш папа придет. Обещаю. Скоро он с тобой познакомится и тоже не захочет тебя никогда-никогда отпустить.

Глава 29

Дамир садится в автомобиль, повторяя в уме адрес роддома...

До сих пор не может поверить, что все получилось именно так. Настолько неудачно. Отец разлучил его с Виталиной на каких-то два часа, а она за это время успела родить. «Лишь бы все было хорошо», – просит Дамир мысленно у Вселенной и заводит мотор. Пробки середины дня раздражают даже больше, чем обычно, но он не рискует сворачивать и объезжать, не зная досконально весь город... Пока Дамир едет, в салоне играет медленная лирическая мелодия.

«Не отпускай меня, только не отпускай меня», – поет девушка.

Дамир нехотя возвращается мыслями к отцу. Он так торопился к Виталине, что не выслушал его вердикт. Дамир не хотел больше ни дня вот так жить – опасаясь, что его дурацкое прошлое может постучать в любой момент и забрать у них счастье.

Он уже думал, куда можно увезти Виталину, чтобы шпионы отца не добрались до них снова. В тихий городок или даже в другую страну? Но точно не сейчас, позже. Сначала Виталина должна будет прийти в себя, а малышка адаптироваться. Дамир понимал, что их ожидают и бессонные ночи, и усталость, но он нуждался в этом. Хотел, чтобы ребенок,

а не работа, забирал его время. Хотел беспокоиться о ней, о маленьком комке счастья и тепла на руках у его Виталины, а не об отчетностях и холодных бумагах. Его жизнь была наполнена не самыми важными вещами... Работой, церемонными бизнес-встречами, боулингом с коллегами.

Он позволил отцу разрушить именно то, что имело значение. Его семью.

– Да боже, быстрее ты ехать можешь? – возмущается Дамир.

Коротко сигналит.

Хотя водитель «Мазды» впереди его не слышит и по-прежнему не торопится.

Дамир сверяется с картой на экране и вздыхает, увидев, что до пункта назначения осталось две минуты езды. Он уже видит справа трехэтажное белое здание, в котором работает клиника. Она называется «Первый шаг». Банально, если ты не новоиспеченный родитель, для которого мысль о первом шаге твоего ребенка вызывает трепет внутри живота...

Сбросив скорость, он съезжает на вторую линию и занимает единственное парковочное место. С собой у Дамира нет цветов, ни других подарков для Виты...

Разве только... Он резко открывает бардачок с забытым колье в подарочной упаковке. Он не решился подарить его Виталине в первый день в городе, но мог бы надеть на ее тонкую прекрасную шею сегодня. Примерять его вместе со своей любовью, искренней и почти безграничной.

Дамир больше не медлит, почти бежит к дверям клиники, одним махом раскрывает их и стремительным возгласом даже немного пугает молодую девушку в фойе.

– Вита Сергеева. Рожает. У вас?

Он вцепляется в стойку пыльно-розового цвета, пока девушка проверяет в компьютере, числится ли у них Вита.

Губы Дамира шепчут беззвучное: «Пожалуйста, ну пожалуйста»... Он почему-то знает, что отец не соврал. Возможно, он все же имеет связь с ребенком, или с Витой. Или с двумя его девочками сразу.

Дамир не сомневается, что у него теперь есть дочка. Осталось ее найти...

– Вита Сергеева у нас, – подтверждает работница. – А вы...

– Я ее муж.

Хотя формально нет, но Дамир не собирается объяснять, что сегодня они собирались в ЗАГС. Он отдает свой паспорт, чтобы девушка убедилась, что он не чужой человек. Ее пальцы взлетают над клавиатурой, вбивая имя в какую-то графу. Может, с посетителями. Дамир обращает внимание, что на бейджике у нее написано имя – Катерина Васильева.

– В какой она палате? Она родила? С дочкой все нормально? – Дамир не может остановиться, постукивая пальцами...

Катерина поднимает на его взгляд и, наконец, демонстрирует хоть какую-то эмоцию. Дамир не знает, что означает ее улыбка. Может, он ведет себя как-то не так? Может, новоис-

печенные отцы не теряют самообладания? Остаются холодными профессионалами, даже когда дело доходит до родов любимой жены? О, Дамиру есть на кого равняться, его дорогой папаша выбивал из него сентиментальность кулаками с детства. Он считал, что мальчики не должны плакать, хотя Дамиру казалось, что в его понимании мальчики даже чувствовать не должны. Он не собирался быть таким с Витой и дочкой.

Ему, черт возьми, не все равно.

– С вашей женой все хорошо, – говорит Катя. – И с малышкой тоже. Но я должна получить разрешение врача, прежде чем...

– Бога ради, что угодно, только быстрее.

Катя возвращается через две минуты, Дамир следил за секундой стрелкой на часах позади ее рабочего места. И она говорит, что он может увидеть Виталину.

Сердце Дамира подскакивает и начинает биться с невероятной скоростью.

Он идет по коридору вслед за Катей, хотя в душе хочет обогнать ее, побежать...

Спустя два поворота они оказываются перед палатой №35 и Катя отступает.

Дамир берется за ручку и тянет двери.

Дамир толком не успевает рассмотреть палату, мягкое, теплое тело бьет его в грудь, тонкие запястья обнимают за

шею, а лицо щекочат нежные светлые волосы. Дамир вдыхает аромат своей жены, он изо всей силы пытается проникнуться ее ароматом, прежде чем вынужден отпустить.

Виталина отстраняется от него на несколько сантиметров, чтобы подарить ему самую красивую улыбку и затем снова утыкается ему в плечо. Кажется, она шепчет «ты вернулся»... Руки Дамира скользят по медицинской рубашке и останавливаются на ее острых лопатках.

Дамир видит и чувствует, что животика нет, и хотя ему уже сказали, что роды прошли хорошо, интенсивное беспокойство сметает собой остальные теплые чувства.

Оно бьет его в лицо, как порыв ледяного ветра, помогая осознать, какой важный момент они вдвоем переживают. Он все пропустил, увы, пропустил роды, но он хотя бы видит Виталину, он обнимает ее...

– Вита, милая, ты как? Как Влада? Как все прошло?

– Хорошо, все хорошо. И со мной, и с малышкой...

– Вита...

– Я так переживала за тебя.

– Да что бы со мной случилось? – фыркает Дамир, поглаживая ее по спине. – Долбаный отец, – буквально выплевывает он. – Прости, что ты прошла через это без меня... Я его ненавижу за это, ненави...

– Все в прошлом, все уже в прошлом.

– Прости меня.

– Ты не представляешь, как я рада тебя видеть, – шепчет

Вита, прижимаясь к нему крепче, обволакивая спокойствием.

– Я тоже, – отвечает Дамир, и его голос дрожит от чувств.

– Все нормально, – повторяет Вита.

Несмотря на весь пережитый стресс, к ней вернулся здоровый цвет лица, губы яркие, на щеках бодрый румянец. Может быть, материнство делает ее такой красивой? Дамир даже успевает подумать, что Вита с ребенком на руках будет самым красивым, что ему доведется увидеть в своей жизни.

Он не удерживается и целует ее, нырнув глубоко в обожание.

Руки Дамира невольно сжимают талию Виталины, он чувствует тепло ее тела под своими пальцами. И улыбается ей в губы.

Поцелуй получается мягким и требовательным одновременно, искренним и нежным. Вита отвечает на его поцелуй с равной страстью, ее руки обвиваются вокруг его шеи, приглашая его еще ближе.

– Ты должен познакомиться, – говорит она ему нежно. – С дочерью.

Дамир следует за Витой, его шаги наполнены смесью волнения и трепета.

Когда они подходят к боксу для новорожденных, он впервые видит свою дочь и задерживает дыхание. Маленькая, недоношенная, но такая сильная, она лежит в инкубаторе, окруженная заботой и технологиями, которые помогают ей

расти.

Ее кожа кажется невероятно тонкой, почти прозрачной, а каждый вздох – это маленькое чудо. Дамир ощущает волну любви, непохожую ни на что, что он когда-либо испытывал. Он прижимает ладонь к стеклу инкубатора, и его сердце сжимается от желания защитить эту маленькую жизнь от всего на свете. В его глазах, вероятно, отражается счастье.

– Знаешь, о чем я думаю? – легонько толкает его Вита в плечо.

Он ведет подбородком, без слов прося ее продолжить.

– Оно того стоило, – кивает она. – Да, это была сложная беременность. От самого начала и до конца. Но оно того стоило.

Дамир зеркалит его улыбку, хотя выходит, наверное, скорее гримаса.

Большую часть проблем, если не все проблемы беременности Виталины, спровоцировал именно он, Дамир, своим поведением. И, конечно, ему еще предстоит долгая реабилитация перед ней.

Однако сейчас Виталина выглядит счастливой. Она неотрывно смотрит на свою дочку с рассеянной радостью. Дамир тоже поворачивается к Владе.

– Ты можешь поверить? – не удерживается он. – Она наша.

Они остаются в помещении с ребенком до тех пор, пока дружелюбная, но строгая медсестра не выпроваживает их вон, напоминая, что Виталина так и не приняла таблет-

ки, прописанные врачом для более быстрого восстановления. По дороге назад медсестра отвечает на вопросы Дамира с медицинской холодностью и профессиональностью. Говорит, что Виту решили оставить здесь еще на пару дней, но это просто «мера предосторожности»...

– Тем более, ребеночек ваш будет здесь, и в первые дни ему полезно быть с мамой...

– А с папой? – уточняет Дамир.

И видит, как Виталина справа от него усмехается.

– С папой тоже, – соглашается медсестра. – Если вы оставите ваш номер, то мы позвоним вам завтра перед кормлением.

– Обязательно. Так и сделайте...

Дамир отпускает руку Виталины, чтобы достать из кармана визитку. Он передает ее медсестре и снова обнимает пальцы Виты. Так они входят в палату. Женщина говорит, что он может побыть здесь до конца официальных часов посещения, но Дамир с ужасом осознает, посмотрев на часы, что осталось всего двадцать минут.

– Так что там... С отцом?

Спрашивает Вита, едва они остаются одни.

Она садится на одеяло.

– Он больше не проблема.

– Не проблема? – из ее рта вырывается нервный смешок. – Ты же не пристрелил его? – вздергивает бровь. Дамир отмечает про себя, что это было очень сексуально...

– Нет, но исключительно ради Влады.

– Она бы не обрадовалась отцу в тюрьме.

Дамир кивает и устраивается на край ее постели. Накрывает руку жены своей.

– Если коротко, то у меня есть на него компромат. Серьезный.

– Где ты его взял? – сужает она глаза.

– Неважно.

– Он будет мстить...

– Не будет он ничего делать, если не захочет, чтобы компромат был опубликован. А он не захочет, – кивает Дамир, надеясь, что его уверенность передастся и Вите. – Я знаю своего отца. Знаю, что для него значит компания.

– Точно?

– Этот компромат похоронит его компанию, а она для него дороже наследницы.

Вита вздыхает.

Молчит немного, поправляя одеяло.

– Значит, о нем можно забыть?

– Я очень надеюсь, что так оно и будет.

Вита смотрит на Дамира, ее глаза отражают мерцающий свет уличных фонарей, проникающих сквозь полузанавешенные шторы. Дамир отвечает взглядом, полным тепла и уверенности. Ему кажется, что они с Витой думают об одном и том же – теперь они отвечают не только за себя, но и за Владиславу; а за нее они синхронно готовы бороться изо

ВСЕХ СИЛ.

Глава 30

Спустя два дня после рождения Влады я все еще прихожу в себя...

Адаптируюсь к новому ритму, в котором особенное место занимает моя малышка. Когда я беру ее на руки, все остальное перестает иметь смысл. Я так люблю ее, что даже страшно становится иногда. Дамир, конечно, не считает, что я схожу с ума. Он уверен, что я буду хорошей мамой, даже вместе с моей врожденной привычкой беспокоиться обо всем на свете. Стоя рядом со мной, наблюдая за кормлением и процедурами Влады, он с энтузиазмом планирует предстоящую жизнь...

Дамир не давит на меня, говорит, что все решения я буду принимать сама.

Например, возвращаться на работу или посвятить себя воспитанию малышки.

Я знаю, что Дамир мечтает, чтобы я хотя бы какое-то время посидела с ребенком. Он не тот папа, который будет со спокойным сердцем отдавать малышку даже самой надежной няньке. К счастью, я в этом плане еще больший параноик, чем он.

Прямо сейчас отчетливо понимаю, что день, когда придется впервые оставить Владу больше, чем на несколько часов, разобьет мне сердце. Точно разобьет же...

– Я не представляю, как оставить ее с кем-то другим...
– не выдерживаю я, наблюдая, как Влада тянется ладонями к медсестре, которая пеленает ее. Эти маленькие ручки, маленькие пальчики... Целовала бы их непрерывно! – Не смогу я.

Дамир заглядывает мне в лицо.

– Мы найдем варианты, не переживай, – его рука опускается на мою талию, – Бывает же работа на дому, гибкий график. Если ты захочешь работать. Если нет, с этим еще проще, вообще проблем не будет...

Я смотрю ему в лицо.

Глаза Дамира сияют. В его взгляде вмещается так много любви...

– Главное, чтобы мои девочки были счастливы, – он целует меня в висок.

– А ты?

– Что? – он хмурится. – Счастлив ли я? Ты еще спрашиваешь... Иногда мне кажется, что мое тело банально не выдержит наплыва таких чувств, – посмеивается он.

Меня отвлекает Татьяна.

Она выходит за пределы процедурной, бережно неся Владу на руках.

Малышка успевает уснуть. Я неплохо изучила ее первые биоритмы, и знаю, что после кормления она почти мгновенно засыпает. Примерно восемнадцать часов Влада сейчас проводит в состоянии глубокого, целебного сна, но это нор-

мально, об этом предупреждал врач.

– Ну что, папа готов подержать доченьку? – обращается Татьяна к Дамиру.

Дамир только этого и ждал, он сразу делает шаг к Татьяне и осторожно берет Владу на руки. Его движения полны нежности и заботы. Дамир бросает на меня восхищенный взгляд, прижимает Владу к груди, обнимая. Влада мелко вздрагивает во сне, но под его «ш-ш-ш-ш» вздыхает, уютно устроившись в объятии своего папы.

– Какая красивая, какая же красивая... – он кивает мне, чтобы подошла поближе. – Посмотри, она же буквально твоя копия...

– На носик глянь, носик твой... – я легко беру Дамира под руку.

Дамир начинает осторожно покачивать малышку, пытаюсь окончательно убаюкать. Маленькие пальчики Влады сжимают его большой палец, и Дамир улыбается еще шире. Он обещает ей самое лучшее в мире, шепчет ей о будущих приключениях, которые они вместе переживут, и о том, как он будет защищать ее от всех бед...

Свет тускло падает через окно родильного зала, создавая мягкий ореол вокруг Влады. Я склоняюсь к дочери, подмечая каждую деталь на ее милом личике: маленькие реснички, которые едва заметно дрожат при вздохе и выдохе, мягкие, пухлые щечки, кажущиеся такими нежными...

Время отдавать Владу наступает слишком быстро, но ни

я, ни Дамир не жалуемся – мы бы даже из другого города приехали ради этих пяти минут с ней. Малышку снова кладут в бокс жизнеобеспечения, в нем она восстанавливается с комфортом.

Мы возвращаемся в палату, переговариваясь о каких-то мелочах, а мои вещи сразу встречают нас на пороге.

– Ты готова вернуться домой? – спрашивает Дамир.

Хотя вопрос риторический, ведь он уже подхватывает мою сумку в ладонь, а вторую в приглашающем жесте подает мне.

– Мы вернемся завтра, да?

– Конечно. И послезавтра, и в среду...

Я уверенно беру Дамира за руку.

Не размыкая ладони, мы выходим за двери клиники. Я ощущаю легкое давление Дамира на свою руку, когда вместе с ним направляюсь к припаркованной машине.

Солнце, пробивающееся сквозь облака, озаряет наш путь яркими бликами света среди теней. Я слышу легкий шелест листвы, далекий гул города, который почти не вмешивается в мечты и мысли.

Дамир открывает дверь автомобиля, позволяя аккуратно сесть на переднее сиденье, стараясь не потерять ни секунды нашего бесценного соприкосновения. Сиденье мягко принимает форму моих ног, и я комфортно устраиваюсь, расслабляюсь, игнорируя побочные эффекты родов. Дамир закрывает дверь и обходит машину, чтобы сесть за руль. Он броса-

ет на меня взгляд через плечо. Взгляд, полный любви и взаимопонимания. Я отвечаю ему тем же.

– Сюрприз? Ты серьезно?

– Приятный сюрприз, да.

– Ты уверен, что сюрпризы – это сейчас хорошая идея? – спрашиваю я у Дамира, преодолевая широкий зал частного родильного дома. На руках у меня Влада.

Я думаю о ней, чувствую ее маленькое тельце, прижатое к куртке, люблюсь попытками доченьки осмыслить огромный страшный мир, который ее окружает. Влада ведет себя тихо на руках, зато безумно громко требует внимания, если мама позволяет себе наглоть куда-нибудь отойти на минуту. Она укутана в мягкий, теплый конвертик розового цвета с кружевной отделкой по краям, и выглядит, на мой взгляд, как настоящая принцесса.

– В том и суть. Пора тебе, милая, привыкать к хорошим сюрпризам.

Спустя месяц пребывания в клинике, мне, наконец-то, отдали доченьку.

Все, эпопея с боксом закончена и моя девочка готова познавать этот мир, как и все остальные дети. Она стала еще красивее, весит теперь два килограмма девятьсот граммов. Дома ее ждет готовая спальня с кроватью, пеленальным столиком и развивающими игрушками.

Ее ждет дом.

В этих словах кроется весь смысл.

Дамир идет со мной вровень, держит в одной руке цветы, во второй – сумку с первыми вещами Владиславы. Цветы он успел подарить мне перед выпиской Влады, крепко поцеловав в губы. Роскошные белые розы пощекотали мои рецепторы изысканным парфюмным ароматом, но поскольку мои руки заняла Влада, цветы я вернула мужу.

Выйдя из роддома, я успеваю подумать, что у нас с Дамиром в кои-то веки что-то происходит нормально, по-человечески.

На мое лицо наплывает широкая улыбка счастливой ново-явленной матери, но потом она превращается в растерянное непонимание... Я поднимаю глаза и вижу Карину. Моргаю раз, другой, но Карина никуда не исчезает. Она держит в руках огромную мягкую игрушку – черно-белую панду. Рядом с ней Аслан в белой куртке, которая окончательно делает из него современного викинга... Я перевожу взгляд на Катю, она в своей манере машет мне сразу двумя руками, почти подпрыгивает.

Дамир поддерживает меня за талию.

И хорошо, потому что взгляд на людей, стоящих рядом с Асланом, приводит к резкому судорожному вздоху восхищения.

Я мелко оступаюсь.

– Мама... Папа...

Я спускаюсь со ступеней и подхожу к ним, замираю на се-

кунду, не зная, что предпринять. Я бы обняла их, но и отдавать Владу пока не хочу... Смотрю на них и поверить не могу. Наконец, до меня доходит, что сами бы они не приехали...

– Это ты устроил? – поворачиваюсь к мужу. – Но... Как? Как они все...

Дамир просто пожимает плечами, полностью счастливый от моего счастья.

– Мама, пап! Я так рада вас видеть! Я так рада вас всех видеть...

Родные и подруги подходят ко мне, образовывая круг.

– Девочка наша, ну как ты?

– Боже, какая хорошенькая у тебя дочурка, ай, какая!

– Красавицы наши...

После первых возбужденных вопросов и моих эмоциональных заверений, что «я в порядке, точно!», Дамир, улыбаясь, опускает сумку на пол, передает букет Кате и берет Владу, чтобы я могла нырнуть в руки к своим родителям. Мы сливаемся в долгом объятии, словно пытаюсь сразу же наверстать упущенное.

– Мы так скучали, – шепчет мама.

– Я тоже, – отвечаю я, чувствуя, что давно не была так близка с родителями.

На невиданном доселе уровне понимания и синхронизации.

Папа улыбается, укутывает меня сильными руками. Я чув-

ствую, как он старается передать мне всю любовь через этот жест.

– Мы всегда рядом, даже если не видимся часто, – говорит он.

Я знаю, что это правда.

Мои друзья тоже подходят, их глаза светятся от счастья. Они обнимают меня по очереди, даже Аслан не избегает контакта, хотя и бросает короткий взгляд на Дамира, словно убеждаясь, что он не против. После Аслана я снова оказываюсь в кругу своих двух близких подруг.

– Ты так много пережила, но то, какая ты красивая и счастливая сейчас – это настоящее чудо, – говорит мне Карина

– Ты боец, – подтверждает Катя.

Я киваю, стараясь не расплакаться.

Семья – это самое ценное, что у меня есть, и я благодарна судьбе за каждую минуту, проведенную вместе... Но без подруг я бы не пережила период страданий. Мама тоже подходит, кладет руку мне на плечо, пока папа с Дамиром деловито обсуждают, чьи гены унаследовала Влада. Я не удерживаясь, утираю слезы и сгребая всех в объятия.

Влада в руках Дамира – наша маленькая звезда, которая светит ярче всех на этом семейном небосклоне, и привлекает всеобщее внимание. Мама умудряется заглушить гул и начать рассказывать, что наша Влада похожа на меня в детстве...

– Давайте сделаем фотографию, – предлагает Дамир, мы собираемся вместе.

Фотографий мы делаем много.

И еще столько же, когда из-за поворота неожиданно выбегает Тим, жалуясь, что таксист повез его куда-то не туда... Тим подхватывает меня на руки, а потом с тем же энтузиазмом бросается к Дамиру, и под смех на фоне отрывает от земли и его.

– Братишка! Я так рад за вас! Ну, показывайте королевну...

Тим в восторге от Владиславы.

Как и все остальные.

Меня распирает счастье от присутствия стольких дорогих людей.

И счастья становится еще больше, когда...

– Я люблю тебя, – шепчет Дамир. – Я сделаю все, чтобы ты никогда не переставала улыбаться, – и целует меня.

Эпилог

Спустя несколько месяцев

Возвращение мужа застает меня за довольно специфической работой. Передо мной открыт сайт с товарами, которые могут сделать любую девчачью вечеринку на порядок пикантнее. Над этой страничкой я сижу добрых минут пятнадцать, стараясь прикинуть, что придется Карине по вкусу. На правах ее лучшей подруги – я организатор ее девичника. И, естественно, над задачей я заморачиваюсь с тем же уровнем тщательности, как и со всем остальным.

Невольно вспоминаю свой девичник и мое жгучее желание поскорее вернуться в квартиру к Дамиру, потому что только о нем я в то время и думала ежечасно... Гостей не было, поскольку пышного празднования я не хотела. Мы с Кариной просто забронировали столик в летнем зале кафе и до самого вечера беседовали под коктейли о выбранных нами мужчинах...

Карина – совсем другого толка человек. Ей нужна феерия, нужен праздник.

И, возможно, смешные стаканы в форме самого известного мужского органа тоже лишними не будут. Я с видом ребенка, который только что совершил шалость, нажимаю на кнопку «Купить» и кладу набор стаканов в электронную корзину к тематическому шампанскому, воздушным шарам,

набору для фотозоны и даже фате.

– Вита?

Дамир включает в коридоре свет и шуршит ветровкой.

– Привет, – тихонько отвечаю, предупреждая таким образом, чтобы не шумел. У нашей дочери снова тихий час.

Дамир входит в комнату.

– Чем занимаешься? – спрашивает.

Я не могу удержаться и делаю внушительный вдох, наслаждаясь ароматом мужа. Дамир принес с улицы запахи первых распускающихся цветов, зелени. Постепенно, с каждым днем, в городе становится больше кислорода, световой день увеличивается. Мне кажется, что и я тоже просыпаюсь – словно после длительной эмоциональной спячки.

Дамир целует меня в щеку прохладными нежными губами.

– Ого, какие... Интересные бокалы, – комментирует он, глянув на экран ноута.

– Для девчонки Карины, – делаю паузу. – Думаешь, ей понравится?

– Я предвзятый, Вит. Мне нравится все, что ты делаешь, так что...

– Подлизываешься, – усмехаюсь.

Дамир не отрицает.

– Как дела у крохи?

– Полный порядок, – я, наконец, отрываюсь от ноутбука и позволяю Дамиру опуститься на спинку дивана, утянув ме-

ня за собой. Такие объятия – еще одна любимая часть моей новой повседневности. – Спит, – продолжаю я, укладываясь удобнее на его груди. – Я уже проверила.

Дамир проводит пальцами по моим волосам.

Он теперь смотрит на меня с ухмылкой, как будто придумал что-то интересное. Веселье, сверкающее в его глазах, и во мне пробуждает предвкушение с интригой.

– Если кроха спит, то мы можем... – начинает он, опуская руку на мое бедро.

– Сейчас? – вырывается у меня. – Влада может проснуться...

Хотя внутри уже начинается приятное бурление. Иногда наша дочь спит образцовым крепким сном, и этими волшебными моментами мы пользуемся, чтобы полностью насладиться друг другом.

– Тогда тебе придется быть тихой.

Дамир приближается ко мне, его губы ложатся на мои, начиная поцелуй, который выбрасывает из меня лишнюю предосторожность. Все мысли рассеиваются, погружая в мягкое облако возбуждения. Чувствую на своих щеках руки Дамира. Он целует меня еще раз, опускаясь к шее. Вслед за его теплым дыханием кожу ласкают губы. Он оставляет влажную дорожку до самого подбородка.

– Думал об этом весь день, – шепчет в самое ушко. – Хочу тебя, Вит.

Я сдаюсь, хочу его не меньше, отодвигаю ноутбук и пере-

брасываю ногу через бедра Дамира. Сажусь на него сверху, позволяя целовать с жадностью и страстью, которые пробуждают во мне *женщину*. Не маму, не жену, а именно женщину. Ту, что всей душой желают. Дамир роняет меня на диван, смеется вместе со мной, стараясь в спринтерском темпе избавиться от тканей, которые сейчас кажутся лишними.

Его губы не унимаются, его руки страстно исследуют мое тело, вызывая волну ощущений. Кожу покрывает приятное трепетание в местах, где он меня касается. Дамир опускается на меня со вздохом удовольствия, а я сдерживаюсь, чтобы не закричать... Обнимаю его и руками, и ногами, прикрываю глаза, растворяясь в его движениях. Наша страсть не знает границ, хотя замкнута в маленькой гостиной. Мы сливаемся в моменте, две половинки, нашедшие свое истинное место. Волнение пронизывает каждую клеточку моего тела, истома заставляет терять контроль над своими чувствами. Я сбрасываю ограничения, все маски, которые ношу в обыденной жизни и отдаюсь моменту с полной открытостью.

Заканчиваем мы тем, чем и начинали. Поцелуем. Дамир отстраняется и поднимает взгляд с моих губ на глаза.

– Забыл, кстати, сказать, – шепчет он. – Меня взяли на работу.

– Что?

Открываю глаза шире.

Медленное осознаю, о чем он говорит.

– В «Маяк»?

– В «Маяк», – он кивает. – Финансовым директором.

Всю последнюю неделю Дамир с завидным упрямством ходил на различные собеседования в компании, которые рисковали брать нового человека сразу на должность топ-менеджера...

Иногда эти собеседования были абсолютно отвратительными, а иногда многообещающими. Но больше всего надежд Дамира было связано именно с «Маяком».

– Правда? – я начинаю посмеиваться. – Забыл сказать?

Он целует меня, не давая как следует задуматься об этом, а потом просто укладывается рядом со мной, на узком диване, даже не одевшись. Мы кое-как размещаемся там, я – у Дамира на плече. Лежим и слушаем тишину, которая сегодня окрашена триумфом и удовлетворением.

Хотя не буду врать, уже несколько месяцев я не боюсь тишины.